СИБИРЬ

3 93

Сибирский детектив

Геодим КАСЬЯНОВ.

Капкан для интеллектуала.

Александр БЕЛЯЕВ.

Я был свидетелем.

Юрий ДУШКИН.

А.А. Баранов в Иркутске.

СИБИРЬ

3 93

Журнал писателей
Восточной Сибири
Учредитель
Союз писателей РСФСР

Основан в 1930 году

СОДЕРЖАНИЕ

ISSN 5 - 7424 - 0385 - 2

Геодим Касьянов

Капкан для интеллектуала.

Повесть

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Была весна, когда произошла со мною эта необыкновенная история. И началсь она весьма скверно.

Накаунуне я весь день бегал по этажам и приемным родного института и пробивал через начальство отчет по тематике нашей лаборатории. Начальство упрямилось, но все не потому, что понимало что-то в отчете, а от того, что не хотело финансировать это направление. Однако в конце дна отчет - с оговорками - удалось подписать. После работы я отправился к старому знакомому - от отмечал годовщину свадьбы, и вот теперь, во втором часу ночи пешком возвращался домой.

Ночь была морозной и асфальт, еще недавно мокрый от растаявшего днем снега, покрылся тонкой коркой льда. Улица была тиха и безлюдна. Спустившись от освещенного перекрестка вниз, к пустырю, я увидел впереди темный силуэт человека. Человек стоял, согнувшись над какой-то сумкой или рюкзаком - издали было непонятно. Услышав мои шаги, человек выпрямился и посмотрел в мою сторону. Недрогнувшей походкой и подошел ближе и тут увидел, что на земле вовсе не рюкзак. На земле лежал мужчина. Он лежал, свернувшись клубком и уткнув лицо в мерзлый асфальт, а левая рука его странным образом была загнута за спину. Пола плаща задралась и обнажила желтую подкладку.

Я остановился.

- Он без сознания, - глуховатым от напряжения голо-
сказал тот, что стоял с ним рядом. - Я иду, смотрю, а он л
Потерял сознание, - повторил он. - Наверное, упал и у

Я присел на корточки и взглянул на лежавшего сбоку. Лицо его вдавилось в асфальт. Я нахмурился и покачал головой.

- Непохоже, чтобы случайно упал. Вы откуда шли? С какой стороны?

- Оттуда, - человек махнул рукой в сторону домов, которыми начинался академический поселок, благоговейно именуемый Академгородком.

- Навстречу кто-нибудь попадался?

- Нет, - он встревоженно помолчал. - А вы думаете... он мертв?

- Мне кажется, да. - И не отрывал глаз от свернувшегося клубком тела. - Уж очень лежит неаккуратно.

Человек присел на корточки по другую сторону от лежавшего. Мы помолчали.

- В тех домах есть переговорный пункт, он открыт круглосуточно. - Человек посмотрел на меня вопросительно. - Я сбегаю туда, позвоню, а вы тут покараулите. Пойдет?

Я подумал и согласно кивнул.

- Только звоните сразу в милицию, про скорую она сама сообразит.

- Конечно.

И он торопливыми шагами отправился к поселку.

Я встал и огляделся. Следов крови не видно, и вообще никаких подозрительных пятен или предметов в поле зрения нет. Просто лежит среди тротуара скрученный в жгут человек. Тело, бывшее совсем недавно человеком. Сверху бесстрастно глядит черное звездное небо. Ночь темна и скрывает еще одну роковую тайну.

Лицо уткнулось в асфальт; это потому, что он падал на землю уже мертвым; если бы еще был жив - обязательно отвернул бы лицо в сторону; таков инстинкт.

Через двадцать минут рядом со мной остановился милицейский газик. Из него выпрыгнули двое в форме и подошли к изогнутому телу. На меня, кажется, не обратили внимания. Подойдя, бегло осмотрели труп, потом один из них оторвал от асфальта верхнюю часть его туловища, а другой стал разглядывать лицо. Я взглянул тоже и широко раскрыл глаза.

- Стоп! - сказал я и сделал шаг ближе.

- Что такое? - спросил милиционер и настороженно уставился на меня. Я молча рассматривал мертвое лицо. Да, теперь я его узнал. То-то мне с самого начала показалось, что я видел где-то этот плащ с желтой подкладкой...

- Он живет здесь, в поселке, в общежитии для молодых специалистов, - сказал я и поправился: - то есть жил. А работал, кажется, где-то в институте техником.

- Вы его знаете? - спросил один из милиционеров, на нем были погоны младшего лейтенанта;

- Нет, но я живу там же. Выше этажом.

- Это вы нам звонили?

- Нет. До меня его обнаружил какой-то мужчина, он и пошел звонить на переговорный пункт.

А назад не вернулся, угрюмо подумал я. Преподчел умыть руки.

- Иди вызывай группу, - приказал лейтенант напарнику и повернулся опять ко мне.

- Документы есть?

Я пошарил в карманах и достал служебное удостоверение, которое имел обыкновение носить с собой.

- Так, - сказал младший лейтенант. - Кем работаете? Точный адрес? Откуда и куда направлялись?

И я сразу оказался в роли ученика, экзаменуемого у классной доски. Не очень приятное ощущение. Впрочем, допрос, или, если угодно, беседа, закончились довольно быстро, после чего я был отпущеен с миром. Отойдя на несколько сот шагов, я оглянулся: у места происшествия появилась еще одна машина. Возле тела бывшего техника кипела работа. Бог вам в помощь, ребята...

Я пошагал дальше. Над крышами домов висел тонкий ущербный серп луны.

Приключение это, надо честно признаться, через несколько дней забылось: работы в то время было выше головы; наука поглощала все мое время и мысли.

Прошла неделя.

НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Я захлопнул тетрадь, оттолкнуул от себя микрокалькулятор и взглянул на часы: было без пяти минут три. Все, хватит. Сейчас подойдет Олег, он звонил еще утром и сказал, что придет в три часа. Я откинулся на спинку стула, повернул голову и уставился в окно.

Весеннее бледноголубое небо выглядывало из-за серой громады здания экспериментальных мастерских, стоявшего рядом с научным корпусом института. Вид из окна не радовал глаз. Солнце, бившее в окно сбоку, высвечивало на стекле многолетнюю пыль и мелкие капли краски, оставшиеся на нем еще со времени последнего капремонта помещения. Когда же он был, последний капремонт? Да уж года три тому назад... Нехорошо. Скоро наступит время весенних субботников, надо будет обратить на это окно внимание коллектива.

Я отвернулся от окна и перевел глаза на Веню Рожнова. Ведущий инженер сидел на стуле возле установки, слегка напоминавшей паровоз братьев Черепановых в уменьшенном масштабе, и что-то записывал в тетрадь с синей обложкой. Черная, как смоль борода его выглядывала из-за ушей, могучая шея распирала воротник желтой рубашки. Веня Рожнов управлял паровозом, не поднимаясь со стула.

Я повернул голову вправо.

В углу, слева от входной двери шелестел длинной бумажной распечаткой, только что принесенной из машинного зала, научный сотрудник Альберт Дутяев. Нервный и худосочный, каким и положено быть научному сотруднику. Упершись глазами в полотно бумаги, он стучал пальцами по столу, отбивал такт ногами и носом. Видимо, в распечатке содержалось нечто интересное.

Мерно гудел вентилятор, обдувавший паровоз Черепановых; шуршала бумажная простыня в руках Альберта; я неприязненно косился на калькулятор, лежавший на моем столе. Надоело все. Устал.

Мелодично звякнул колокольчик, обязанный привлекать наше внимание к входной двери. Дверь, к сожалению, откры-

валась без скрипа, поэтому колокольчик в наших условиях был настоятельно необходим: однажды Вена задремал возле паровоза и не среагировал на появление завотделом. Зав выключил установку - не всякий зав в состоянии это сделать - и сказал очнувшемуся инженеру, что приборы в такой ситуации надо обесточивать...

На этот раз колокольчик возвестил о появлении молодого человека лет двадцати пяти, высокого, в очках и с прической ежиком. Он заглянул в дверь, молча поманил меня пальцем и скрылся в коридоре. Это был Олег. Я вышел вслед за ним; мы прошли в конец коридора и стали у окна. Олег закурил, посмотрел на меня, но ничего не сказал.

- Ну? - спросил я его. - Отчего у тебя чело хмурое? Что случилось? Мы знали друг друга давно, еще с первого курса института, хотя и учились на разных факультетах. Свела нас вместе засасывающая, поглощающая страсть - оперативный отряд. И здесь, в НИИ, куда мы попали с ним по распределению, Олег начальствовал в местной институтской опергруппе, состоявшей из рисковых молодых людей. Я же стал потихоньку отходить от этих забот, все больше увлекаясь наукой. Но не всегда такое отступничество благополучно сходило мне с рук, поэтому к визитам Олега я относился с особым вниманием.

- Посоветоваться надо,, - сказал Олег, пыхнув дымом в сторону. - Ты как, мыслить сейчас в состоянии?

- В состоянии, буркнул я, сунув руки в карманы. - А что, в твоих делах тоже мыслить требуется?

- Требуется, - подтвердил он, глубоко затянулся и спросил: - Ты помнишь своего соседа по общежитию, которого недельку назад убили?

- Помню, конечно. Четвериков его фамилия.

Олег покосился на меня.

- А знаешь, как его убили?

- Нет.

- Проткнули сердце шилом. Прицельный удар в грудь. Его, видимо, держали за руки.

Я помрачнел. Что за звери бродят по ночам на наших улицах?

- А ты знаешь, за что его? Хулиганство или что-то другое? - поджав губы, спросил я.

- Что-то другое. В том-то и дело. Поэтому нас попросили подключиться.

- Ну, да? Смотри-ка! Я весь внимание.

- Ты, конечно, слышал о квартирных кражах в Академгородке?

- Ага.

Это было наказание Господне. Уже три месяца в наших краях удачно и дерзко орудовала шайка квартирных воров. Они работали днем, вскрывали богатые квартиры, когда хозяева были на работе, дети - в школе, похищали ценные вещи и всегда крупные суммы денег. И исчезали бесследно. Местному угрозыску сейчас приходилось туго.

- Оказывается, Четвериков видел одну похищенную вешь на барахолке. - Олег рассеянно ткнул сигарету в общественную пепельницу - тарелку, уведенную кем-то из буфета. - Магнитофон. Он его узнал, потому что имел с ним дело: ремонтировал. А потом хозяина обокрали и магнитофон пропал. Четвериков знал об этом.

- Ну, и что дальше? - с нетерпением спросил я.

- Дальше все пошло не очень ладно. Продавец оказался тертым калачом; он почуял неладное и решил быстренько смыться. А Четвериков стал неподалеку и решил сесть ему на хвост. Тут к продавцу подошел один тип. Свой человек. Он помог ему собрать товар и вдвоем они сразу исчезли, Четвериков и глазом не успел моргнуть. Народу-то много, где ему.

Я нетерпеливо покивал головой, соглашаясь с этим объяснением.

- Ну вот, теперь самое главное. Четвериков узнал этого типа, он его видел где-то в Академгородке. И на свою беду трепанулся об этом и общежитии. Будучи под градусом. Сказал, что обязательно найдет его и прижмет,уж он у него не вывернется. Хотел, как я понимаю, шантажировать. Но не успел.

И Олег сурово посмотрел на меня, будто именно я был виноват в том, что Четвериков не успел... Я ответил ему заинтересованным взглядом.

- Ну-ну. А ты откуда все это знаешь?

- У уголовного розыска длинные уши.

- Хм... Как он описал внешность этого типа? Ну, которого видел здесь, в поселке.

- Никак. Не захотел. Может быть, опасался. Зато проболтался, где он работает.

- Где?

- У нас в институте.

Я обалдело уставился на него. Потом на тарелку с окурками. Потом в окно.

- А... в каком подразделении?

- Он сам не знал. Собирался выяснять.

- Угу...

Молчали мы довольно долго. Потом Олег сказал:

- Самое главное сейчас - не сбиться на повальную подозрительность. Наломаем дров.

- А вообще-то конкретно, что надо делать?

- Конкретно - искать похищенные вещи. Их сбывают не только через барахолку. Не исключено, что и у нас в институте.

- Ну-у, вряд ли! Это опасно.

- Оно так, но чем черт не шутит... А главная задача - выяснить, кого видел Четвериков на барахолке.

- Ишь ты! Совсем просто.

- Трудновато, не спорю. Вот и подумай, поразмышляй на эту тему. Предложи какой-нибудь план, надо же с чего-то начать. Ты у нас умный.

Я поразмышлял тут же, у окна, и честно сказал:

- Олег, тут может помочь только какая-нибудь случайность. Или дополнительная информация.

Олег пожал плечами и потянул из кармана еще одну сигарету.

- Если будет еще информация, я тебе сразу сообщу. А пока... думай. И присматривайся.

И мы разошлись в разные стороны.

НЕПРИЯТНОЕ ИЗВЕСТИЕ.

Лиха беда начало. Через день после нашего разговора Олег, звякнув колокольчиком, снова заглянул в дверь и вежливо поинтересовался:

- Тебя можно на минутку?

В комнате стояла тишина. Вена Рожнов, запустив руку в трубу паровоза и страдальчески морщась, крутил внутри какую-то регулировку. Дутяев, забрав в кулак подбородок, бессмысленными глазами смотрел прямо перед собой. Наверное, просчитывал что-то в уме. Я медленно собрал вместе руки, ноги и, оторвавшись от стула, тихо вышел за дверь. В полутьме коридора Олег блестел стеклами очков и молча ждал.

- Пошли? - мотнул он головой.

- Пошли.

И мы направились к окну. Там, закурив сигарету, он спросил:

- Ты казначея в нашем профкоме знаешь? Анну Игнатьевну.

- Нет. Это важно?

- Видимо, неважно. Так вот, вчера вечером она пришла ко мне и мы долго беседовали. Она рассказывала интересные вещи, которые логически в голове у меня как-то не укладываются. Суть в следующем: она обнаружила, что сейф, где документы профкома хранятся, кто-то открывает в ее отсутсвие и роется в бумагах. А ключ хранится только у нее или у председателя профкома, иногда она ему ключ отдает по его просьбе. Больше ни у кого в руках ключ не бывает. Ну вот, она утвержадет, будто уже не раз замечала, что документы в сейфе лежат совсем не так, как она укладывала их перед этим. Объяснения таким фактам она найти никак не может.

- А председатель знает об этом?

- Знает и тоже удивляется. Даже не верит.

- Ну, что ж, - глубокомысленно произнес я, - нечему тут удивляться. Значит, ключ от сейфа побывал в чьих-то воровских руках, только и всего. Надо искать. Просто так это дело оставлять нельзя, могут быть неприятные последствия, если профком вздумает в этом сейфе, например, деньги хранить.

- Они и хранят, - коротко сообщил Олег и посмотрел на меня, прищурившись. - Правда, небольшие суммы, несколько сот рублей.

Эге! Это уже интересно.

- И что, деньги не исчезают?

- Нет, деньги все на месте.

- М-м... Странное обстоятельство.

- Ну-ну! - Олег усмехнулся и помолчал. - Так что ты можешь сказать по этому поводу?

Я пожал плечами.

- Что сказать... Надо изучить людей, которые имеют доступ к сейфу. Не к ключам, а именно к самому сейфу. Чтобы его открыть, надо же вначале к нему подобраться...

Олег сунул окурок в общественную тарелку.

- Я спрашивал Анну Игнатьевну, кто, по ее мнению, может это делать. Она ничего не могла сказать. Но обещала приглядеться.

- Слушай, а с райотделом ты не связывался? - вспомнил я о работниках правопорядка, курировавших наш институт.

- Не связывался. Это бесполезно, им сейчас не до нас.

- Что так?

- Ну, ты знаешь о квартирных кражах в микрорайоне. Они из-за этого в запарке.

Мы помолчали.

- А что за документы в сейфе хранятся? - спросил я.

- Да самые обычные, какие в любом сейфе водятся, - голос Олега звучал уныло. - Путевки в дома отдыха в отдельной папке лежат, ведомости уплаты членских взносов, заявления граждан на материальную помощь. Еще что-то, не помню уж, о чем она говорила.

- А с путевками все в порядке?

- В порядке.

- Бессмыслица какая-то, - сказал я, слегка раздражаясь. - Какого черта ему нужно в этом сейфе?

Мы снова замолчали, глядя с грустью в окно. Из него открывался вид на громадный пустырь перед институтом, весь покрытый сухой блеклой травой. Весна была теплой, поэтому снег уже сошел и странная серая масса, покрытая пылью, закрывала землю. Пройдет немного времени, сквозь мертвый покров прорастут живые побеги и пустырь вновь покроется зеленым ковром. Всему свое время.

- Зайди вечером в опергруппу, - сказал Олег, - я принесу список людей, которые работают недалеко от сейфа. Будем разбираться.

- И постарайся узнать, по каким числам и дням недели происходили эти криминальные события, - добавил я задумчиво. - Вдруг какая-нибудь система обнаружится.

Олег улыбнулся.

- Думаешь, по календарю работают? Счастливые дни выбирают?

- Как знать, как знать. Мотив-то неизвестен.

Когда я вернулся в лабораторию, Альберт Дутяев посмотрел на меня чуть насмешливо.

- Секретное совещание о состоянии преступности в институте? - ехидной скоровоговоркой спросил он. - Или обсуждение статей Уголовного кодекса?

Хм, ишь, какой приметливый! А я думал, он весь поглощен работой.

Вена раздвинул в улыбке бороду.

- Чьих, говоришь, статей? Уголовного кодекса? Это кто такой? Который в очках?

Альберт коротко хохотнул.

- Ну уж, - возразил я, садясь за свой стол, - тогда ты - кодекс строителя коммунизма. Прямо вылитый.

Альберт опять коротко рассмеялся.

- А ты чего все хихикаешь? - переключился я на него.

- Виноват, - откликнулся Альберт, - это все от нервов. Директор звонил только что, интересовался, кого у нас на рабочем месте нет. Вот я и разнервничался.

- Хватит врать-то. Вам бы все хиханьки да хаханьки, - ворчливо сказал я. - А преступность - она не дремлет. Хоть в рабочее время, хоть в нерабочее.

- А что, и у нас в институте тоже? - удивился Альберт.

- А что, институт исключение? Такие же люди работают, как и везде.

- Что-нибудь серьезное?

- Пока неизвестно. Скорее - странное.

- Если в институте - это плохо, - заявил Вена. - С такими явлениями надо бороться.

- Вот мы и боремся! - суровым голосом сказал я.

Зазвонил телефон, стоявший на лабораторном столе возле паровоза Черепановых. Вена потянулся и взял трубку.

- Тебя, - сказал он, поворачиваясь к Альберту. Дутяев встал и ленивыми шагами пошел к телефону.

РАЗМЫШЛЕНИЯ.

Вечерело. Узкий четырхугольник окна стал серым, сумерки сгустились и мы зажгли верхний свет. Комната была длинной и тесной от большого количества старой и пыльной мебели. Раньше здесь располагалось многочисленное подразделение вахтеров, день и ночь охранявших все входы и выходы института, теперь - опергруппа, работавшая в контакте с инспекторами уголовного розыска. Вахтеры давно переселились. Однако вахтерские шкафы, забитые доверху бланками пропусков, актов задержания и еще какими-то мудреными бумагами, продолжали непоколебимо стоять вдоль стен, заполняя пространство. Стирать с них пыль, разумеется, было некому.

После долгих обсуждений мы выделили из многочисленной компании, имевшей рабочие места неподалеку от сейфа, трех человек, исключая саму Анну Игнатьевну; один из них - контролер ОТК опытного цеха - сидел в той же комнате, что и казначей, совсем рядом с сейфом; две женщины, обитавшие в

соседнем помещении, ежедневно приходили сюда пить чай; одна из них работала в отделе снабжения, другая - кладовщицей в инструменталке. Никаких компрометирующих данных на этих людей у нас не было, мы выделили их только потому, что они чаще других бывали в этой комнате. Конечно, бывали там и другие люди, но, как правило, нерегулярно. Приходили, решали какие-то вопросы и уходили. А если и оставались "почесать языки", то ненадолго и сейфом, разумеется, никто не интересовался. Кому он нужен? Комнату после работы закрывали на замок и ключ сдавали на вахту, но, к сожалению, двери всех близлежавших помещений открывались одним и тем же ключом: замки отдел снабжения закупил одинаковые. Была еще одна интересная подробность: находясь в помещении, где стоял сейф, можно было закрыть замок на защелку и тогда попасть в комнату снаружи становилось невозможно. Это гарантировало "медвежатника" от случайностей во время работы с сейфом.

Кем же он был, "медвежатник"? На этот главный вопрос ответа мы не могли найти. Да и как его найдешь, если неизвестен мотив, объясняющий его действия? Зачем надо тайком открывать сейф? Что ищет злоумышленник в ворохе бумаг, лежащих на полках? Почему, к конце концов, он не трогает деньги?

- Ты узнал, по каким числам сейф открывали? - спросил я Олега.

- Последний раз -- десятого числа, а когда это случалось раньше - она не помнит.

- Хм, десятого... , а восьмого получка.

- И квартальную премию весь институт восьмого получал.

- Да... Но больших денег-то в сейфе не было!

- Было семьсот с чем-то рублей, однако, на них не польстились.

- Ага. А на что польстились?

- Да ни на что. Ничего не пропало, просто бумаги лежали совсем не так, как были положены.

- Угу. Но этим-то, - я ткнул пальцем в бумажку, на которой были написаны три фамилии, - этим-то зачем надо в докумен-

тах рыться? Они же в открытую могут Анну спросить, если их что-то заинтересует. Верно?

Олег промолчал.

- Не там ищем. И не так, - угрюмо сказал он немного погодя, подошел к окну и уставился в чернеющий четырехугольник. А я положил на стол кулаки, водрузил на них подбородок и принялся разглядывать облупленную поверхность стола.

- И все-таки эта комбинация каким-то образом связана с деньгами, я в этом убежден, - сказал Олег, не оборачиваясь. - Кроме корысти здесь ничего нет. В сейфе начало какой-то длинной цепочки, на конце которой - деньги. Другого объяснения я не вижу.

- Деньги... - повторил я и хмуро уставился ему в спину.

В самом деле, перед нами маячит, скрываясь в тумане, какая-то хитроумная комбинация. Цепочка, на конце которой - деньги. Вполне может быть, отчего нет? А начинается цепочка с профкомовских документов и ведет далее в неизвестность. От каких, интересно, документов она ведет в эту неизвестность? А если предположить, что... Тут я некстати вспомнил, что на милицию сейчас рассчитывать не приходится, у нее дел по горло. И в голове у меня в этот момент будто выключатель щелкнул и осветил... не то, чтобы цепочку, но направление, по которому могли уходить от сейфа ее звенья. Я поднял голову и замер, прислушиваясь к этой мысли, как музыкант прислушивается к звучанию инструмента: фальшивит или не фальшивит? Кажется, нет.

Олег повернулся и посмотрел на меня внимательно.

- Ты не стихи ли сочиняешь? - с удивлением спросил он. Я блаженно улыбнулся.

- Поэму.

- Что, вдохновение подперло?

- Накатило. Слушай, знаешь, когда они снова в сейф полезут?

- Кто это - они?

- Не знаю. Но если я правильно рассуждаю, то через четыре дня.

- Почему?

- Потому, что сегодня пятое число.

- А через четыре дня будет десятое. Экая догадливость! А почему бы им вьмого не забраться в него? Заодно, может, скажешь, зачем это надо?

- Скажу, так и быть. Хотя не ручаюсь, что все именно так и есть, как я думаю.

- Это хорошо, что не ручаешься, - усмехнулся Олег и полез опять в карман за сигаретами. - Человек всегда должен в чем-то сомневаться. Сомнение - двигатель прогресса. Ну, давай, рассказывай.

Буквально через пять минут он подтвердил свою приверженность такому взгляду на прогресс, подвергнув сомнению все пункты моих рассуждений.

- Но, - сказал он, подводя итог возникшей между нами по этому поводу дискуссии, - сомнения пусть остаются, а к десятому числу надо хорошо подготовиться. Давай-ка подумаем на эту тему.

ЛОВУШКА

Наш план заключался в следующем: после окончания работы, когда схлынет волна бегущих домой людей, пройти в здание экспериментальных мастерских, с помощью заранее полученного от коменданта ключа скрытно проникнуть в комнату, где стоит сейф, и закрыть ее изнутри - но не на защелку. И ждать. В комнате стоит большой старый шкаф, где в часы работы вешают верхнюю одежду; в этот шкаф мы намеревались спрятаться, если кто-то начнет открывать дверь снаружи. И кто бы ни попал к нам в руки - тут же, не отходя от сейфа, начать его колоть. Колоть по всем правилам, упорно и настойчиво, хоть до утра. Не может быть, чтобы застигнутый врасплох на месте преступления злоумышленник не признался во всем. Так думали мы.

В конце рабочего дня десятого числа Олег пришел ко мне, сел у стола на скрипучий стул и затеял разговор о трудностях, переживаемых ныне в связи с разгоном доблестной когда-то

народной дружины. Он говорил и поглядывал рассеянно на Вену Рожнова, все еще сидевшего около своей установки.

Прошли те времена, когда по вечерам из опорного пункта милиции выходили толпы людей с красными повязками на рукавах и, весело переговариваясь, расходились по маршрутам. На маршрутах было тихо и спокойно: то ли кто-то их составлял соответствующим образом, то ли еще какая причина, но если за все время дежурства кому-либо из дружинников удавалось притащить в опорный пункт пьяного мужика с разбитым носом, то на него сбегалась смотреть вся дружина. Стояли вокруг молча и глядели, пока не приезжал желтый фургон из вытрезвителя. Потом все выходили на свежий воздух, курили и рассказывали друг другу страшные истории. Так проходило дежурство.

Однако все это, увы, осталось в прошлом. Какой-то ретивый бюрократ взял да и отменил те привилегии - три дня к очередному отпуску, которые дружинники получали за свои вечерние труды. И тут же выяснилось, что задаром носить по вечерам красную повязку никто не хочет. Все-таки побить могут. И добровольная дружина в институте быстро растаяла, как весенний снег под ярким солнцем.

Откровенно говоря, меня мало занимали эти проблемы, потому что я никогда не испытывал почтения к людям, степенно гуляющим по вечерним улицам с красными повязками, но Олег говорил и говорил... А я слушал и поддакивал, с нетерпением ожидая, когда он, наконец, кончит. В итоге Вена Рожнов, оставшийся поработать этим вечером, на своем паровозе, чтобы выбить из начальства отгул, оставил рабочее место и подошел к нам посочувствовать.

- Тебе к директору сходить надо, - веско сказал он, обращаясь к Олегу, - Расскажи ему про эту канитель. Мало ли ли что дружинникам три дня к отпуску отменили, кто-то наверху волюнтаризм проявил и теперь на пенсию вышел. А директор может эти три дня вернуть для своих, директорам сейчас большая самостоятельность дана. А без дополнительного отпуска никто не пойдет к вам дежурить, точно говорю, - и Вена убежденно тряхнул черной, как смоль, бородой.

- Э-м-да... - слегка растерялся Олег, не ожидавший конкретных предложений. - Оно, может, и так. Однако... это не наши люди. У них свой командир есть, который повязки раздает. А мы без повязок работаем.

- А вы дополнительных три дня получали? - спросил Вена.

- Нет, не получали, - сконфузился Олег.

В самом деле, удивился я. Как это вышло, что мы, оперативники, задаром работали? Странно, но никому из нас такая простая мысль во-время почему-то не приходила в голову.

Увидев, что у Вены брови полезли вверх, я с жаром воскликнул, повернувшись к Олегу:

- Вот и сходи к директору! Что, мы не такие люди, как дружинники? Мы даже лучше. Правильно я говорю, Вена?

Вена снисходительно рассмеялся, после чего повернулся и, засунув руки в карманы, пошел к своему паровозу. Он остановился возле стола, повертел регулировочный винт на какой-то железяке и задумчиво уставился на контрольный прибор с мелькающими зелеными цифрами. Я посмотрел на часы.

- Идем?

- Идем.

Мы молча прошли по длинному коридору, освещенному мерцающим светом люминесцентных ламп, повернули направо на лестничную площадку и медленно стали спускаться вниз. Олег упорно смотрел под ноги, потом искоса глянул на меня и полез в карман за сигаретами.

- Спрячь! - рявкнул я.

- Ты думаешь?

Он с сомнением посмотрел на пачку.

- Ни в коем случае, - сурово подтвердил я. - Свежего курильщика я, например, за сто метров учую. Даже с наветренной стороны.

- Какой у тебя нюх, однако, - удивился Олег, вздохнул и спрятал пачку в карман.

В здании экспериментальных мастерских седовласый надменный вахтер мельком глянул на наши пропуска и отвернулся. Мы поднялись на второй этаж, прошли полутемный

коридорчик и остановились у самого угла. Теперь надо повернуть налево и по широкому и светлому коридору подойти к унылой, крашеной зеленой краской, двери. Но здесь нас могла подстеречь опасность: на механическом участке сейчас работала вечерняя смена, а широкие двери участка выходили в этот коридор, и кто-нибудь из работающих, проходя мимо, мог увидеть наши манипуляции у чужой двери.

Мы прислушались. За поворотом выл сверлильный станок, кто-то бухал молотком по жести; больше я ничего не услышал.

- Пошли?

- Подожди!

Спустя секунду я тоже уловил чьи-то шаги. Из-за угла выскочил молодой человек с сумкой через плечо и, не ожидая увидеть здесь нас, от неожиданности поздоровался:

- Здрасьте!

Глаза его воровато метнулись в сторону.

- Кто это? - спросил я, когда он, набрав скорость, помчался к выходу.

- Да шалопай один, с полгода, как здесь работает. По вечерам вытачивает что-то на станке. Начальство сквозь пальцы смотрит на эти шалости, он и пользуется.

Мы снова прислушались: ничего подозрительного. Мы повернули за угол и энергично зашагали по ярко освещенному широкому коридору. В нем не было ни души. Вот и третья дверь справа: Олег быстрым движением сунул в замочную скважину ключ, повернул его и дверь распахнулась. Мы перешагнули через порог, закрыли дверь и облегченно вздохнули. Все.

В начинающихся сумерках комната была совершенно серой. Недалеко от двери, слева стоял стол, за которым работала Анна Игнатьевна. Чуть дальше - сейф; напротив него, у правой стены - большой шкаф, служивший гардеробом. В глубине комнаты, у окна - второй стол, на нем был телефон. Рядом со столом на стене висела полка, на ней стояло несколько книг. Мы заглянули в шкаф: вместительный; проверили дверцу: закрывается без скрипа. Я подошел к окну: голые красноватые ветки берез уныло торчали за стеклом, сквозь них светились редкие, неяркие еще звезды.

- Устраивайся поближе к шкафу, - тихо сказал Олег и взглянул на свои часы со светящимся циферблатом. Я вытащил из-за стола стул и уселся на него.

Из коридора доносился пронзительный визг электродрели. Наши глаза привыкали к сумеркам и в комнате поэтому постепенно становилось светлей. Из щелей между дверью и притолокой сочился свет от ярких ламп, освещавших коридор.

Сколько же нам здесь предстоит маяться? Один Бог знает.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Мы протомились в добровольном заточении до половины третьего ночи. К двенадцати часам производственные шумы затихли, вечерняя смена разбрелась по домам и наступила мрачная, угнетающая тишина. Два с половиной часа мы еще на что-то надеялись, но потом наше терпение иссякло. Злые, раздосадованные, мы выбрались из своей добровольной тюрьмы и, не глядя друг на друга, направились к выходу. Вахтера на месте не было; дверь, ведущая на улицу, была заперта на огромный висячий замок. Мы посмотрели друг на друга.

- А все-таки мне сейчас лучше, чем тебе, - сказал Олег, вытащил из кармана сигареты и с наслаждением закурил.

- Вот, - продолжал он, глубоко затянувшись, - теперь я в состоянии думать о посторонних предметах. Ну, и как же нам отсюда выбраться?

- С помощью вахтера, - ответил я мрачно.

- Соображаешь, - одобрил Олег.

Вахтера мы нашли в маленькой комнатушке, расположенной рядом с запертым буфетом. Он прекрасно устроился на старой кожаной куртке, даже жалко было его будить. Однако пришлось: ночевать нам хотелось дома. Потом только мы поняли, что сделали это не в самый удачный момент; возможно, ему как раз снилось что-нибудь неприятное.

- Стоять на месте! - хрипло закричал он, как только протер глаза, и тут же стал лихорадочно шарить рукой под подушкой, не сводя с нас напряженного взгляда. Однако под подушкой ничего не обнаруживалось.

- Вы не беспокойтесь так, - мягким голосом сказал Олег. - Мы ваши работники, мы сегодня задержались и сейчас не можем выйти из корпуса. Вы нас выпустите, пожалуйста.

- На дверях замок висит, - на всякий случай напомнил я.

- Почему задержались? - спросил вахтер, вытащив, наконец, руку из-под подушки, но видимо, еще не совсем придя в себя.

- Ну, работали.

- У кого работаете? - в его голосе теперь явственно стал слышен металл.

Мы назвали свои отделы.

- Дак... это же не здесь, - озадаченно сказал он.

- Ну да, не здесь. Мы сюда приходили чертить, у нас хороших кульманов нет, а работа срочная.

- Идите к выходу, - подумав, приказал он.

Мы вышли. Он появился следом, причесал свои роскошные седые волосы и потребовал:

- Документы!

Посмотрев наши пропуска, он прошел к входной двери, открыл пудовый замок и сказал, выпуская нас наружу:

- Предупреждать надо! В следующий раз буду задерживать, пусть начальник караула разбирается.

- Спокойной ночи, - ответили мы и зашагали по пустынной улице.

Было темно, фонари, естественно, не горели ввиду экономии элетроэнергии и кругом стояла такая тишина, что слышно было, как где-то вдали, за домами, шофер пытался завести двигатель такси. Молча прошагали мы с полкилометра по пустынной улице, наконец я произнес:

- Значит, идея - фикс.

Олег помолчал немного и сказал:

- Давай подождем делать выводы. Поживем - увидим.

И мы снова зашагали молча.

Дома я долго не мог уснуть, хотя и чувствовал себя разбитым и уставшим. То, что моя сумасшедшая идея не оправдалась, меня не очень расстроило, потому что я твердо усвоил, что

главным критерием теории является практика. Она, практика, и судья, и прокурор, и адвокат. Она всегда права и ничего тут не поделаешь. Но моя идея хоть что-то могла объяснить в этом скоплении непонятных фактов, она могла связать их логически так, что можно было бы сказать, что вот это есть причина, а это - следствие... Теперь же весь каркас, связывавший между собой отдельные эпизоды, рассыпался, и на его месте торчала, ухмыляясь, ЗАГАДКА. Ох и не люблю я эти ухмыляющиеся загадки! Они - свидетельство немощи нашего интеллекта. Кому это, скажите, может быть приятно?

Утром на работу, ввиду отсутствия будильника, я крупно опоздал. Но поскольку никакой дискриминационной системы относительно опаздывающих в институте практически не существовало, а просто по традиции считалось, что опаздывать - нехорошо, то я без помех пробежал по длинным коридорам и заскочил в свою комнату. На месте сидел Дутяев.

- Меня никто не спрашивал? - осведомился я и, увидев, как в глазах Альберта замаячили огоньки, добавил:

- Кроме директора, конечно.

- А-а, осклабился научный сотрудник, - боишься. Значит - уважаешь. Директор, между прочим, уже два дня, как в командировке. А тебя только что спрашивал этот, который в очках. Олег?

- Олег. И что ему нужно?

- Не доложил. Устав, видно, плохо знает. Ты его подтяни.

- Обязатн... - буркнул я.

Ну что ж, не доложил - и не надо. После вчерашней неудачи мой энтузиазм сильно поубавился и я не рвался теперь ловить воображаемых преступников. Поэтому, раскрыв рабочую тетрадь, я вынул из стола справочники, включил калькулятор и углубился в расчеты.

Олег позвонил через час.

- Как спалось? - спросил он.

- Гм! Нормально.

- Что-то я на месте тебя никак не могу застать.

- Ага, - ответил я, не желая вдаваться в подробности.

- Поговорить сейчас сможешь?

- Угу.

- Выходи к окну в вашем коридоре, я сейчас буду.

Я встал и поплелся в указанное место.

И вот мы снова стоим у того же окна с тарелкой окурков, и снова Олег закуривает и молча поглядывает на меня. На этот раз я не лезу с вопросами.

- Есть интересная новость, - говорит, наконец, Олег. - Мы вчера, оказывается, не успели. В сейфе до нас уже кто-то побывал.

- Чего-о?

- Того самого. Анна Игнатьевна сегодня опять пришла ко мне с претензией.

На меня вдруг напал какой-то бурный, облегчающий смех.

- А мы-то! - хохотал я. Чуть не до утра! Ну, и дураки!

Олег поулыбался, давая мне время прохохотаться.

- Погоди ты, это еще не все. На этот раз бумаги в сейфе лежали в совершенном беспорядке, их сунули туда в спешке, возможно даже в панике.

- Ну, да? - опять обрадовался я.

- Именно так, сам ходил удостовериться.

- Выходит, мы его спугнули?

- Похоже на это.

- Н-да, интересная новость. И к тому же... ты ведь думал уже, почему так получилось? Поделись-ка.

- К сожалению, - Олег снял очки и долго протирал стекла, - ничего путного сказать не могу.

Я наморщил лоб.

- А тот парень с сумкой, что выскочил на нас вчера в коридоре? Он тебе не показался странным?

Олег пожал плечами.

- Ну и что, что показался? А кто его предупредил, если это и в самом деле он? Как ты думаешь? И - как?

Я задумался. В самом деле, ситуация получалась какая-то странная. Даже таинственная. Там, в корпусе экспериментальных мастерских, навстречу нам не попался никто, кроме

этого парня. Кроме того, поскольку "медвежатник" открыл-таки сейф и рылся в документах, значит, он ничего не знал заранее о наших намерениях. Кто-то предупредил его уже у раскрытого сейфа. Кто? И как?

- Ты никому ни о чем не проболтался? - спросил я.

- Конечно, нет.

- Мистика какая-то.

Мы молча уставились в окно. В синем небе одиноко скользило белое облачко, словно заблудившийся ребенок в необъятной лазурной пустыне.

- Через окно там нельзя улизнуть? - поинтересовался я.

- Нет, к нему подведена сигнализация.

- Стоп! Там на столе телефон стоит. Ты не знаешь, он внутренний или городской?

- Городской, - Олег с некоторым интересом посмотрел на меня. - Казначею городской телефон положен, она с обкомом профсоюзов связь поддерживает.

- Ну да, - вспомнил я. - я недавно пробовал до нее дозвониться, но у нас в комнате - внутренний.

- А почему ты спросил?

- А вот почему: у вахтера на столе один телефон стоит или два?

- Два, кажется.

- Два, это точно. Значит, один - внутренний, другой - городской. Так не его ли это проделки? Хотя, - вдруг вспомнил я, - откуда он может нас знать? Мы для него рядовые работники.

- Меня может знать, - заволновался Олег, - я у них на собрании в прошлом году присутствовал. Конечно, утверждать не могу, что знает, но вероятность есть.

- Тогда, дорогой, надо с ним разбираться.

Олег уставился взглядом куда-то вдаль и долго разминал пальцами сигарету.

- Знаешь, что мне кажется здесь неестественным? - сказал он. - Уж очень он спал крепко после этого. Не находишь?

- Может, изображал? - неуверенно спросил я.

- Не знаю. Сейчас мы с тобой это уже никак не выясним. Вполне может быть, что изображал.

- Послушай-ка, - я решил быть последовательным до конца, - а документы, которые могут быть началом той цепочки, о которой я говорил тебе, они были просмотрены?

- Да, были.

Ну что ж, тогда надо расставить точки на i:

- В таком случае я предсказываю сегодня очередную квартирную кражу.

Олег недоверчиво улыбнулся.

- А не слишком много на себя берешь?

я рассеянно смотрел мимо него.

- И если бы мне дали посмотреть эти бумаги, я бы, пожалуй, назвал очередную жертву.

- Ну, ты даешь! - Олег, кажется, был слегка раздражен. - Собственно, за чем дело стало? Пошли, посмотрим. Анна должна быть на месте.

Анна Игнатьевна и в самом деле была на месте. И я, удивляясь собственной смелости, а может, нахальству, указал Олегу на три фамилии из длинного, в несколько страниц списка.

- Что, кого-то из этих троих бомбить будут? - усмехнулся он.

- Да.

- И непременно сегодня?

- Думаю, что да.

- Что ж, посмотрим. Вдруг угадаешь. Что тогда?

Я пожал плечами.

КРАЖА

Как хорошо, что этот странный и непонятный для постороннего человека разговор не был никем услышан! В самом деле, как бы я смог оправдаться перед таким человеком, когда через день по нашему микрорайону поползли слухи о дерзкой квартирной краже, во время которой был смертельно ранен ребенок, мальчик лет десяти. Его нашли в квартире, лежащим без

сознания; спустя несколько часов он умер. Врачи определили: умер от сильнейшего сотрясения мозга, хотя никаких следов насилия на нем не было обнаружено, и это особенно поражало воображение. Дверь квартиры была открыта, а квартира обчищена по всем правилам воровского искусства.

Охваченный тяжелым предчувствием, что сбылись мои мрачные предсказания, я первым делом кинулся узнавать фамилию погибшего мальчика. Меня угнетало неопределенное чувство вины. Вдруг это и в самом деле был сын одного из тех людей, которым я пророчил беду?

Олега на месте не было, вообще исчез куда-то из института, и я метался по комнатам, неуклюже расспрашивая коллег об этом происшествии. Толком никто ничего не мог сказать, однако точно было известно, что родители погибшего мальчика работали не в нашем институте. Значит, решил я, если и можно считать мое пророчество сбывшимся, то лишь частично. Немного успокоившись после такого вывода, я взялся за работу. В комнате было тихо, лишь Альберт Дутяев время от времени шмыгал носом и шуршал страницами книг, да изредка звонил телефон, испрашивая Вену Рожнова, но тот был в отгуле.

Время шло безмятежно часов до четырех дня, когда вдруг позвонил Олег и суровым голосом попросил меня немедленно явиться в комнату оперотряда. Я пошел туда.

В комнате за длинным столом сидел мужчина лет тридцати, в сером костюме, невысокого роста, с жестковатым выражением лица и цепкими глазами. Олег курил у открытой форточки.

- Познакомься, - сказал он, когда я вошел. - Это оперуполномоченный, зовут Виктор, фамилия Атавин.

И Олег отвернулся.

- Я ему рассказал о твоем предположении относительно сейфа, - продолжал он, глядя в форточку. - Теперь у него есть необходимость с тобой побеседовать.

Я молча кивнул.

- Садись, - пригласил оперуполномоченный, - в ногах все равно правды нет. Я слышал, ты предсказаниями занимаешься. И давно? - он говорил отрывисто и резко.

Я посмотрел на него: в глазах его мелькала некая усмешливость.

- Смотря какими предсказаниями, - медленно ответил я. - Когда учился, например, свою оценку всегда до экзамена предсказывал.

Опер вежливо поулыбался, потом как-то постепенно посерьезнел.

- Про вчерашнюю квартирную кражу в ваших краях слышал? - спросил он.

- Слышал.

- А что слыхал-то?

Я вздохнул.

- Слыхал. что пацана там убили.

- А кого обокрали при этом, знаешь?

- Нет.

- Не знаешь? - Олег, резко отвернувшись от окна, посмотрел на меня.

- Откуда я могу знать? - обозлился я на него. - Мне что, докладывают? Что не из нашего института - знаю, а кто такой - понятия не имею.

- А почему не из нашего института? - продолжал допрашивать Олег, кажется, не замечая моего раздражения.

- Почему? Да потому, что родители этого пацана в другом институте работают.

Олег ничего не ответил и снова отвернулся к окну.

- Мальчик тут ни при чем, он в той квартире оказался случайно, - на этот раз мягко и как-то сочувственно заговорил оперуполномоченный.

- Что значит - случайно? - удивился я.

- Он жил по соседству; увидел, что дверь этой самой квартиры не заперта и зашел, скорее всего позвонить - у хозяев есть телефон. Он и раньше звонил от них. Кто-то его там встретил... и дальше можно только предполагать. Один из возможных вариантов такой: его схватили за плечи и очень сильно тряхнули. А потом отпустили. Он вернулся домой, лег на кровать,

наверное тут же потерял сознание и через шесть часов умер. В сознание так и не приходил.

- Вот сволочи... - я помолчал. - А... кого же обокрали?

- Профессора Мишина, - ответил оперуполномоченный.

У меня отвисла челюсть и по спине побежали мурашки: профессор был из нашего института и как раз один из тех, кому я позавчера так самоуверенно пророчил беду. Теперь понятно, отчего моя персона вызвала интерес. Еще бы! Так угадать...

- Да, - сказал я упавшим голосом, - Мишина я упомянул в нашем разговоре, - и я кивнул головой на Олега.

- А почему именно Мишина упомянул?

- Но Олег же вам объяснил, наверное.

- Знаешь, я приехал сюда, чтобы тебя послушать, поэтому будь добр, объясни, пожалуйста.

Вот и приходится оправдываться перед незнакомым человеком, подумал я.

- Суть в том... - я помолчал, соображая, с чего начинать этот разговор, несколько похожий на допрос. - Суть в том, что мне очень захотелось объяснить, хотя бы самому себе, по какой причине кто-то тайком открывает профсоюзный сейф и роется там в документах. Причем сейф открывают, судя по всему, ежемесячно десятого числа. По крайней мере, я сделал именно именно такое предположение из рассказа нашего казначея. После этого я задался вопросом: существуют ли какие-нибудь документы, которые появляются в сейфе как раз десятого числа? Оказывается, существуют. Это ведомости уплаты профсоюзных взносов. Восьмого числа институт получает зарплату, девятого бухгалтерия делает перерасчет, потому что взносы у нас собирают не профорг, а изымает бухгалтерия, и десятого ведомости уже готовы. Они хранятся в сейфе, эти ведомости. По ним, между прочим, видно, кто сколько получил денег восьмого числа. И вообще, кто на каком материальном уровне существует. Так вот, профессор Мишин вместе с премией получил шесть тысяч рублей.

- Шесть тысяч? - хмуро удивился оперуполномоченный.

- Да. Больше него получил только один из заместителей директора. Ну, дальше уже легко предположить: информация

об этом ушла к заказчику, а тот ее использовал, не откладывая дела в долгий ящик. Иначе деньги могли уйти куда-нибудь по воле хозяина.

Я замолчал.

- А за что профессор получил такие деньги? - спросил оперуполномоченный и вид у него был несколько озадаченный. - Профессора же, вроде, меньше получают.

Мы с Олегом улыбнулись одновременно.

- Он что, какое-то открытие сделал? - настаивал непонятливый опер. Вклад в народное хозяйство у него громадный?

- Про какие-то открытия в нашем институте в последнее время я ничего не слышал, - попытался я разъяснить ситуацию, - про вклад в народное хозяйство - тоже. А деньги? Кто ж его знает. Наверне, тему какую-то закрыл. Закончил, значит. Как вы - уголовное дело. По этому поводу приказ по институту должен быть, только их, приказы, не всегда вывешивают для обозрения. Но вам должны показать, если вы поинтересуетесь.

- Нет, я просто из любопытства спросил, - встрепенулся опер. - Мне, вообще-то, и своих дел хватает по макушку.

Тут мы снова помолчали.

- Да, всякое в жизни может случиться, не исключено, что ты и прав, - продолжил прерванную тему оперуполномоченный. - Но тогда возникает вопрос: кто у вас может заниматься такими делами? Твое мнение?

- Черт их знает. Нет у меня мнения.

- Вот Олег говорит, что надо бы вахтера пощупать, который в тот вечер дежурил.

- Может быть, - я пожал плечами.

- Дело в том, - заговорил Олег несколько смущенно, обращаясь ко мне, - что я в кадрах узнал одну любопытную подробность. Ты ее пока не знаешь. Помнишь, на нас в тот вечер из-за угла молодой человек выскочил? Он тогда очень торопился. Оказывается, он вахтеру родственником приходится, внучатым племянником. А у вахтера на столе действительно два телефона стоят, ты прав. И один из них - городской.

- Хм! - только и смог произнести я.

- Вахтера мы по своим каналам посмотрим, - отрывисто заговорил Атавин, - и внучатого племянника тоже. Но я вам, ребята, вот что скажу... - он подумал. - Для такой хитрой комбинации, если она в самом деле существует, это не те люди. Над ними еще кто-то есть. Ищите.

- Почему мы? Вот вы и ищите! - возмутился Олег. мы кто такие? У нас ни прав, ни обязанностей нет. Мы же на чистом энтузиазме работаем, а на нем далеко не уедешь, теперь это каждый знает. Так что...

- Чего ты меня просвещаешь? - повысил голос Атавин. - Что я, первый год замужем? Мне все это на десять рядов известно, сам вышел из таких, как вы. Только насчет обязанностей ты не прав: они у вас есть. Они у всех есть, только не все их выполняют. Вот я тебя и призываю: имей совесть! Потому что вчера ни за что ребенка убили, а что завтра будет - никому не дано знать.

- Ты меня тоже не просвещай, - хмуро сказал Олег. - Я, кажется, не из филонов, которым все до лампочки.

- Ну кто говорит, что ты из филонов? Побольше бы таких филонов и, глядишь, меня бы сократили за ненадобностью, - весело возразил оперуполномоченный.

- А хорошо ли это будет? - ехидно заметил я. - Вот так, за здорово живешь, потерять работу. Из-за нас.

Оперуполномоченный сверкнул глазами.

- Все, дискуссию на этом прекращаю. А то я уже, - он посмотрел на часы, - из регламента вышел. Значит, Олег, в отношении вахтера и его родственников я тебя через день-другой введу в курс. И вас обоих, ребята, прошу: не выпускайте этот сейф из виду ни на один день. Что-то ненароком может мелькнуть такое, что нам очень пригодится. Как, договорились?

Естественно, мы не возражали.

Вернувшись к себе, я сел за стол и задумался. Все, кажется, связывалось весьма логично: и внучатый племянник с двоюродным дедом, и некий интелллектуал "в законе" мог существовать, отчего и нет? Но была, была небольшая червоточинка. Правильно заметил Олег; очень уж крепко спал двоюродный дед в ту ночь...

...А назавтра хоронили мальчишку. Хоронили в двенадцать часов и народу собралось много, особенно женщин. У гроба выстроились бледные и растерянные мальчики и девочки в школьных костюмах. Я стоял на углу дома, смотрел на эту печальную процессию и кусал губы. Почему такой нелепо несправедливой и жестокой может быть жизнь? Чем виноват этот мальчик, почему ему выпало прожить так мало?

Увы, нет ответа на этот старый, как мир, вопрос.

КТО "МЕДВЕЖАТНИК"?

Легко сказать: не выпускайте сейф из виду ни на один день! А как это сделать? Если б можно было кому-нибудь из нас замаскироваться под мебель и стоять рядом с сейфом с утра и до утра, тогда лишь...

Вся надежда оставалась на Анну Игнатьевну. Впрочем, какая в таком деле может быть надежда на женщину?

- Послушай, Олег, - спросил я, когда мы встретились через пару дней на лестничной площадке, - а через Анну не могла уйти информация о нашем ночном мероприятии?

- В том-то и дело, что она не знала о нем. Я ей ничего не говорил. Знал только комендант, но он человек свой, это железно.

Я тяжело вздохнул.

Оба мы в тот момент пребывали в несколько подавленном состоянии духа, поскольку из районного отделения милиции от оперуполномоченного Атавина пришло известие: интересовавший нас двоюродный дед по достоверным сведениям уже давно разорвал с внучатым племянником дружеские отношения по причинам личного свойства. И посему вряд ли были основания составлять из них преступную группу. Таким образом, выражаясь научным языком, наша гипотеза не выдержала проверки фактами. Впереди ясно обозначился тупик.

Однако, черт побери! Ведь нет же этого тупика в реальной-то жизни, искусственный это тупик, воздвигнутый лишь нашим незнанием, неосведомленностью, неумением связать

логически то, что уже нам известно. Что делать? Как из этого тупика выбраться?

Я подпер лоб кулаком. Шел седьмой час вечера, рабочий день давно кончился, комната была пуста. Время от времени по коридору гулко топали чьи-то ноги - в институте становилось еще одним работником меньше.

Итак, чтобы распутать этот клубок, надо начать с чего-то простого и очевидного. Например, с вопроса: кому это выгодно? Эхе-хе! До глупости очевидно: кому: кто украл, тому и выгодно...

Нет, надо танцевать от чего-то другого. От чего? Можно начать, пожалуй, с того, что кто-то наверняка знал о наших с Олегом замыслах. Хотя нет, вопрос поставлен неправильно, потому что все, кто знал о них - известны. Но к этим людям надо обязательно добавить и тех еще, кто, допустим, мог о замыслах догадываться. Ведь почему вначале мы зацепились за вахтера? Да потому, что предположили, что старый хрыч мог заподозрить... А кто еще мог заподозрить? Надо подумать. Ну, прежде всего сама Анна Игнатьевна. Хотя непонятно, зачем ей потребовалось вести двойную игру: и вашим и нашим. Пожалуй, это абсурдно. Кто еще? Когда мы с Олегом вышли из нашей комнаты и отправились в экспериментальный корпус, в комнате оставался Вена Рожнов; он вечером отрабатывал себе отгул. Мог ли он догадаться о наших намерениях? Ох, вряд ли. Мы тогда, в комнате, сообща горевали о том, что бюрократы лишили дружинников трех добавочных дней отпуска. И Вена нам сочувствовал. Вот и все.

Да и как бы он вообще смог послать сигнал предупреждения? Из окна в окно - невозможно, они смотрят в разные стороны. А звонить ему надо было бы по городскому телефону, но такой телефон на нашем этаже существует только в первом отделе, который в семнадцать часов закрывается и опечатывается. Был когда-то еще один телефон в соседней комнате, Но год назад по району ураганом пронеслась придуманная кем-то компания борьбы с потерями рабочего времени из-за посторонних телефонных разговоров. Не смейтесь, бывает и такое в наше смутное время! В результате городской телефон у соседей сняли. Лучше они стали после этого работать или хуже - никто не

знает, да это никого и не интересует, зато все мы теперь бегали звонить вниз, по телефону-автомату. Как говорится, дешево и сердито.

Что было потом? Кончив беседу, мы посмотрели на часы и сказали друг другу, что уже пора. И ушли. Дутяева в этот момент в комнате вообще не было, он, кажется, уже сбежал домой. Так что он к этому делу никакого отношения...

Стоп! Минуточку. А ведь именно Альберт проявил повышенный интерес к моей встрече с Олегом несколько дней назад, когда мы вышли с ним в коридор поговрить у окна. Альберт тогда, хотя и в шутливой форме, но явно пытался узнать, о чем у нас шел разговор. Как же я об этом забыл! И что я ему ответил? Надо вспомнить.

Да, я ему сказал, что, мол, преступность не дремлет и у нас в институте. В том числе и в нерабочее время. А он спросил, серьезна ли она, эта преступность. А я ответил, что пока неизвестно. И еще что-то... Да, еще сказал, что странная она какая-то...

Ну, и что же теперь получается? Неужели Альберт как-то замешан в этом деле? Вот не было печали: хочешь не хочешь, а теперь надо разобраться с милейшим научным сотрудником. Конечно, Дутяев - не образец положительного человека. По характеру он весьма злоязычен и, как часто бывает с такими натурами, - скрытен и подозрителен. В достаточной степени хитер и в еще большей степени изворотли в. Особенно в споре. Контактен и много знает об окружающих, хотя явно предпочитает помалкивать. Но - он любит науку, но увлечен ею. Зачем ему связь с уголовным миром? Впрочем, возможно, в нем есть то озлобление против преуспевающих научных дельцов, которое может толкнуть на связи с дельцами уголовными. Хотя бы просто из чувства мести... Ну, и что из этого следует?

А то, что факты сейчас против него, а они, как известно, вещь упрямая; не следует, к тому же, забывать, что самая большая загадка для человечества - сам человек. Не нами сказано: чужая душа - потемки.

Но самый главный, самый кричащий, самый больной вопрос так и остается без ответа: КАК он мог в тот вечер предупредить того, кто копался в сейфе? Каким путем?

Неизвестно.

ЧАЕПИТИЕ В ДЕСЯТЬ ЧАСОВ УТРА.

Шло время. День проходил за днем, а червь сомнения все точил меня, не давая забыть возникшие подозрения. Я пристально наблюдал за Альбертом, но ничего, что хоть как-то могло прояснить ситуацию, не находил.

Однажды утром, в десять часов мы сидели втроем за столом у окна и пили чай. Традиция - святое дело: хочешь ты или нет, но в десять часов будь добр, брось все дела, присядь к колченогому столу с чайником и выдуй пару чашек чаю, заедая его сушками. Черт знает, откуда взялся этот обычай чаепития в рабочее время, привившийся во всех наших конторах, институтах и учреждениях, но нарушать его считалось неприличным.

В самый разгар чаепития открылась дверь с колокольчиком и вошел старший инженер Мелитопов, пройдоха и известный в нашем отделе профсоюзный деятель. В руке у него была сложенная вдвое бумага. Мы все пристально посмотрели на него, но Мелитопов в ответ молчал и приветливо улыбался.

- Садись, выпей с нами, - пригласил я, с интересом рассматривая листок, зажатый в руке.

- На работе не пью, - пошутил Мелитопов.

- А чаю? - спросил Дутяев.

- Чаю давай, - сказал Мелитопов и сел.

Вена Рожнов улыбнулся в бороду и закинул ногу за ногу. Дутяев вынул из шкафа чистую чашку. Мелитопов налил себе чаю и развернул бумагу. Добром это не кончится, проницательно подумал я.

Старший инженер взял со стола сушку и заговорил:

- Вы все знаете, мужики, что сегодня в шестнадцать часов профсоюзная конференция. От вас нужно, - он заглянул в бумажку, - двух человек.

Мы молча пили чай, хрустя сушками.

- Обсуждаем важный вопрос, - продолжал Мелитопов, прихлебывая из чашки. - Распределение премиального фонда по вспомогательным подразделениям.

Мы продолжали пить чай молча.

Мелитопов задумался, потом отхлебнул еще раз и повернулся к Рожнову.

- Я тебя записываю, Веночка. Идешь?

Вена откинулся назад и стул под ним натужно скрипнул.

- А что, - спросил он и поднял брови, разве сегодня какая-то конференция?

- Конференция, Вена, конференция, - ласково подтвердил Мелитопов. - А тебе не доложили, значит? Вот охламоны. Сходи, Веночка, развлекись. Записывать?

- Нет.

Вена отвернул лицо в сторону и, как мне показалось, мысленно сплюнул. Потом повернулся к Мелитопову и брезгливо сказал:

- Такое может произойти только в нашем институте. Это стиль работы профкома, тут и удивляться нечему. Вы подумали об интересах рядовых членов профсоюза? Вы вообще когда-нибудь о них думаете? Это входит в круг ваших обязанностей? Я сомневаюсь.

И Вена сменил положение ног на противоположное и скрестил руки на груди.

- Секундочку! - заволновался Мелитопов. - Я тебе отвечу по всем пунктам. Во-первых, рядовой член профсоюза - растяжимое понятие. Директор такой же рядовой член, как и ты. Во-вторых...

- Сашуня, - попросил я, - ты с ним покороче. Так вы не кончите до конца конференции. Немножко поработать надо бы.

- Секундочку! - протестующе произнес Мелитопов и поднял ладонь, отгораживаясь ею от меня. - Я ему разъясню. А вообще-то, Вена, к чему ты об этом заговорил? Я связи не улавливаю.

- О чем я заговорил? - не понял Вена.

- О стиле работы.

- А-а! - Вена опять посуровел. - Потому и заговорил, что вы интересов не учитываете.

- Доказательства!

- Сколько хочешь! - Вена пристально посмотрел на Мелитопова своими маленькими черными глазками. - Вот сегодня вечером будут транслировать ЦСКА-Спартак. И ваши важные вопросы никто обсуждать не захочет, все на часы будут смотреть., А вашим балбесам только того и надо: что они предложат, за то народ и проголосует.

И он отвернулся, по-видимому, оскорбленный в лучших своих чувствах. Мы с Дутяевым смотрели на него сочувственно.

- Ну ты, Вен, и грубиян, - подумав, озадаченно сказал Мелитопов. - Всех наших деятелей в балбесы записал.

- Так оно и есть, - уверенно ответил Вена и мне опять показалось, что он мысленно сплюнул.

- Значит, не пойдешь? - спросил Мелитопов и отхлебнул глоток остывшего чаю.

- Нет.

- Хорошо, запишем.

И Мелитопов поставил какую-то закорючку в бумаге. Наверное, просто так, чтобы припугнуть меня и Дутяева. После чего опять задумался.

А Вена потянулся к телефону, взял трубку и начал крутить диск, набирая чей-то номер. Он крутил и крутил и никак не мог дозвониться, а Мелитопов все думал и думал. Вдруг он повернулся ко мне. Я затаил дыхание.

- Я только что вспомнил! - воскликнул он. - Как бы не забыть. Ты свой телевизор на ремонт куда отвез?

У меня отвисла челюсть.

- Н... на Урицкого, в цех ремонта.

Откуда этот проныра все знает? Уму непостижимо.

- Когда вернуть обещали?

Тут я все понял.

- При чем тут это? - завопил я обиженным голосом. - Я к соседу смотреть пойду!

- Ну-ну, не расстраивайся, - заворковал Мелитопов. - Ты у нас самый добросовестный, посиди уж на конференции. Выручи Вену. А он тебе завтра всю игру перескажет.

- Их-хи! - хохотнул Вена и опять закрутил телефонный диск.

Я помрачнел. Дутяев рядом сверкал глазами, наверное, готовил свои доводы. Мелитопов опять поставил какую-то закорючку в бумаге и повернулся к нему.

- А ты...

- Я к этому вопросу не имею отношения, - быстро и четко сказал Дутяев.

- К какому вопросу?

- А какой вы будете обсуждать.

- Ну-у, это ты зря, - с мягким укором заметил Мелитопов. - Сейчас я тебе все объясню...

- Алло! - закричал Вена пронзительным голосом, соединившись, наконец. - Алло! Это плановик? Нет? Ушла? Я вас попрошу убедительно, скажите ей, что Рожнов звонил. Она знает. Спасибо. - и он положил трубку.

Мелитопов поморщился и растер себе ухо.

- На чем я остановился? - спросил он и почему-то посмотрел на меня.

- На вопросе, - ответил я и почему-то посмотрел на Вену. Тот покачал ногой.

- Да. О премиях. Ты, Алик, извини, но ты в этом деле профан. Нет, ты послушай меня сначала. У нас премиальный фонд не резиновый. Чем больше его тянут на себя разные шоферы, вахтеры и бухгалтерия, тем меньше тебе остается. Теперь вник?

Дутяев встал и сунул руки в карманы. Вена застыл в ожидании. Я сосредоточенно смотрел себе под ноги.

- Давай, Шурик, разберемся, - внятно и громко заговорил Дутяев. - Вот ты сказал, что я профан. Допустим, ты прав. Допустим. Но это никак не влияет на размер моей премии,

потому что она определяется завлабом. И хотя он сам профан, премию он получает в пять раз больше моей.

Дутяев прошелся до двери и обратно. Все молча ждали продолжения.

- Но это далеко не предел. Ты мне скажи, ты же профсоюзный деятель, почему, к примеру, наши доктора наук получают такие бешеные премии? Они же давно про науку думать забыли. Они только ее организацией занимаются, если, конечно, считать, что наша наука хоть как-то организована. В чем я лично сомневаюсь. За что Мишин получил прошлый раз премию в две тысячи рублей? За какие заслуги?

Этот неожиданный и эмоциональный вопрос вывел меня из состояния сосредоточенной задумчивости.

- А ты откуда знаешь, что две тысячи? - спросил я.

- А тебе какая разница? - огрызнулся Дутяев, - главное, что ничего не делает, а деньги получает. И каждый месяц не менее пяти штук.

- Секундочку! - вдруг опять заволновался Мелитопов. - Я не понял, к чему ты это говоришь. То, что у тебя завлаб профан, это, как говорится, твое личное горе. И что доктора наук получают у нас большие деньги - не твоего ума дело. Когда будешь доктором - столько же получать будешь. А на конференции решаются вопросы совсем другого рода. Приведу тебе пример...

- Не надо, не приводи, - Дутяев деликатно улыбнулся. - Просто я не хочу, чтобы Мишин моими руками отстаивал свою премию. Поэтому я не пойду на конференцию.

- А свою ты не хочешь отстаивать? - спросил я.

- Мои сто рублей погоды не делают, - сказал Дутяев и отвернулся.

Мелитопов нахмурился и заглянул в свою бумагу. Потом встал.

- Пойду. Спасибо за чай, - сказал он и вышел.

- Заходи к нам еще! - крикнул вслед ему Вена.

Я посидел молча, поднялся и побрел к своему столу. Подошел, сел, уперся локтями в гладкую холодную поверхность и снова задумался.

Кажется, все обстоит гораздо сложнее, чем можно было предполагать. Надо тщательно проанализировать то, что сейчас происходило. Надо все хорошенько обдумать. Ведь через две недели снова наступит десятое число. И забывать о гибели мальчика никак нельзя. Это просто безнравственно.

ДОГАДКА.

- Вот те на! - вполголоса удивился Олег. - Значит, полинститута знает про эту докторскую премию?

- Ну, и что из того? Это совсем не важно, - вполголоса объяснил я. - Важно, кто узнал о ней сразу после ее получения или еще до того; тут как раз криминал и спрятан. А этого мы как раз и не знаем. Но мне показалось странным вот что... - и я оглянулся и зашептал ему в самое ухо, хотя мы стояли совершенно одни в пустом переходе между теоретическим корпусом и административным зданием института.

- ... Ну, и дальше? - спросил Олег, отпрянув и глядя на меня пристально, словно желая убедиться, что я говорю в здравом уме и твердой памяти. Я сокрушенно вздохнул.

- Дальше, - сказал я, - дальше мне пришлось сделать так: вчера вечером... - и я снова проделал ту же операцию: оглянулся и зашептал ему на ухо.

- Хм, - произнес Олег, после чего сунул руки в карманы и прошелся слегка в одну сторону; потом остановился, вынул сигареты, закурил и прошелся в противоположном направлении. Наконец он повернул голову в мою сторону и промолвил:

- Однако!

Глаза у него при этом весело блестели из-под очков.

- Так что вот так, - глубокомысленно заметил я.

- А зачем ему нейтральное положение? - вдруг спросил Олег и посмотрел на меня строго, даже требовательно.

- Какое нейтральное положение? - встрепенулся я. - Ах это... А черт знает. Может, оно и не нужно вовсе...

- А откуда этот Мелитопов у вас взялся? - продолжал он допрос. Я не припоминаю, чтобы где-нибудь его видел.

- Ну, мало ли народу по институту шляется... в том числе и Мелитопов. Он к нам перешел из Гипроцветмета, что ли. Причина перевода - до дома ездить короче, так он объяснил.

Из-за угла вырвался дробный стук каблучков, гулко разносясь по пустому переходу. Две девушки шли с пачками бумаг в руках в сторону дирекции и с любопытством поглядывали на нас. Пожалуй даже, не столько с любопытством, сколько с удивлением, и это неприятно кольнуло меня: значит, наша компания представляет собой чересчур любопытное зрелище. Наверное вид, как у средневековых заговорщиков.

- Уважительная причина, уважительная, - бубнил Олег себе под нос, отвернувшись от девиц и сунув руки себе под мышки: Когда стук каблуков затих в отдалении, он вынул изо рта сигарету и сказал:

- Знаешь что? Давай-ка не будем с тобой больше встречаться в случайных местах. Если что-нибудь надо - сходимся в опергруппе. Я боюсь, как бы наша активность боком потом не вышла. Если кто-нибудь наблюдает - элементарно засветимся.

КАПКАН СРАБОТАЛ

И в самом деле, было о чем беспокоиться.

Снова надвигалось десятое число и ловушку, придуманную нами в прошлом месяце, надо было пересматривать по новому или, вернее сказать, организовывать ее заново. На то были основания. Однако одновременно с этими заботами вылез каверзный вопрос: а полезет ли кто-нибудь нынче в эту ловушку? Ведь спугнули же мы "медвежатника" в тот раз, сами того не ведая. С какой стати будет он снова совать свой нос в этот сейф? Не слишком ли рискованно? Резонный вопрос.

Однако, стоило бы рассмотреть этот вопрос и с другой стороны. А именно: не мог ли упомянутый злоумышленник посчитать, что паника тогда была ложной? Ведь все удалось, в конце концов: и доктора наук распотрошили, и следы преступления замели благополучно. Кого бояться? Был тревожный сигнал, был, да еще, возможно, в самый разгар работы, но мало ли чего и кому могло привидеться?

Порассуждав в таком духе, мы пришли к заключению, что если будем вести себя тихо и смирно и никому не дадим повода для подозрений, то шансы наши будут не так уж плохи.

И взялись за работу.

Собственно, всю организационную работу тащил на себе Олег. Он вел какие-то сложные переговоры с нашими шефами - или наоборот, подшефными? - из уголовного розыска; обрабатывал нашего союзника - коменданта, который был после неудачи в прошлом месяце настроен скептически; осторожно подводил к этому делу нескольких надежных ребят из опергруппы, помощь которых могла понадобиться в дальнейшем. И делал еще десятки мелких и незаметных дел, чтобы потом, когда подойдет время действовать, никакие неожиданности не могли застать нас врасплох.

А время неудержимо катилось к десятому числу.

Первой заволновалась Анна Игнатьевна. Неожиданно она нагрянула в опергруппу и заявила ее командиру, что немедля, завтра же заберет из сейфа все профкомовские документы и будет хранить их дома. Что, навсегда заберет? Ну, нет, зачем же навсегда, но хотя бы... на неделю. Дома их никто не тронет, Она за это ручается, а здесь мало ли что может произойти. Даром, что сейф железный, а вот украдут документы, тогда не расхлебаться. До облсовпрофа дойдет обязательно, оттуда комиссию пришлют, начнут весь институт проверять да трясти...

Напрягая всю изворотливость, пустив в ход все обаяние, Олег сумел ее успокоить и в то же время не сказать ничего конкретного. Бедная женщина, кажется, поверила его туманным обещаниям, хотя под конец не удержалась и предложила на всякий случай перетащить злополучный сейф в первый отдел. Там все же хоть дверь опечатывается. Но и это ее предложение было отвергнуто, а ее саму попросили не беспокоиться и, разумеется, никому ни слова...

Утром десятого числа я явился на работу мрачнее тучи. Я заранее решил, что буду в этот день выглядеть именно так: пусть все видят, что я не в духе, меньше будут приставать по пустякам. На самом же деле я был сосредоточен, собран и внимателен к окружающему, но, естественно, не хотел, чтобы это бросалось кому-нибудь в глаза. Игра должна была начаться

сегодня, и игра весьма рискованная. Следовало быть готовым ко всему.

Первым обратил внимание на мой угрюмый вид чуткий Альберт Дутяев. Он прошелся несколько раз, загребая ногами, от двери к окну и обратно, потом стал у окна близ моего стола и скрестил руки на груди.

- Что-то ты сегодня скучный, - проворковал он озабоченно.

- Да нет, ничего, - ответил я тусклым голосом, не поднимая глаз от кипы толстых "Известий Высших учебных заведений". - Не выспался.

- Ну да, бледненький немного, - - откликнулся Альберт.

Налицо была явная попытка "влезть в душу", и я ликвидировал ее, спросив:

- У тебя нет англо-русского словаря? Тысяч на двадцать.

Альберт пробормотал обиженным голосом в том смысле, что словарь можно найти на втором этаже в читальном зале на полке слева от входа, и отошел. Я исподлобья посмотрел ему вслед и снова утнулся в журналы.

Больше часу мы работали молча и сосредоточенно. Потом к Вене Рожнову явился заведующий лабораторией, моложавый на вид мужчина в очках с пышной шевелюрой и ласковым голосом, чем-то похожий на иностранца - то ли хорошим серым костюмом, то ли холодноватой вежливой улыбкой, внезапно и вроде бы беспричинно появлявшейся на его лице. Тихо, но оживленно он заговорил с Веной с надвигающейся в скором времени в одной из бывших союзных республик научной конференции. Есть ли смысл посылать туда доклад?

Тихо текла беседа, временами заглушаемая визгом нахальных воробьев за окном. Солнце неуклонно передвигалось к обеденному перерыву.

С первого этажа из машинного зала пришла программистка, высокая плотная женщина, брюнетка с круглым лицом и на удивление голубыми и любознательными глазами, шнырявшими по сторонам, и начала разбирать с Альбертом одну из его программ.

О докладе на конференцию в бывшую союзную республику тем временем стало известно, что посылать его надо, но вот

кого брать в соавторы... Позвонил Олег и спросил, как дела. Я вклинился между Веной и завлабом и рассказал ему в трубку, что никак не могу найти последнюю статью о многоэлементных интерферометрах, хоть в петлю лезь. Олег понимающе хмыкнул, сказал: "Ну, ищи получше!" и положил трубку.

Для консультаций по поводу будущих соавторов предстоящего доклада был вызван, к моему удивлению, Мелитопов. Появившись в комнате, он гаркнул, обращаясь ко всем сразу:

- Привет!

И мигом включился в работу.

А вот Альберт, кажется, никак не мог отделаться от своей программистки. Слушая ее плавный голос, он прятал лицо в ладони, в изнеможении откидывался на спинку стула, а она все говорила и говорила... Наконец, бросив несколько интересных, случайно-пристальных взглядов в мою сторону, - этого мне еще сегодня нехватало! - она убралась на свой первый этаж.

Обстановка же в районе паровоза Черепановых коренным образом изменилась. Теперь Мелитопов и Вена Рожнов, перебивая друг друга и чуть ли не толкаясь локтями, рассказывали заведующему анекдоты, а он смеялся тонко и раскатисто, раскинувшись на стуле и поставив носок ботинка на сиденье другого стула, стоявшего рядом. Дутяев задумчиво поглядывал на веселившихся коллег.

Сколько времени? Все, двенадцать часов. Пропищал динамик на стене, возвещая начало обеденного перерыва. Компания ученых мужей нехотя кончила веселиться и отправилась обедать. Дутяев прекратил шелестеть бумагами и пригласил меня в буфет, но я отказался и остался один.

Уставившись глазами на черный голосистый ящик, который пел, повторяясь, одну и ту же фразу: "О-у, как мне бы-ть?", я крепко задумался. Может, мои недавние рассуждения - кажется, я думал об этом вчера? - были нелогичны и все вытекающие из них выводы не стоили гроша ломаного, но тем не менее сегодня я ожидал в нашей комнате необычного гостя: я ожидал увидеть здесь "медвежатника". Я почти интуитивно чувствовал, что он должен прийти. Прийти и взглянуть, посмотреть, оценить степень опасности, которая может исходить отсюда, из этого угла. Что она может грозить ему отсюда, он знает, я

почему-то был уверен в этом. И я ждал. Ждал, надеясь и в то же время опасаясь этого визита. Надеясь потому, что у меня был шанс узнать визитера, и опасаясь потому, что, узнав его, я мог непроизвольно выдать это. И тогда все пойдет прахом: наша ловушка не сработает. Поэтому, напрягая сейчас память, я перебирал в уме подробности всего, что произошло сегодня в нашей комнате. Но зацепиться было решительно не за что, все люди, которых я видел здесь перед обедом, вели себя совершенно естественно, так как и должны были вести себя по моим представлениям о них. Оставалось ждать, что произойдет дальше.

"А-а, как мне бы-ыть?" - вопрошал динамик. Мне бы твои заботы, с раздражением подумал я, так и не поняв, отчего он, собственно, тоскует.

Прошел обед, пошло послеобеденное время, но и тогда ничего особенного не произошло. Единственным необычным человеком, забежавшим к нам уже в конце рабочего дня, была инженер по технике безопасности, чрезвычайно энергичная и бойкая женщина. Не смущаясь моего странного вида - я сидел на столе в гордом одиночестве, болтая ногами, - она объявила, что завтра по нашему этажу пойдет комиссия, так чтобы никакие бытовые электроприборы не торчали по углам... Распустились научные сотрудники, всякие чайники, кофейники в каждой комнате, а под Москвой большой институт сгорел из-за кофемолки, теперь люди под суд пойдут...

- Нет у нас кофемолки, -- мрачно сказал я, - а чайник мы для гостей держим, не для себя. Хотите, свежего сейчас заварю? У нас индийский. А у вас какой?

- Это что за люди такие? - закричала инженерша. - Им говоришь, говоришь, и как об стенку горохом. Если завтра замдиректора увидит ваш чайник...

Я встал со стола и тут же, на глазах у инженерши, задвинул чайник за кипу чертежей, лежавших на полке.

- Сами потом найдете, - сказала она, засмеялась и, взметнув юбкой, выскочила в дверь.

- Все, конец чаепитиям в рабочее время! - заявил я Вене и Альберту, которые появились один за другим в комнате. - За-

втра по этажу идет комиссия и все чайники изымает на металлолом.

- А ничего, - отмахнулся Альберт, - не впервой. Отобьемся.

- А ты куда его запустил? - спросил Вена, оглядев столы.

- Вон, за чертежами.

Рабочий день так и завершался без происшествий, обманув мои ожидания. Сейчас должна начаться последняя, заключительная сцена затянувшегося спектакля. Внимание и еще раз внимание!

Кстати, из нас троих - кто-то один лишний, он сейчас должен уйти со сцены в полном неведении и со спокойной душой. Но почему никто не собирается уходить? Что это за фокус? Прокручивая заранее финальную сцену, я не рассчитывал на ненужного свидетеля. Как теперь быть?

- Ишь ты, - не выдержав, подал я голос, - видел бы наше усердие директор. Он что, еще в командировке?

- Завтра будет, - ответил всезнающий Дутяев. А Вена отвернул бороду от паровоза и спросил, видимо, еще не отключившись:

- А чего он тебе нужен?

- Надбавку к зарплате хочу просить, - буркнул я. И мы продолжали сидеть за своими столами, как ни в чем не бывало.

Так прошло минут двадцать. Наконец звякнул колокольчик над входной дверью и вошел Олег. Он рассеянно оглядел комнату, прошел к моему столу, сел на стул и посмотрел мне в глаза с некоторой тревогой. Я чуть пожал плечами. Олег помолчал немного и спросил ровным голосом:

- Ну, что? Идем?

- Не пойду, - ответил я, как и было положено мне отвечать по разработанному сценарию. - Зачем? Толку все равно нет. Иди сам.

Олег помолчал немного и сказал:

- Ну, ладно. Ты здесь пока будешь?

- Здесь.

И он поднялся и бесстрастной походкой вышел из комнаты.

Прошло всего несколько секунд; Альберт вдруг дернулся, выскочил из-за стола и вышел в дверь с озабоченным видом. В коридоре были слышны его удаляющиеся шаги. Я облегченно вздохнул, но продолжал сидеть неподвижно и безмолвно. Вена посмотрел вслед Дутяеву, потянулся и снял телефонную трубку. Он подержал ее в руках, думая о чем-то, и начал набирать номер. Я затаил дыхание.

Вж-ж-жик... ж-ж-жик... ж-ж-жик... Тихо прожурчал телефонный диск и замер. Пауза. Никто не отвечает? Или занято? Нет, это он пудрит мне мозги. Сейчас он наберет еще три цифры городского номера. Подождем...

Ж- жик, ж-жик, ж-жик! Вот оно!

- Алло! Елизавета Евгеньевна уже ушла?

Он помолчал несколько секунд, прижимая трубку к уху, и вдруг буквально бросил ее на аппарат. Я встал. Он встал тоже, не сводя глаз с телефона.

- Ку-да? - спросил я, произнеся по слогам это короткое слово. - Сядь.

Он повернулся и посмотрел на меня бессмысленными глазами.

- Сядь! - повторил я и пошел к дверям. Он продолжал стоять.

Я подошел к двери и хлопнул по ней ладонью, не сводя с него глаз.

Дверь тотчас открылась и в комнату вошел молодой человек чуть ниже меня ростом, в серой рубашке и джинсах, серьезный и немного бледный, с хорошо развитой челюстью и мощными руками спортсмена. Это был инженер из конструкторского отдела, отчаянный парень. Он закрыл за собой дверь и остановился на пороге.

- Ты кому звонил? - спросил я Вену. Он посмотрел на меня уже вполне осмысленно и внезапно злоба вспыхнула в его небольших черных с опущенными уголками глазах.

- Выйди! - рявкнул он на парня. Тот взглянул на меня и снова молча уставился на Вену.

- Выйди, кому говорят! - гаркнул Вена еще громче.

- Не ори, - придушенным от ярости голосом зашипел я, - он не выйдет. Ты кому звонил, я спрашиваю?

- Ну падла, ну падла, - не отвечая, бормотал Вена и глаза его беспокойно бегали по поверхности стола, явно ища что-нибудь тяжелое в руку. Я понял, что он намерен пробиваться через дверь; видимо, ему это было очень необходимо; ситуация, кажется, становилась острой. Я сделал несколько шагов в глубину комнаты, чтобы иметь возможность напасть на него сбоку, и сказал спокойно и самоуверенно:

- Ты дурак, Вена, и плохо соображаешь. Объясню, почему. Если ты сейчас рыпнешься, то я буду считать, что ты попал на горячем - а у меня есть основания так думать - и мы сделаем здесь, без свидетелей, из тебя отбивную. К этому все готово. Но мне надо проверить, могу же я ошибиться? - и я улыбнулся недоброй улыбкой. - Поэтому советую тебе, не горячись.

- Угрожаешь? - спросил Вена и на губах его зазмеилась ответная улыбка, а глаза перестали бегать по сторонам и остановились на мне. Кажется, он ухватился за подброшенную соломинку.

- Алексей, - попросил я негромко молодого человека, - подойди к телефону и набери сорок шесть двадцать четыре восемьдесят.

Это был удар: Вена заметно побледнел. Алексей, не сводя с него настороженных глаз, подошел к телефону и набрал номер.

- Спроси, звонил им кто-нибудь и что сказал, если звонил.

- Это Неволин, - сказал Алексей в трубку. - Вам кто-нибудь звонил минуту назад?

Он молча выслушал ответ, положил трубку на рычаг и сказал:

- Звонил мужчина, спросил, ушла ли Елизавета Евгеньевна.

Я уперся в Вену тяжелым взглядом.

- Рожнов, сволочь, это как же так, а?

Несколько секунд тянулось невыносимое молчание. Потом Вена повернулся спиной, сел на стул и ударил кулаком по столу, прямо по паяльнику, лежавшему на нем. Потом уронил голову на руки и горько заплакал.

Я облегченно вздохнул. Неволин взглянул на меня и бесшумно скользнул назад, к двери. Довольно долго мы молчали.

Сейчас по сценарию должны были появиться официальные лица. Но колокольчик на двери молчал.

Вдруг Рожнов поднял голову; посопев, он вытер тыльной стороной ладони глаза, неожиданно сунул руку в стол и тут же вскочил; в руке его был молоток.

Ай-яй-яй...

А дальше произошло вот что.

Повернув голову ко мне, он сказал отрывисто и зло:

- Не подходи!

И пошел прямо к двери, глядя в лицо Неволину. Тот напрягся и чуть приподнял руки.

Все-таки сорвался, - со злостью подумал я. Теперь словами не остановишь. Теперь - только ломать. Но выдержит ли Алексей первый удар?

В такт шагам Рожнова я тоже двинулся к двери. Вена не оглядывался. Он подходил все ближе и ближе. Сейчас он будет на расстоянии вытянутой руки; что тогда?

Но этого не произошло: когда между ним и Неволиным осталось шага три, Алексей неожиданно прыгнул вперед, выставив левую руку и пытаясь поймать поднятый вверх молоток. Но Рожнов был начеку. Он мгновенно убрал молоток в сторону и Алексей промазал. Толкнув его в грудь свободной рукой, чтобы сохранить дистанцию для удара, Рожнов изогнулся и потащил молоток к голове Неволина...

Тогда я тоже прыгнул вперед.

От страшного напряжения время вдруг как будто затормозило свой ход: я видел свои и чужие движения, как в замедленном кино. Я понял, что не успеваю; черт бы побрал мою медлительность! Кажется, она будет дорого стоить. Но нет: Алексей не потерял контроль над ситуацией; в последнний момент он, сделав нырок, опустил голову ниже и увел ее влево, под бьющую руку.

И Рожнов промазал. Удар пришелся в правое плечо.

Я видел, как исказилось лицо Алексея. Но я был уже рядом. Вытянув руки, изо всех сил толкнул Вену в бок. Он упал, удержав молоток в руках; я упал следом и схватил его за ноги.

Теперь мы барахтались на полу. Неволин неподвижно стоял на коленях, повесив руки. Он был, кажется, в шоке.

Наконец, Вене удалось подтянуть ноги и он с силой толкнул меня ими в грудь. Руки мои соскользнули, а он повернулся и сел, снова подняв молоток вверх. Теперь уже я лежал лицом вниз, подставив темя...

И в этот момент Неволин наклонил туловище вперед и четко воткнул левый кулак в его челюсть. Это был прекрасный удар. Вена раскинул руки и ударился затылком об пол. Глаза его закатились.

Я вскочил на ноги и посмотрел на него сверху вниз.

- Отдохни, - сказал я хрипло.

Колокольчик звякнул и дверь открылась. На пороге показался человек в форме милиционера. Из-за его плеча выглядывал Олег.

МЕДВЕЖАТНИК

Нет, Рожнов ни в чем не признался в тот вечер. Он отрицал, что преднамеренно звонил в комнату Анны Игнатьевны: просто ошибся номером. Кто такая Елизавета Евгеньевна - естественно, говорить отказался, заявив, что она никакого отношения к происшедшему не имеет и что этот вопрос - вмешательство в его личную жизнь. Лишь ночью, после обыска, проведенного у него на квартире, когда оперработники обнаружили видеосистему, числившуюся в розыске после одной из квартирных краж, и когда ему разъяснили известную истину о том, что непризнание усугубляет наказание, он раскололся.

Ранним утром машины с сотрудниками угрозыска в сопровождении служебно-розыскных собак выехали по названным им адресам.

Пожелаем им удачи, читатель.

Пришла пора, наконец, объяснить, о чем шептались мы с Олегом в пустом гулком переходе между зданиями института, пугливо озираясь по сторонам.

Помнишь ли ты описанное здесь нами чаепитие, на котором гостем в нашей комнате оказался старший инженер Мелито-

пов? Разговор тогда шел о профсоюзной конференции. Но не только о ней. Отвязавшись от Мелитопова, Рожнов начал искать по телефону неведомого плановика, и тут я невольно обратил внимание на то, с каким почтением он говорил с кем-то по телефону. Обратил внимание потому, что это было на него не похоже: обычно он разговаривал без комплексов, развязно-деловым тоном. И в голову мне пришла крамольная, попросту абсурдная мысль: а не с городским ли абонентом он разговаривает? Представить себе, чтобы он беседовал так вежливо с кем-то, кто сидит рядом с нашим институтским плановиком, я не мог, поскольку знал, что уважать там ему было некого...

И вот тут память услужливо подсказала: он же набирал шестизначный городской номер! Только не сразу шесть цифр, а сначала три, как и положено при внутренней связи, а потом, после паузы, еще три! Ошеломленный такой гипотезой, я долго не мог прийти в себя. Возможно ли это?

Что это возможно и выполнимо практически, я убедился на следующий же вечер, когда, оставшись один после работы в комнате, начал исследовать телефонный аппарат. Снаружи он выглядел совершенно заурядно. Потянув за шнур, уходивший в щель между массивным лабораторным столом и стеной, я ожидал вытянуть его весь наружу, вместе с частью телефонной линии, к которой он должен быть присоединен. Но не тут-то было. Шнур не вылезал. Я забрался на стол и заглянул в щель: шнур уходил внутрь стола! Тогда я слез со стола и заглянул в него: на средней полке, прикрытый инструментами, лежал переключатель на три положения, среднее было нейтральным. Я переключил его, снял телефонную трубку, набрал ноль девять и спросил, какое нынче число. Ответ был вежлив и не совсем логичен:

- Мы даем справки только по городу... Двадцать восьмое сегодня. Все стало ясно: Рожнов присоединился к линии, проходившей мимо нашей комнаты, на которой раньше был телефон соседей, и тайком звонил по городским телефонам...

Признаюсь, нам непонятно было только одно: зачем он делал это тайком? Неужели он не воспринимал нас как людей, равных себе? И почитал за людей более низкого сорта, которых можно не стесняться? Возможно.

Позже, на следствии Рожнов ответил на этот вопрос так: он собирался попользоваться телефоном сам, а потом и нам рассказать о нем, предупредив, чтобы никому об этом не болтали; не приведи Бог, будут бегать к нам звонить со всего этажа...

Но не успел рассказать.

А следствие шло своим чередом. Неожиданно следователь вытащил откуда-то козырных свидетелей, оказывается, видевших Вену торгующим на городском вещевом рынке, именуемом барахолкой. После чего устроил еще один фокус: предъявил Вене фотографию убитого Четверикова. Вена помотал бородой и заявил, что видит такого типа впервые. Началось длительное препирательство между следствием и подследственным. Каждый стоял на своем. И кончилось оно тем, что следователь откопал где-то интересный факт: в день убийства Четвериков и Рожнов встречались на вечеринке у каких-то девиц. С этого момента картина круто изменилась. Вена, разумеется, Четверикова вспомнил. И сразу же заплакал горючими слезами, утверждая теперь, что к убийству-то он не имеет отношения... Поговорил с парнем о том, о сем и забыл про него...

Следствие продолжалось.

А Дутяев в тот памятный вечер и в самом деле ушел со спокойной душой, потому что поднялся наверх из машинного зала не скоро, когда Рожнова уже увели. Вернулся он, не дождавшись там, внизу, программистку, ту самую средних лет брюнетку с голубыми любознательными глазами. Вернулся, конечно, рассерженным.

Но он бы, наверное, не сердился, если бы знал, что ее за пять минут до появления Олега у нас в комнате арестовал возле вскрытого сейфа оперуполномоченный Атавин. Она с увлечением просматривала ведомости уплаты профсоюзных взносов.

Я не ошибся: "медвежатник" был у нас накануне. Только я его не узнал. И, может быть, к лучшему.

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

Георгий Иванов

Большой русский поэт покинул родину в печально известном 1922 году. Когда решением В.И.Ульянова был осуществлен один из небывалых в истории человечества актов интеллектуального геноцида, в результате которого оказались насильственно выдворенными за пределы страны более 160 лучших умов России. Умер поэт во Франции в 1958 году. А легальное возвращение его творчества советскому читателю началось только в 1987.

* * *

Слава, императорские троны,
Все о них грустящие тайком -
Задаетесь вы на макароны,
Говоря вульгарным языком.

Что мечтать-то? Отшумели годы,
Сны исчезли, сгнили мертвецы.
Но, пожалуй, рыцари свободы -
Те еще отчаянней глупцы:

Снится им - из пустоты вселенской
Заново (и сладко на душе)
Выгарцует эдакий Керенский
На кобыле из папье-маше.

Чтобы снова головы бараньи
Ожидали бы наверняка
В новом Учредительном собранье
Плети нового Железняка.

Александр Беляев

Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ...

ЗНАТЬ ПРАВДУ

Мы, кажется, приходим к тому, что начинаем понимать историю родного народа не так, как кому-то из нас хотелось бы, а так, как она творилась на самом деле, проще сказать, мы учимся говорить правду, учимся сознавать себя людьми, принадлежащими не только этому, зримому, а и другому, хотя бы и внеземному миру, в нас крепнет нечто отвергаемое властями, жестоко унижаемое ими и преследуемое, быть может, понимание своей человеческой сущности, тех корней, что дали начало роду нашему.

Стыдно, но случалось и так, когда небезызвестный поэт едва ли не с гордостью заявлял, что он, беспамятный, "ведет свой род с Октября 17 года...."и, чуть отступя, добавлял:

"И чтобы все узнали долю лучшую
И лучшие узнали времена,
Одно лишь было средство -
Революция,
Локомотив истории она!"

Господи, да неужто слепы мы были совершенно, что не ведали очевидного- про мучения, выпавшие на долю матушки России, истерзанной, растоптанной, насильственно лишенной Бога?.. Кажется, в большинстве своем и вправду не ведали, хотя и среди нас попадались люди, что и тогда, в пору бесовского разгула и подавления Господнего в человеке, духа его немерклого ощущали утесненность жизни, мнгострадальность ее. А отметивши это, бросали в народ хотя и редкие и скоро растаптываемые красноармейскими башмаками зерна истины, и те, случалось, прорастали в душах и усиливали их. А иначе разве смогли бы мы и в пору жесточайшего в истории России большевисткого террора не утратить чувства единения с Отечеством; присущего только нашему народу душевного устройства, моноготрудного, привыкшего к постоянному неудовольствию собой, к пространственному созерцанию чего-то нездешнего, вознесшегося над миром, быть может, нынче уже и не существующего. Впрочем, для кого-то несуществующего, но не для русского человека, светлого и широко окрест замечаемого?..

Мы нынче не те, что были прежде... мы хотим верить, помнить, любить землю нашу, знать, что происходило на ней, многомучимой. И это стремление к возвышению в себе человеческого находит все новые и новые подтверждения. Вот и сегодня я с удовольствием рекомендую Вашему вниманию свидетельства очевидца крестьян-

ского восстания против коллективизации в Забайкалье, случившегося в начале тридцатых годов. Тут вся правда, и, как всякая правда, она не требует каких-то особенных художественных изысков, свидетельства написаны просто и ясно и, быть может, не всегда согласно с литературными требованиями, и тем пронзительнее звучат они.

Ким Балков.

События описанные ниже, являются типическими для всей России, ибо шли они в те дни по одной, замусоленной за десятилетия идее - "спасения русского народа (читай: от веками им же выработанного уклада и мировоззрения) и устройства ему счастливой жизни по принципам социалистической философии". С одной стороны эту идею толкали нахватавшиеся верхушек, неспособные что-либо продумать до конца наши полуинтеллигенты, а с другой - фанатики, одержимые холодной ненавистью к России. У тех и других бесхитростная любовь русского народа к своему отечеству носила название "красного патриотизма".

Началось наступление на русскую деревню. По его упорству и беспощадной жестокости можно заключить, что новая власть в русском крестьянине видела главный оплот своего врага - тысячелетней России. (Напомню, что до самой Второй мировой войны даже неосторожное упоминание имени Россия могло навлечь преследования со стороны "правосудия". Теперь же патриотизм (русский) яростно клеймился властями. Времена меняются, и годы отечественной войны пришлось взять на оборону "славное прошлое").

Деревня сначала слушала агитаторов, спорила, плевалась, а потом, притихнув на некоторое время, встретила н а с и л и е вооруженным сопротивлением.

До сих пор советские пропагандисты приписывают организацию сопротивления крестьян социализму эс-эрам (партии социал-революционеров), или оставшимся "белогвардейцам" и прочему "враждебному элементу" - с единственной целью оправдать свое насилие.

К началу коллективизации, когда происходили вооруженные восстания крестьян, как организованные, так и спонтанные (повсеместно по необъятной территории России), партии эс-эров уже не было, Кроме того, сами они исповедовали ту же социалистическую идею и были ближе духовно к своим бывшим соратникам - большевикам, нежели к русским крестьянам с их частнособственническими стремлениями.

Что же касается бывших белых военных единиц, которые застряли в том или ином месте после краха Белого движения - то они стремились скрыться, быть в тени и тайно искать устройства своей личной жизни. Создание какой-то военной организации, направленной против власти заставило бы их быть на виду и рисковать жизнью еще прежде того, чем что-либо удалось бы создать. Пережившие гражданскую войну, сломленные поражением и досконально знающие обстановку, бывшие белые офицеры только как редкие, единичные исключения были бы способны на такую отчаянную храбрость.

В действительности все было гораздо проще. Явно антинародная власть повела наступление на деревню в форме насильственной экспроприации, а народ - еще не раздавленный морально террором, еще не забитый голодом, с еще неистребленным чувством собствен-

ного достоинства, еще хранящий живую память о том, что никого нельзя преследовать без вины, доказанной судом и следствием - народ стал защищать свое право на жизнь, на имущество, на землю, - которую он тяжелым трудом отвоевал от леса, - на право пользоваться плодами этой земли, плодами труда своего и своих предков.

Столкновение противоположных интересов компартии и земледельцев переросло в форму местной вспышки недовольства и вылилось в вооруженное восстание русского народа против социалистической власти.

Одно из таких крестьянских восстаний произошло в названном выше селе Малый Куналей, района Бичура. Бурятской Автономной Социалистической Республики - свидетелем чего мне пришлось быть.

События развивались так: в 1929 году в селе появились первые партийные агитаторы и, после месячных уговоров, им удалось сколотить из десятка семей коммуну. Помещалась она на окрайне, в двух специально отобранных крестьянских усадьбах. Перевезли туда же несколько изб и амбаров. Занимались в первое время больше разлагольствованием, чем работой. Правление района выделило семенные фонды, пообещало коммуне трактор. Председателем коммуны (имени "Парижской коммуны"!) был выбран бывший каторжанин Антон Павлович Фалеев (для сельчан - Антошка Фалелеев), старый член РКП(б).

Усадьбы, в которых поместились коммунары, принадлежали высланным из деревни "твердо-заданцам". Это изобретение "народной" власти необходимо объяснить подробнее, чтобы оно не исчезло из памяти русских людей. Советская власть, чтобы овладеть деревней, не рисковала брать ее всю штурмом - тактику захвата повели хитро, начав с расчленения деревни на мелкие группы и репрессируя их по частям. Шаблон был везде один и тот же: сначала выбирались самые состоятельные семьи, их клеймили именем "кулаков" и начинали травлю, в начале словесную. Тут умело использовались низкие чувства зависти к более богатым, мелкие и крупные обиды, и вот вся деревня пассивно наблюдает, как десяток семей загоняется в угол, как преступники перед миром. Мироеды - клеймят их горлопаны, готовя их к разорению и выселению. Пассивные наблюдатели еще не знают, что после расправы с "кулаками", их тоже ждет горькая участь, за предлогами дело не станет.

Однако, в те годы намеченные жертвы еще не могли быть схвачены в одну ночь, как это делалось позже (1936-1937 гг.), - в то время нужен был видимый предлог. Для этого и был придуман дьявольский трюк - т в е р д о е з а д а н и е. Подоплекой послужили обязательные поставки государству продуктов натурой, причем размер поставок для каждого двора определялся в границах возможного. Иначе поступали с кулаками-твердозаданцами. Так называемая государственная комиссия описывала все хозяйство и имущество - зерно, скот, инвентарь, запасы продуктов, постройки, конскую сбрую, мебель в доме, швейные машины, гармонии; даже одежду - как шубы, тулупы валенки и проч. Хозяин обязан был подписаться под списком своего имущества и отвечать за его сохранность. Через неделю уполномоченный власти приносил "лист твердого задания" гражданину (имя рек), по которому он был обязан в месячный срок сдать государству назначенную поставку, однако в размере п р е в ы ш а ю щ е м количество запасов найденных у него комиссией. Про-

дать что-либо из описанного не разрешалось.

Поскольку крестьянин не мог собрать требуемого, то подлежал лишению свободы, как уклоняющийся от выполнения поставок, саботажник и проч.

Были случаи, когда твердозаданец, чтобы избежать ареста, с помощью родственников, друзей, а под-час и соседей, собирал необходимые поставки - тогда на него налагали второе, "встречное" задание, выполнить которое ни у кого не было сил. Уже разоренный крестьянин автоматически попадал в лапы советского "правосудия и, оставив на разграбление все имущество, отправлялся вместе с семьей по разряду "спец-переселенцев" в места отдаленные за тысячи километров от родного села, чаще за полярный круг или на строительство дорог, заводов и т.д. - туда, куда Макар телят не гонял, в места гиблые и для жизни непригодные".

Так губился наиболее предприимчивый, энергичный и устойчивый элемент русской деревни, могший составить мощь и гордость любой нации, не говоря уже о России, стране по преимуществу крестьянской. Трудно поверить в то, что делалось это только ради торжества социализма - настолько продумана и организована была эта изощренная тактика. Слишком явственно в ее беспощадности виднеется и другая цель руководителей прогресса - борьба против России, захватить или, хотя бы, расчленить которую не удавалось прежде никогда. Главным носителем специфических духовных черт и жизненных сил народа было русское крестьянство, на него то и был направлен удар после того, как были разгромлены или парализованы все те, кто мог организовать защиту.

Возвратимся к событиям в селе Малый Куналей. В конце февраля 1930 года, на масленой Неделе (последняя неделя перед Великим постом, предшествующим празднику св. Пасхи), которую верующий народ справлял еще по-старому богато - с широким весельем, выпивкой, блинами, катаньем на лошадях, бегами и проч. - в селе царила напряженная атмосфера. Власть готовилась гнать поголовно всех в колхоз и решила предварительно запугать село.

Бичурское ОГПУ (НКВД И КГБ впоследствии) арестовало нескольких твердозаданцев - стариков. То ли райотдел ОГПУ узнал, что старики что-то затевают, то ли просто властям хотелось омрачить празднование Масляницы. Арестованных посадили в подвал кооператива и производили там допрос с пристрастием.

Об издевательствах над стариками по селу пошел слух, сыновья арестованных взбудоражили всю деревню и в полночь бывшие красные партизаны атаковали кооператив, убив нескольких активистов. Из опер-уполномоченных никто не пострадал - чекисты благополучно ускакали в Бичуру. Старики были освобождены и их рассказ о пытках и издевательствах над ними увеличил возмущение.

Уже на рассвете началась ловля активистов, членов сельсовета, партийцев. Все служащие деревни были арестованы и заперты в тотже самый подвал, где ОГПУ содержало твердо-заданцев. Кругом были видны следы пуль и крови. Самая большая группа арестованных состояла из учителей местной неполно-средней школы; в их числе попала под арест и мать моего друга, в семье которой я жил. Причиной ареста учителей было то, что они обязаны были нести так называемую общественную нагрузку - проводить собрания крестьян, по-

священныее делу коллективизации сельского хозяйства, выступать (часто против своей воли) в защиту колхоза и доказываь крестьянам выгоду отдачи своего имущества на построение "счастливого социалистического общества". Крестьяне не забыли этого и зачислили учителей в стан своих врагов.

Между тем, упомянутый раньше Антошка Фалелеев ускакал в село Малету и донес о случившемся в город Читу. Пока он добрался до Читы, прошло по крайней мере два дня, - за это время восставшие послали гонцов в соседние села: Бичуру, Красную Слободу (Красный Яр), Поселье, Буй и др., с призывом к восстанию. -

Так кончился последний день Масленицы - Прощенное воскресенье, - день когда, по старинному русскому обычаю, народ шел вечером в церковь; там, помолившись, все просили прощенья друг у друга, чтобы в мире со всеми начать Великий пост и радостно встретить Пасху. Часто даже закоренелые враги прощали взаимные обиды и мирились в этот день. Но революция нарушила вековой уклад русской жизни, затемнила совесть и ожесточила сердца.

В Волостном Управлении Малого Куналея (бывшего волостью до революции) был создан штаб восстания. Во главе были: церковный староста Иванов (имени и отчества я не помню), как наиболее образованный и наиболее уважаемый сельчанами, далее участники первой мировой войны подпоручик Семен Конечных, принявший на себя командование, и прапорщик (1-ой мир. войны) Петр Сидоров - начальник штаба. Все эти имена, как и другие, действительные.

Все мужское население деревни было мобилизовано и вооружилось, как кто мог винтовками, принесенными с фронта, охотничьими дробовиками, обрезами и т.п. Восставшие были разбиты на группы по шесть человек на сани.

На третью ночь были расстреляны три молодых жертвы: заведующий школой Бянкин - прекрасный человек, не достигший еще и тридцати лет, русский, не коммунист. Высокий, русый, голубоглазый, любимец не только школьников, но и молодежи села, которую он старался привлечь к книге, сцене, музыке, знанию, отучить от грубых обычаев и пьянства; с ним погибли две учительницы - только что окончившая педагогический институт полтавчанка Денисенко, девушка редкой красоты и обаяния, а также ее подруга - математичка, имя которой не сохранилось в моей памяти. Это были ни в чем неповинные люди. Эта участь миновала мать моего друга, она никогда не участвовала в собраниях, не выступала за коллективазацию, отговариваясь занятостью (вела две смены), семьей, плохим здоровьем, возрастом. Не слышавшие от нее пропагандных речей, крестьяне не посчитали ее своим врагом и на четвертый день она была отпущена домой.

Этот факт указывает на то, что борьба велась не по какому-то классовому признаку или против какого-то сословия, а именно против тех, кто (вольно или невольно) способствовал ограблению народа, гнал народ в колхоз, лишая его жизненных ресурсов, т.е. собственности - земли и скота.

Борьба восставших крестьян, хотя и очень трудная, все же могла иметь успех, мог к ней присоединиться весь Забайкальский край, возможно и вся Сибирь. Но три фактора предрешили неудачу.

Как позже, после разгрома восстания, мы узнали из рассказов уцелевших участников, сговор был почти по всему Забайкалью и Ононскому уезду. Еще задолго до восстания, когда повеяло разорением

по всему Забайкалью и Сибири, крепкие хозяева начали устанавливать подпольную связь между селами и деревнями. Было достоверно известно, что Бичура (в 20-ти километрах на юго-запад от М.Куналея; масштаб доброго города, тогда 30.000 жителей с главной улицей в 12 километров длиной), Мухор-Шибирь, Большой Куналей, Урлук, Красный Яр и др., как села богатые, были, в первую очередь, намечены к раскулачиванию. Из-за этого,населенные почти сплошь семейскими, крепко спаянными старой верой и сильнее других державшимися за старое, - они-то и начали сколачивать сопротивление. Немалую роль играло и то, что эти села состояли поголовно из бывших красных партизан, поддержавших в свое время ту власть, которая теперь начала наступление на них самих.

По-видимому, был назначен какой-то срок для одновременного восстания в разных местах края, но мало-куналейцы погорячились, не вытерпели, выскочили вперед раньше срока на две недели и погубили все дело повстанцев.

Вторым фактором, приведшим к провалу была изолированность друг от друга отдельных сел и деревень; единственная телефонная линия Бичура - Петровский Завод была перерезана, да если бы и нет, то восставшие вряд-ли могли бы ею воспользоваться. Оставалось старое, верное средство связи - лошадь. Возможно, что к назначенному времени выступления была бы продумана система быстрого сообщения даже при помощи верховых.

Подпоручик Конечных безусловно понимал сложность положения восставших - посланные им нарочные (верховые) в расположенные на северо-восток села - Узкий Луг, Пески, Задарму - вернулись ни с чем. Власти, предупрежденные председателем коммуны Фалелеевым быстро овладели обстановкой и схватили в первую же ночь (на 4-ое марта) всех менее надежных крестьян в этих селах; остальные в страхе притихли, выжидая, чем кончится дело в Малом Куналее.

В следующие две ночи власти сумели обезглавить и выше названные семейские села. Также и они, оставшись без руководства и решительных людей, заняли выжидательную позицию. Эта пассивность и потеря времени - третий фактор провала, - губя восставших, не спасли и тех, кто к ним не примкнул.

Таким образом, восстание в Забайкалье ограничилось Малым Куналеем и присоединившимися к нему прилегавшими селами Посельем, Красной Слободой и Буем.

Непосредственных действий против восставших власти в первые дни не предпринимали, стараясь локализировать и изолировать бунт. Аресты и обыски с изъятием оружия производились в ближайших, но не примкнувших к восстанию селах- - Песках, Узком Луге, Задарме. Все дороги были блокированы - заставы не выпускали и не впускали никого.

В штабе Малого Куналея Конечных, Иванов и Сидоров, не получая вестей и поддержки от остальных больших сел, понимали опасность положения, однако не передавали тревожных мыслей остальной массе крестьян, которые горели желанием поскорее дать бой ненавистной коммуне. Конечных поставил отряды прикрытия на северо-восток по тракту на Петровский Завод, на окраине села Буй, на север - на Мухор-Шибирский тракт и на юго-запад - на Бичурский тракт; он тоже стал выжидать - идти ему было некуда. Да крестьяне и не пошли бы от своих семей и хо-

зяйств. В этом вся трагедия крестьянских восстаний.

В волостном управлении, до синевы накуренном крепким самосадом, шла, между тем, лихорадочная работа штаба. Приходили и уходили люди; подьезжали нарочные с застав; все двигалось; кругом вооруженные, кто как мог, крестьяне. Подростки, в том числе и я, жались к стенам белокаменного дома купцов Сосновских (теперь потребиловка), посинев от холода и дрожа от волнения, смотрели на непрерывную смену всадников у коновязи, где снег уже давно перемешался с землей.

На четвертый день восстания был первый бой у заставы за селом Буй. Прибывшие на двух грузовиках пограничные войска были встречены огнем заставы и, круто повернув, скрылись за сосновым бором, по дороге в Узкий Луг. Очевидно отпор был сильнее, чем предполагали в ОГПУ.

В Малом Куналее ликовали от первой удачи; успех окрылил восставших и они наивно верили, что власти будут вынуждены вести с ними переговоры, так как взять село силой им будет трудно.

Гроза надвигалась - мать моего друга запретила нам ходить на площадь и мы ловили на улице крестьян, пытаясь узнать от них новости. Хотя они отмахивались от нас, было понятно, что бой мог вспыхнуть в любую минуту. Учительница понимала обреченность положения восставших, но боялась об этом говорить даже в своей семье; она нервно ходила по квартире, все поглядывала в окна, да украдкой шептала молитвы, - за кого, мы не знали.

В таком напряжении прошло несколько дней и только в конце второй недели вдруг все задвигалось, верховые и сани с вооруженными людьми помчались по улицам во всех направлениях. - Беда уже случилась! - говорила нам учительница. К наступлению ночи село притихло и опустело - многие уехали на заимки; волостное правление стояло с темными окнами, не подавая признаков жизни; было жутко от полной тишины.

Утром соседи сказали нам, что у села Буй был второй бой, где пострадала церковь - на колокольне сидели наблюдатели, - наши разбиты и бегут, кто куда может. Пограничники заняли Буй и Красную Слободу. К полудню шум грузовиков рассек тишину села - войска входили в побежденную деревню. Улицы были пусты, но все жители прилипли к окнам; старшие крестились и плакали, мужики поникли головами, зная, что пришел конец их спокойствию, остаткам свободы, а может быть и самой жизни.

В течение дня улицы кишели красноармейцами с зелеными звездами пограничников на шлемах, в длинных, почти до пят, кавалерийских шинелях. Школа, церковное помещение под храмом, подвал кооператива, волостное управление были забиты арестованными. Кругом ходили часовые; мальчишки из подворотень и из-за углов глазели не страшные чудовища - грузовики, стоявшие на площади. Село стало лагерем; вопли и плач баб смешивались с командами и криками начальников; продолжались повальные аресты мужчин. Наступила еще одна тревожная ночь. На площади горели костры, около них грелись солдаты.

Постепенно стало известно, что руководители восстания бежали в лес, за исключением старосты Иванова. Говорили, что ушедших были сотни, но более благоразумные считали, что человек 40-50; думаю, что последнее ближе к истине. Преследовать крестьян - привычных охотников - в лесу ОГП не решалось, там они были в явно более выгодных условиях, чем в поле. По

заимкам были посланы активисты - неизвестно откуда вылезшие - и вот в село потянулись сани с целыми семьями восставших, возвращавшихся по приказу командования частей ОГПУ. Мужчин сразу же отделяли и арестовывали, а семьи были обязаны никуда не отлучаться от домов.

Староста Иванов спокойно ждал ареста у себя дома и был взят первым. Мы наблюдали, как два чекиста с наганами нагло вели его по селу. Это был человек сильной воли и выдержки, как верующий, принял вину других на себя, решив "положить душу свою за други своя". Рослый, статный мужчина лет 50-ти, он шел неторопливо, не горбясь, прямо глядя вперед. даже нам, подросткам-мальчишкам передавалось какое-то особенное благородство этого человека, чувствовалась несомненная правота восставших. Это запомнилось надолго. Быть может, как раз от этого зерна выросло что-то большое, не допустившее выработаться в нас психологии рабов. Если это так, то восстание это, как и другие ему подобные, не были напрасными.

ОГПУ отправило Иванова специальным этапом, на грузовике в Петровский Завод, а там дальше - в Читу, спеша узнать о размерах заговора.

Командир восставших Семен Конечных и начальник штаба Петр Сидоров возглавили группу ушедших в лес, оставив свои семьи на произвол ОГПУ.Митя, сын подпоручика Конечных учился со мной в одной школе, но классом ниже. Голубоглазый, славный мальчик, застенчивый, услужливый, хорошо воспитанный. Прекрасно учился, охотно помогал другим, много читал.

Потянулись дни, село было прижато террором, каждый день увозили новых арестованных. Шла весна, а с нею приближались полевые работы; горевали уже не только о родных и близких, но и о недостатке рабочих рук. В беде оказалась не одна - две семьи, которым сообща можно помочь, а все село лишилось мужского населения, своих главных работников. Пахать и сеять было некому.

Наступило лето - в замученных селах засеяна была половина полей - столько, сколько могли сделать подростки и бабы. Предвиделась суровая зима без дров, без сена для скота, без хлеба для себя. Положение становилось критическим.

Целыми группами приходили крестьянские к учительнице и просили - Голубушка, напишите прошение в Москву, может, там разберутся, пожалеют, отпустят мужиков. Беда, ведь, - перемрут дети с голоду и холоду! Пусть только отпустят мужиков - пойдем всем селом в коммуну, а там - что Бог даст!

Учительница писала, прошения уносили, прижав к груди, как драгоценность. Верил простой народ в заботу о народе высших властей где-то в Чите, далеком Иркутске, в самой Москве, наконец! Не мог им даже представиться весь чудовищный цинизм тех, кто под именем народной власти правил теперь Россией.

Письма уходили в район, но шли недели, а ответа не было, как не было и каких-либо вестей от арестованных. Они словно в воду канули. - Неужто перебили сердешных всех? - шептала деревня.

Но пришел и ответ на прошения - один для всех. К учительнице их писавшей приехал уполномоченный ОГПУ, в военной шинели, с маузером в кобуре. Зашел в дом, резко выкрикнул:

- "Оперуполномоченный Маланов"!

Нас выслали на двор, но дрожать от страха нам не пришлось долго - вскоре он вышел, а побледневшая мать моего друга позвала нас в дом. Там она, плача, сказала:

- Они мне запретили писать прошения семьям повстанцев. Меня спасло только то, что я была арестована восставшими в начале. Он угрожал, что если я не перестану писать, то он меня арестует. Я обещала подчиниться!..

Через несколько дней, вскоре после Пасхи, появилась новость: Сашка Мостовой бежал из тюрьмы. Мостовые были зажиточными крестьянами, пользовались уважением села, но младший сын Сашка, забулдыга и хулиган, имел бесконечные столкновения то с соседями, то с властями. Осенью 1929 года, за пять месяцев до восстания, за драку попал в тюрьму на три года. Сейчас он прятался в селе у знакомых и рассказывал, что видел в тюрьме многих мало-куналейцев.

Неизвестность истерзала людей и каждому хотелось получить весточку о своих близких. Не знаю, что врал Сашка и видел ли он кого-либо в действительности, он стал чем-то вроде героя.

Однажды, ярким солнечным днем, Сашку Мостового провел по главной улице села милиционер с наганом, направленным в его спину. Мальчишки, в том числе и автор, следовали гурьбой за ними. Сашкино лицо было бледно, а голова висела вниз, как у полумертвого. Мы прилипли к запыленным окнам сельсовета, куда вошли арестованный и конвоир и увидели, что милиционер, вложив наган в кобуру, направился к столу секретаря сельсовета. В эту минуту Мостовой резко повернулся, бросился к дверям и в три прыжка был на улице. С криком - стой! стой! - милиционер бросился за ним, выхватывая на ходу револьвер; раздались выстрелы, Сашка упал, а под ним мгновенно образовалась лужа крови, - пыль медленно впитывала ее, - Сашка кричал, как оглашенный. Скоро его уволокли на конской попоне во двор сельсовета и мы не могли его больше видеть. Потом его увезли на дрогах в Малетинскую районную больницу, за 50 километров, в то время, когда до нашей районной больницы (в Бичуре) было всего только 20 км. - так распорядилось начальство по телефону, - сказал секретарь сельсовета.

Мало-куналейцы сочувствовали Сашке. Ямщики, вернувшиеся из Малеты, рассказывали - скачет Сашка на костылях, а за ним неотступно ходит милиционер с наганом.

Прошел месяц. Подавленное своим горем село ловило слухи, как астматик воздух. И вот новая история - Сашка Мостовой бежал из больницы, скрывается в лесу, а ночью приходит в Малый Куналей за едой и выпивкой.

По какому-то молчаливому уговору в селе никто в то время не затрагивал в разговорах минувших событий, молчали и об ушедших в лес руководителях и участниках восстания. Молчало и ОГПУ - как будто ничего и не случилось - но, конечно, упорно работало над тем, чтобы найти и уничтожить непокорных, а особенно их руководителей. Органы и мысли не допускали, что возглавившие восстание уйдут от пролетарского возмездия. Не брезговали ничем; как выснилось потом, во время инсценированного побега Мостового из сельсовета, у него был привязан под одеждой бычий пузырь с красной краской. Таких свидетелей, как подростки и несколько баб не трудно было обмануть.

Где находился лагерь повстанцев, видимо, знали только единицы из их близких, снабжавших их продуктами, они же, расставив дозоры за несколько километров, занима-

лись заготовкой дров для своих семей и других осиротевших, но с винтовками не расставались.

Привыкшие к трудной жизни среди суровой, но богатой природы, умелые разведчики и охотники, они могли так жить годами, искусно скрывая следы и даже дым от костров. Летом это было совсем несложно среди глубокой тайги, дающей знающему ее человеку богатое пропитание, а на зиму можно было готовить запасы.

Кстати, забайкальцы не называют своих лесов т а й г о й, они употребляют другое слово - х р е б е т. "- Где Иван то нонче? - В хребте, орехи добывает".

ОГПУ не вывозило семей бежавших в лес повстанцев, тем самым держа последних около Малого Куналея, надеясь перехитрить их и учинить расправу. Случалось, что в темные летние ночи на улицах села появлялись неизвестные люди с котомками за спиной, но шли они так уверенно, как у себя дома, и никто не останавливал их, - как будто не замечали. Власти никаких особых патрулей в Малом Куналее не держали, надеясь, что местные партейцы тихой сапой сделают каиново дело вернее, нежели присланная милиция.

Появлявшийся из леса по ночам Сашка Мостовой посещал дома тех стариков, у кого сыновья скрывались в лесу. Выспрашивал и просил провести его к своим, а то ему "надоело бродить одному, как волку". Просил и клянчил настойчиво. Старики, видно, связались с Семеном Конечных и уговорили принять "беглеца из тюрьма" в лагерь (табор - по забайкальски). Так в среду неопытных в чекистских проделках крестьян был внедрен и провокатор.

... Дальше дело пошло легко. Попав в лагерь повстанцев, Сашка не переставал навещать село, приходя, якобы, за продуктами, но начал проносить и водку, спирт и самогон -- чем дальше, тем больше. Старался изо всех сил угодить и стать необходимым. Доверие к нему стало полным.

В первой половине августа (1931 г.) из леса в село гуськом входили оседланные лошади. Стон, болезненный крик и вопли слышались в той стороне и росли с приближением отряда. Подошли ближе и стало видно, что на каждом седле, вместо всадника, привязаны волокуши - две жерди с попоной или ветками укрепленными между ними - а на них, тяжело раненные в бою с частями ОГПУ, крестьяне. Замыкала страшное шествие большая группа обросших бородами мужиков, окруженных конными пограничниками с шашками наголо.

Описывать встречу семей с захваченными я не берусь. Среди них было много таких, кого я близко знал и к кому, сам сирота, успел привязаться.

Раненных увезли под конвоем в больницу, здоровых заперли в подвал кооператива под усиленной охраной, женщин и ребятишек разогнали по домам. В подвал добавили и тех стариков, которые снабжали лесной лагерь продуктами. Целую неделю шли допросы. Ни среди раненных, ни среди арестованных, ни среди убитых, как потом увидали, Сашки Мостового не оказалось. Возможно, его использовали где-нибудь в другом месте, а может быть, просто отправили в тюрьму досиживать свой срок. ОГПУ не имело желания показывать своего героя народу.

Постепенно выяснилось, что произошло в лесу. Узнав от Мостового место табора в лесу, чекисты приготовили осадный отряд из пограничников и бывших фронтовиков-красноармейцев, вернувшихся домой после конфликта на КВЖД в Манчжурии (в 1929 г.). Это были люди обстрелянные, с боевым опытом. В числе их был орденоносец-краснознаменец Селиванов из села Бичура. С Сашкой был условлен день нападения на лагерь. Накануне вечером он вернулся из села с грузом спиртного и сала и, как обычно, устроил попойку, убедив повстанцев в том, что никакой опасности нет, в деревне тихо, а, значит, - пей, гуляй!

К рассвету табор спал. Сашка разрядил большую часть винтовок и пошел с ведром по воду. Едва он сбежал в долину к ручью, загремели выстрелы - началась атака. Захваченные врасплох караульные были перебиты на месте; более трезвые и те, кто уже проснулся, быстро опомнились, прошел хмель и у пьяных. Находясь за сложенной из россыпи камней стеной, окружавшей лагерь, повстанцы начали дружно отстреливаться.

- Не сдавайся, братцы, их мало! - ободрял Семен Конечных, однако бой был кратким. Решил его Селиванов, подползший близко и забросавший табор ручными гранатами. Стоны и крики поднялись после взрывов.

- Выходи по одному, без оружия! - кричали нападавшие.

Повстанцы начали сдаваться., выйдя на опушку перед лагерем, с поднятыми руками.

- Конечных, Сидоров! Выходите! - орал торжествующий зычный голос, но в таборе было тихо. Со штыками наперевес, согнувшись, пограничники вбежали за стену, но там никого не было. Очевидно был неизвестный Сашке Мостовому выход из лагеря и повстанцы-офицеры смогли уйти и в руки экспедиции ОГПУ не попали.

Убитые были оставлены на месте. Позже из подобрали родные и похоронили на кладбище ночью украдкой. Отпевал их настоятель церкви во имя Архистратига Михаила в Малом Куналее. Раненые и арестованные больше никогда не появлялись в селе, никто от них не получил письма - сгинули в застенках.

Семьи повстанцев стали вывозить на поселение - часть в Туруханский край, часть на станцию Сковордино, на постройку второй колеи Сибирской магистрали. Семьи и родителей Семена Конечных не трогали, надеясь подкараулить беглеца. Петр Сидоров был одиноким и его родных не было уже в живых.

Увезли, наконец, и семью Семена Конечных - его родителей и брата Якова с семьей. Яков - который во время восстания лежал в тифу - и старики попали на Черновские Копи под Читой, а жену Семена с сыном Митей увезли в Туруханск Красноярского края, откуда Митя прислал письмо своему школьному товарищу. Мать, очевидно, боялась писать что-либо.

К этой истории, печальной, но и такой обычной и характерной для эпохи торжествующего социализма, добавлю то, что несколько утешало подрастающую молодежь, бывшую свидетелями кровавых событий и произвола.

Предприимчивый Яков Конечных сумел каким-то образом выбраться из Черновских Копей, пользуясь массовым в те дни ухо-

дом крестьян в город. Создавалась текучесть населения, да в таком размере, что власти не были в состоянии контролировать переселявшихся без конца целыми семьями людей. Видимо, Яков купил нужные справки, добыл паспорт. Он устроился на строительство Улан-Уденского Паровозостроительного Завода. Вырыл землянку на глиняном склоне берега Уды - так делали сотни семей - и жили не давая о себе знать, в свое родное село.

В августе 1933 года случайно, при облаве на Зеленом базаре в городе Улан-Удэ, был задержан мужчина, который при проверке документов предъявил паспорт на имя Якова Конечных. В участке милиции, на вопрос, где находится его брат Семен, он спокойно ответил: - сидит у меня дома. - Выдержка офицера спасла его еще раз. Милиционеры-буряты отпустили задержанного Семена Конечных и помчались на квартиру Якова. Схватив, под крики жены и детей, Якова, они с торжеством вернулись во 2-ое отделение милиции г.Улан-Удэ.

Два дня выясняли личность вождя мало-куналейского восстания. Наконец, убедившись, что арестованный - Яков Конечных, а не Семен, решили отпустить его. Может быть, надеялись, что Семен еще раз навестит брата.

Однако, счастье изменило на этот раз ОГПУ - больше о Семене Конечных никто ничего не слыхал.

Александр Ефимович Беляев родился в 1916 году в городе Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). После окончания института в 1938 году призван в Советскую Армию. Участник Великой Отечественной войны. В настоящее время живет в Австрии.

В России публиковался в "Нашем современнике", "Литературной России" и других изданиях.

В "Сибири" была опубликована повесть "Капитан Василий Токарев" N 5 за 1990 год.

ПОЭЗИЯ

Татьяна Суровцева

ОСА

То пашня черная, то желтая стерня,
то островки зимы, то небушка осколки
вдоль тряского шоссе...
Сибирская весна!
Свидетельства твои и ласковы, и колки.

Село среди полей с названием: Оса -
отсеяв, отпахав, угрелось на припеке.
Водитель, не спеши, нажми на тормоза:
в березах снежный свет и солнечные соки.
Ты слышишь: тишина... Поет в снегу ручей,
а жаворонки к нам еще не прилетели.
... Воскресный сонный день,
и трактор, как ничей,
на пахоте стоит потерянно, без цели.

А верба отцветает, осыпаются жарки,
и под приглядом солнечного ока
пшеницы - дай-то Бог - родятся высоки,
картофель и морковь нальются сладким соком.

Земля - везде земля. Бурятское село -
и узкие глаза, и русские улыбки.
Крестьянской мудрости спокойное тепло
в речах бесхитростных,
а в сущности, великих.

Трещит обложка дня от черных новостей.
С былых пророчеств мы содрали паутину. -
Трагедии грядут... А ты паши да сей:
спасай народ, спасай, крестьянская дружина!

* * *

Невдали от шума городского
Ярче, полновесней синева.
И звучит серебряное слово -
чистая ручейная волна.

Снеговую сладость пьют березы
За здоровье будущей листвы...
(Даже не рифмуется с морозом -
Зимы нынче шлют нам из Москвы!)

Ветер сушит травы на поляне.
Горько-страстно шепчется полынь,
Словно суеверные древляне
Молят о судьбе своих святынь.

Опускают утомленно руки,
Поднимают лица к небесам -
Молят о земле Даждь-Божьи внуки,
Космоса внимая голосам.

...Предков голоса все глуше, глуше.
Жили-были, поле перешли.
Наши растерявшиеся души,
Знать, жалеют из своей дали...

* * *

Под вечер солнышко чуть ярче подмигнуло,
и вспыхнув перьями в пучине ветровой,
оглохнув, легкая, от солнечного гула,
голубка горлышко полощет синевой.

Весна слаба еще. Она пока не в силах
вскрыть непочатые, слежавшиеся льды,
но речка малая вчера меня просила
отведать свежей, чуть дымящейся воды.

Я ветку вербную сломлю над этой речкой,
и в тесной комнатке, у пыльного окна
на гибком стебле праздничные свечки
нечаянным лучом зажжет весна...

В предсердье города так суетно и тесно,
и воля вольная - у стен монастыря!
Дыханьем Таинства и музыкой воскресной
пространство полнится, с душою говоря

на языке пасхально-колокольном,
так звонко сплавлеены и медь, и серебро
в горниле Творчества, и веруешь невольно
в Христа Воскресшего,
и правду,
и добро!

* * *

Золотое сечение года -
ты, сентябрь...
И в черте городской
бродит ветер, пирует природа,

ярко блещет ночей гороскоп.
Если там, где пространство и время
не имеют привычных границ,
отыщу я уздечку и стремя
да пучок быстролетных зарниц, -
то и мне не проблема домчаться
до моих светозарных Весов,
на которых до смерти качаться
(после смерти - в созвездии Псов...)
Но не в этом для сердца отрада
в золотые, залетные дни.
Я сгорю на костре листопада -
добрым словом меня помяни
в дивном Храме, где Спас синеокий
с перламутровой ясностью лба
был единственным,
близким, далеким
светом детства, и знает судьба:
сколько яда плескала мне в душу,
унижая, покорства ждала...
Даже в самую лютую стужу
вера тайная в сердце жила.
Так, отпрянув от бездны зловонной,
слушай, сердце, мгновенья лови:
где в закате купаются клены -
воспевают сентябрьские звоны,
праздник Веры, Надежды, Любви!

К приезду дочерей Шаляпина в Россию

... Лица, истонченные диетой.
Старческие, скорбные шаги
по земле, всепамятно воспетой
отчим басом...

Долгие круги
жизни
изменили их фамилии
и российский, мягкий очерк лиц.
От морозов, нежные как лилии,
дочери Шаляпина спаслись.
От всего, что в годы искажений
русская земля пережила.
Времена свержений и сражений,
души разорившие дотла.

С чем теперь явились - чужестранки,
море-океан перелетя?
В дом отца, тоскующие янки,
входят, на пороге погодя.
Ужинают... Тайная вечеря
по отцу, по духу этих мест.
А заря играет в интерьере,
льется мягким золотом с небес.

Все забыто - с детства и навеки.
Белый лайнер ляжет на крыло...
Там иные города и реки,
только неба черное стекло
звездными скопленьями невольно
смотрит на людскую суету.
Доживите эту жизнь безбольно! -
Не понять вам нашу маяту...

* * *

Утопить - в Байкале иль в вине,
яд плеснуть в доверчивую душу,
мир, им чуждый, завистью разрушить,

затолкать в житейской толкотне -

вот о чем хлопочут день и ночь
эти люди - около искусства, -
немощные трезвенники чувства,
те, кто кровь творца испить не прочь

Вот сидит он - фат и говорун,
трус и лизоблюд - немногим боле.
А душа Творца вселенской кровью
полнится - и до разрыва струн!

Тусклуб, холодную свою
кровь - они лелеют от напасти!
В мутных водах ловят рыбку счастья,
стискивая горло соловью.

Грянет гром, и - однова живешь! -
"лучший друг" тебя грозе подставит.
Черным словом вслед
тебя ославит!
Он спасется. Ты - не доплывешь.

* * *

... И эти бетонно-железные, мертвые стены
Взяли меня в свой квадратный, безвыходный круг.
Давят, сближаясь, и мысли сотрут постепенно,
Тело сломают и бросят, как высохший прут.

Вот уж и песня заглохла, ушла в подсознанье.
Пальцы на пульсе уловят замедленный стук...
Но неотступны недобрые воспоминанья.
Хоть бы, как птицы, зимой улетали на юг!

Кружатся, каркают, с ними не сладу, ни ладу.
Муть унижений былых поднимают со дна.
Ночью я корчусь под плетью насмешливых взглядов,
И бесполезная слава больна и бледна.

Путь мой сиротский под утренней чистой звездою!
Зорька-звезда, называли ее на Руси.
... Скользко и холодно. Крошится лед под ногою.
Март на исходе. Божественный взор в небеси.

КОНТОРСКИЙ РОМАНС

Бумажные дела... Бумажные заботы...
Бумажные цветы на рынке поутру...
Бумажный свиток дней дотянешь до субботы -
Спеши, влачи домой усталость и хандру.

А в городе царит высокий, резкий ветер,
верхушки тополей ломает на бегу.
Глаза самой весны сквозь веки почек светят!
не впишешь целый мир
в единую строку.

Так душу не связать, не втиснуть в рамки быта,
пока она жива,
пока она болит...
Весенний брызжет свет сквозь серенькое сито
обыденных забот,
обыденных обид.

И я вам говорю, с трудом отодвигая
тяжелый гроб стола и дутую цифирь:
- Вы слышите? С полей идет волна тугая,
и звездами сорит полнощная Сибирь!..

Ужель всего важней разученные ноты
звонков,
казенных фраз унылая муштра -
бумажные дела,
бумажные заботы,
бумажные цветы на рынке, по утрам!

НОЧЬ САТАНЫ

Под шальной новогодней Луною
закусила зима удила.
Путь морозный лежит предо мною,
неподвижна туманная мгла.

Путь предательский! Мертвое поле!
Тридцать первое - Ночь Сатаны.
Снег визжит о вселенском расколе.
Под ногой точно стоны слышны.

Сатанинская ночь ножевая -
это окрик далекого дня.
Кровь смывая, с трудом выживая,
стонет Русь, из огня восходя.

Вот она имена называет:
все чужие гремят имена
кандалами, затворами... Знаем
и в лицо тебя зрим, Сатана!

Как тя тянешься к русскому горлу,
как детей ты отравой поишь...
Погубил ты великих и гордых
и с ухмылкой над нами стоишь.

Но из темных глубин бессознанья,
сквозь космический хохот и вой
к нам идет первородное знанье
потайною, глагольной тропой.

Уж над вымерзшей, черной полынью
Не оратор - оратай встает.
На восток рукавицу он кинет
и на запад лукавый пойдет.

Всколыхнутся на западе реки,
на востоке воспрянут леса,
и услышат опять человеки
возрожденной земли голоса.

Проясняются русские лица,
как под солнечным лаком икон.
В каждом взоре любовь возгорится,
как забытый, но праздничный сон...

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Стихотворение написано в 1928 году. За прошедшие десятилетия владельцев ломовых лошадей сменили владельцы автомобилей. В остальном же приметы сегодняшнего дня удивительно точны. Спекуляция имела место и в годы застоя, но в последнее время вновь обрела ту власть над толпой ("Толпа в плену, толпа в неволе..."), которая для настоящего поэта уже сама по себе гротескна: "Маклак - владелец всех штанов, Ему подвластен ход миров..."

Заболоцкий, конечно же, не был против человека дела, о чем свидетельствует его творчество, но он отчетливо видел разницу между созидающим предпринимателем и предприимчивым спекулянтом и хорошо понимал, что несет обществу один и чем чревато торжество другого. Неприятием пошлости, порождаемой миром маклаков, проникнута большая часть стихотворений его знаменитого цикла "Столбцы", в который входит и публикуемое нами произведение.

Как и многие другие деятели подлинной культуры, не желая быть бездумным глашатаем господствующих политических (и, как всегда, "самых передовых") идей, Заболоцкий был репрессирован и провел около восьми лет в лагерях.

Обводный канал

В моем окне на весь квартал
Обводный царствует канал.

Ломовики, как падишахи,
Коня запутав медью блях,
Идут, закутаны в рубахи,
С нелепой важностью нерях.
Вокруг пивные встали в ряд,
Ломовики в пивных сидят.
И в окна конских морд толпа
Глядит, мотаясь у столба,
И в окна конских морд собор
Глядит, поставленный в упор.
А там за ним, за морд собором,
Течет толпа на полверсты,
Кричат слепцы блестящим хором,
Стальные вытянув персты.

Маклак [1] штаны на воздух мечет,
Ладонью бьет, поют, как кречет:
Маклак - владыка всех штанов,
Ему подвластен ход миров,
Ему подвластно толп движенье,
Толпу томит штанов круженье,
И вот она, забывши честь,
Стоит, не в силах глаз отвесть,
Вся прелесть [2] и изнеможенье.

Кричи, маклак, свисти уродом,
Мечи штаны под облака!
Но перед сомкнутым народом
Иная движется река:
Один сапог несет на блюде,
Другой поет хвалу Иуде,
А третий, грозен и румян,
В кастрюлю бьет, как в барабан.
И нету сил держаться боле,
Толпа в плену, толпа в неволе,
Толпа лунатиком идет,
Ладони вытянув вперед.

А вкруг черны заводов замки,
Высок под облаком гудок.
И вот опять идут мустанги
На колоннаде пышных ног.
И воют жалобно телеги,
И плещет взорванная грязь,
И над каналом спят калеки,
К пустым бутылкам прислонясь.

---

(1). Маклак (устаревшее, презрительное) - посредник при мелких торговых сделках, перекупщик.

(2). Прелесть - то, что возбуждает восхищение, пленяет, чарует. Но в данном случае, благодаря ироническому контексту, проявляется первоначальное значение слова - обман, обольщение.

Николай Соин

На белом острове любви

Рассказ

Каков верх, таков и низ...
Оба суть два состояния всего сущего:
одно смертно, другое вечно...

Гермес Трисмегист

Ночь стремительно обмелела. Неудержимо и круто вспучилось дно, проросло, повыперло привычной для света твердью. И тут же возник туман. Подергиваясь и ознобно дыша, он вылез из сырой логотины, окатив угор, дотянулся до пашни и скоро, прямо на глазах, выгородил дом от остального мира.

Нечасто, но громко зашлепали по крыше тяжелые капли росы. И бабка Елена, несмотря на подмаривающее тепло комнаты, зябко поежилась, потянула к шее воротничек вязанки.

- Вот ведь как неладно. Всю-то жизнь на холоде, да на морозе, а к холоду, поди-ка ты, и никак не привыкла. А уж ни я ли на ем потряслась? А уж ни я ли голыми ногами снег позагребала?

О-хо-хо, мать ты моя заступница, позагребала, да еще как? Аж до сих пор ноет, аж до сих пор жжет...

Ну, ни че, вот сейчас солнышко выглянет, так мигом землю-то всю из холодка и вызволит... Вот сейчас... полыхнет...

Подалась к окну, чтобы не упустить момент и увидеть солнце на взлете, но опоздала.

Солнце появилось внезапно и во всю силу лучей своих обрушилось на землю.

И бабка Елена заторопилась, захлопотала, забегала по избе. Ведь новый день стоял на дворе и надо было спешить, изо всех

сил остатных спешить, чтобы не обронить попусту ни одной светлой минуты. И особенно теперь, когда до конца дел распочатых оставались считанные дни, спешить следовало вдвое.

Быстро управившись по дому и даже не присев за стол, на котором лежал хлебец и стояла банка с молоком, бабка Елена вышла из дома и отправилась под навес.

Надо сказадть прямо, что никогда еще в жизни своей не видела бабка Елена такой красивой краски. Прямо как огонь какой в ней растворен: так и бьет по глазам, так и хлещет...

И бабка Елена сильно захотела, чтобы краски хватило на всех, чтобы надо всеми поровну, без исключений разных, полыхала она, как рябиновая буря...

Уж больно красива она была, эта краска, что хотелось на всех. Налив трехлитровую банку до самого верха, бабка Елена болтанула бидон, прикидывая вес, - вроде как должно хватить, никак литров пять бултыхается...

И все же не удержалась, ругнула-таки краснорожего начальника, что объявился в Половинке, на ее, бабкино, счастье, под самый май.

- Недолил, ирод, басурман несчастный. Как есть не долил..., - сказала, конечно, не так - все же начальник какой ни есть, хоть и пьяненький, но можно было, наверное, и так, поскольку мужик он оказался, несмотря на похмелье, миролюбивый.

Только и сказал в ответ, коротко отхлопав редкими, рыжими ресницами:

- Ты, гражданка, бабушка, сильно не бубни. Краска возражающаяся - лучше не бывает. И тебе ее тута на гроб хватит с приба-а-ль-шим остатком. Благодарить надо, что на помощь пришел, просьбу уважил. А ты - не-до-лил. А ты хоть представляешь себе, бабушка-гражданка, что будет, если этой самой краски хоть на один какой бакен не хватит?

Не представляешь. Так что лей бражку-то, не скупись, поди, не государственная. Бу-ха-ха!

Семь раз упал капитан, пока дошел до своего катера. А вот кричит из заводи, словно телок затерявшийся. Да так жалобно заливается, что бабке Елене стало не по себе. Словно грех на

душу взяла, словно несмышленыша какого обобрала, и без того слабого и убитого горем.

А вдруг краски-то и в самом деле не хватит? А вдруг свернется в Лену пьяный капитан?

Но, слава Богу, все обошлось. На обратном пути заходил, правда, уже не с чайником, а с новеньким, никелированным ведерком...

- О, Господи, и пошто, люди-то так пьют, ум свой последний пропивают? Разве притупился их слух, разве глаза поотказали, что не видят ничего и слышать не хотят... А надо бы посмотреть, а надо бы послушать, о чем говорит-то матушка земля...

- О-хо-хо, - горестно вздохнув, бабка Елена подхватила раздавшуюся сумку и подошла к конуре.

- Бель-чик, а Бель-чик, че сидишь-то, бесстыдник, носа своего не кажешь. Если не хочешь, дак хоть на солнышке погрейся. Вон оно сегодня какое, ... вольное...

Не отозвалась собака, но из будки выглянула.

- Ы-ы, даже из конуры вылезать не желаешь? Ну, да ладно, некогда мне. Вечером поговорим.

И вышла за калитку.

* * *

Много раз ходила бабка Елена по этой тропе. И не счесть сколько, а хватило бы одного. На всю жизнь, какой бы долгой она ни была, хватило бы одного раза.

Но что тут попусту рассуждать - значит, так должно. И ничего человеку тут не вырешить и на лад свой не перекроить.

- О-хо-хо...

Перевесив сумку с затекшей руки на отдохнувшую, согнулась глубоко, чуть не до самых трав, и потянулась вверх, на холм, сгорбатясь и придерживая дыхание.

Скользили ноги. Оттягивала руку сумка. А тут еще жара, словно ватой какой, обложила со всех сторон тело. Совсем притомилась, пока одолела крутизну. Аж грудь перехватило, будто обручем.

- О-хо-хо...

Заступила в тень и, выпустив из запотевших пальцев скользкие ручки, повалилась на широкий ствол сосны, отдыхиваясь и приводя в порядок дыхание.

Подергивались перед глазами летучие золотинки коры, шуршала в плече сосна, будто поверяя какую тайну, и опять бабка Елена вспомнила о том, как началось это кладбище...

Кайлом да ломом бил мерзлую землю Никандра Сидоров. Как зверь бил. Никого не допускал к ямке из мужиков, что пришли помочь. Только огонь в помощники призвал. И металось пламя у ног его, как рыжая собака, то прилегая на снег, то всплескиваясь вверх и доставая светом своим притихшие окна деревни.

Сутки без передыха, оповещая мир о выпавшей несправедливости и наступавшем разладе, билось посреди зимы одичавшее пламя.

И Елька не могла спать. Часами простаивала она у окна, глядя на холм и сильно, до слез, будто братика своего маленького, жалела двухмесячного Ванюшку. Холодно ему было, да и страшно, поди, одному-то лежать посреди белого снега?!

Но не долго пролежал Ваня один. Вскорости, уже в январе, умерла бабка Сутыриха, потом старика Абросима помял на охоте медведь.

Умирали люди, но их уже не хоронили на старом кладбище, выдранном из низины жутким ледоходом. А с Никандрового разрешения несли на холм, к сосне...

37 раз раздавалась после этого плодородная земля, чтобы принять в себя очередного сельчанина. И опустели дома. И пришел конец самой смерти, потому что умирать стало некому. И только одно место оставалось теперь здесь. Только одно. И бабка Елена даже улыбнулась, тому, что не будет в холме никого незнакомого, пришлого со стороны, а будут лежать в нем только здешние, свои, связанные промеж собой и судьбой единой, одной кровью.

И она открыла глаза и молча оглядела всю деревню, от вспучившихся корней до широкой, но уже порыжевшей кроны.

- Нешто тебе-то выпала такая горькая и способная только для человека участь? Зачем-тебе-то здесь, подле человеческих бед? Молчишь. Все повидал, а языку нашему не обучился... Ну, это ни че. Да, и зачем он, язык-то такой, если поговорить на ем даже некому... Самый последний такой язык. А ты ни че, стой. Дольше всей стой...

Ласково, как только могла, бабка Елена провела раскрытой ладонью по теплому стволу дерева и, уцепив ручки, пошла к могиле Ипполита Слепченко.

- Не взыщи, Ипполит, что припозднилась сегодня маленько. Пока все дела по дому сладишь, пока то да се... Ну, это ни че. Это я так. Вот токо цветочки-то полью, так сразу и примусь за оградку. Сейчас все сделаем, как надо...

Ровно держа свое сухонькое тело, бабка Елена прошла к Надюшке, где прямо посреди прохода, лежал инструмент, банка с дырками, ведро, а чуть в стороне, ближе к оградке, стояла большая ржавая ванна с водой, которую еще позавчера, снизу из логотины, где даже в самую сильную сушь, сохранялось три небольших оконца, натаскала бабка Елена.

Два часа носила по полведра. Упарилась, конечно, но воду натаскала доверху.

И теперь наливала баночки, чтобы не расплескать попусту ни единой капли...

- Ну, вот, Ипполитушка, и водичку принесли...

Ведро поставила через оградку к самомоу холмику, а сама опустилась на колени и полезла вслед, в узкую, даже для нее дверь.

- Сейчас, а саранки-то, саранки-то у нас, Ипполитушка, как принялись: ровно, ладно... Жалко, что вот дождика нет. В че ж им без воды-то? Таким молоденьким только сок набирать, да в рост идти.

И в самом деле, цветы взошли по всему холмику, а бабка Елена, осторожно, чтобы не вымыть слабенькие корешки, принялась поливать землю.

- Ну, вот теперь совсем другое дело. Попьют водички, да и в рост пойдут, и тебе, Ипполит Васильевич, все будет повеселей...

Так же на коленях бабка Елена выбралась из оградки и достала из сумки кисть.

- Ну, теперя примемся за работу. А то че же, у всех-то по-людски, красиво, а нас все по-старому, по-зимнему стоит... Но, ни че. Непорядок, конешно, счас сделаем и это.

И бабка Елена потянулась к сумке, чтобы достать краску, и совсем случайно, ни к чему вроде, вспомнила младшего Слепченко. Весь в отца, высокий и красивый, он был в Половинке шесть лет назад, а когда сладил дело и продал-таки избу долгоносому мужику из Мухтуи, уже перед отъездом зашел к бабке Елене.

Долго маялся, от порога не отходил, все фуражку вертел короткими белыми пальцами, да изредка, словно приценяясь, посматривал на бывшую соседку. Потом достал из нагрудного кармана красивый кошелек, да и положил на край лавки сотенную бумажку.

- Выручи, баба Еля. Найми какого-нибудь бича оградку родителям поправить. В долгу не останусь...

- Охо-хо, - вздохнула бабка Елена и подняла голову. Высоко, поди, летает летчик наш ясноглазый. Выше облаков никак наяривает вечно сопливый по детству Федька. Видит ли он из кресла своего мягкого эту землю родну, видит ли деревню свою, полуушедшую в землю? Видит ли холм этот, с крестами полуистлевшими от времени и непогоды?

- А, может, из кресла не так ладно смотреть на прохудившиеся избы, а на кладбище, пусть и родное по крови, и того хуже?

Не знаем и знать этого не хотим.

А сотенная нам не нужна и бичи тоже. Без них сделаем дело, свое потому что оно, не для них и даже не для тебя теперь, Федор Ипполитыч...

Спохватилась бабка Елена, погнала воспоминания, как надоедливых комаров, и даже руками всплеснула у лица, чтобы прогнать начисто.

"Неладно так думать-то возле Ипполита, нехорошо."И закопошилась над сумкой. Красила бабка Елена реечки тридцатилетней давности и, как всегда, вспоминала о том, чей уголок обихаживала.

Горячий был мужик Ипполит, удачливый, и статью, и силой брал. А как пересмешничал...

- Мой дед, Еленька, до 80-ти лет подковы гнул, да медные пятаки пальцем дырявил, а я вас, девонек сладеньких, вот так любить буду до ста лет с хвостиком...

Добычливый был мужик Ипполит, рисковый.

На 46 годе сковырнула его Лена-река в свое ледяное варево, да так и не выпустила из себя, покуда жизнь не надломила

Плескалась, билась из-под кисти краска; всплывало будто сквозь марево, краснощекое лицо бывшего соседа...

- Ну, ты че, Ель, в самом деле?...

Разное шло в голову, связанное с Ипполитом, но бабка Елена всякий раз гнала то, что хоть как-то, хоть краем одним могло проложить тень на его память.

Все сильней припекало солнце, пуская по позвонку ручейки пота, обкорачивая и сводя на нет белесые тени оградок. И бабка Елена, отложив кисть на мешковину, решила передохнуть.

Отдыхала она всегда в одном месте, на лавке купчихи Угинихи, что стояла чуть в стороне от вольготной ограды на самом срезе холма. И стояла ловко, эта голубая, с высокой спинкой лавка.

Хоть здесь баламуты-братья оказались молодцами. И место выбрали удобное, и березы посадили как следует и лавку вон какую сделали, с которой не только Половинку, но и весь мир виден!

И еще: здесь всегда был ветер.

Вот и теперь редкими, но тугими накатами он достал бабку Елену и приятно освежил тело.

А когда он упадал и по горячим травам скатывался обратно к реке, бабка Елена начинала ощущать теплый запах покрашенных оградок и свежевыложенных холмов...

И такой лад и спокойствие несли в душу эти противоположные знаки, словно уже теперь, при одном своем сознании и памяти, оказалась бабка Елена в таком мире, в коем нет ни ушедших и ни живых, а есть нечто более высокое и вечное, но непонятное до срока ни тем и ни другим...

И сладостно до стона было ощущать бабке Елене связь свою со всем тем, что лежало вокруг нее и виделось вдали насколько хватало зрения...

А солнце ворохалось в небе расплавленным маслом. А спелый ветер, омывая холм, захлестывал бабку Елену своим хмельным крученым течением, и она благодарно покачивала в такт всему свою седую простоволосую голову...

Уже с закатной стороны принялось солнце подрумянивать землю, когда бабка Елена закончила работу и собралась уходить домой.

- Ну, вот, Ипполитушка, и оградка покрашена, и цветочки политы. Все, что смогла, так, что не обессудь старую свою знакомицу, если че не так. А теперь пойду я, Ипполитушка, а ты лежи, отдыхай...

И тихо, чтобы не стукнуть стоптанными каблучками о землю и не потревожить ту, другую, но понятную ей тишину, пошла мимо оградок на тропку.

Всякий раз, возвращаясь с кладбища, бабка Елена останавливалась возле сосны и подолгу, если позволяло время, смотрела на Половинку. Но особенно на дорогу, что связывала деревню с рекой.

И теперь остановилась и, опустив сумку на короткую траву, напрягла зрение.

Ей всегда казалось, что за время ее отсутствия в деревне что-то переменится, и она, порой сознательно тянула время, чтобы вернуться поздней наверняка увидеть радостное для себя.

Но улица была пустой и дорога тоже. И ничего не добавилось к тому, что она видела каждый день вот уже на протяжении нескольких лет. Ни единой душечки, ни единого звука.

И того еще лучше, чем днем, при лучах, секущих наискось воздух, была видна старость домов. И не могли прикрыть собой пустоту и поруху ни лес, разросшийся вперемешку с домами, ни задичавшие в палисадах посадки.

Умирала деревня, уходила обратно в землю всеми своими щепочками-частями, и только огромные огороды наезжих родственничков полыхали во всю мощь обласканные зеленью. И

не вязалось никак это раздольное изобилие с падающей городьбой.

И страшно было смотреть, как без единого стона и вскрика обращается в ничто целая деревня.

И четко, как въявь, словно защищаясь от мыслей своих и от своей боли, увидела бабка Елена всех тех, кто топтал эту землю, кто валил девок в пахучий бурьян, кто орал с лавок срамные частушки, кто до восьмого пота и до мошкары в глазах умножал радость этой земли...

Ярко увидела их всех бабка Елена, как в жизни, будто существовало на свете две Половинки, и одна из них, настоящая, жила в ней самой.

- Охо-хо-хо, - только и вздохнула, утерев слезы небольшим чистым платочком, и медленно пошла вниз.

Единственная из всех, вернувшаяся по этой дороге назад.

Опять не вышел за калитку Бельчик. И бабка Елена не на шутку забеспокоилась.

- Че же это ты хозяйку-то свою не встречаешь, ханурик ты, как есть ханурик, - тяжело опустившись на одно колено подалась к вырезу бабка Елена.

- Ну, че молчишь? Спишь, поди, все. Барствуешь, как купчина, а, Бельчик?

Пес жалобно заскулил, завозился в прелой траве, но к бабке Елене не вышел.

- Да ты че это в самом деле? - еще ближе наклонившись к конуре удивилась бабка Елена, - уж не заболел ли, а, Бельчик?

Щурясь и отворачивая морду, словно винясь перед ней за свою немощь, Бельчик вышел, наконец, из конуры и шоркнул о колено вздрагивающим боком, лег возле бабкиных ног.

- Стареем, Бельчик, мы с тобой, стареем. Так положено. Уходить одной траве, приходить другой. Вот сегодня могилку Надюшки Таисовой красила, да всплакнула... В раннюю землю ушла дева, совсем в раннюю. Короче зари жизнь ее получилась. А сколько бы она родила на радость земле нашей, сколько подсолнушек на ноги поставила...

Ты помнишь, Бельчик, Надюшку-то? Да вообще-то, как тебе ее помнить, если посреди войны это было. Зимой. И мороз трещал, и холодно было нам, в лесу и зябко. И страшно было деревья-то валить. И не валить нельзя - время такое и чтоб норму в срок!

Надюшка Таисова в тот день с Абрамихой валила. Недалеко от меня. Большая сосна попалась, мерзлая, крутанула комлем... Сказывали, Абрамиха была виновата, да с нее спрос малый получился: вскорости от водянки померла...

А ты ни че... Ты ведь у меня еще не старый. Сколь это тебе, поди, 16-тый год. По человеческим меркам и вовсе не жизнь, а так, недомерок какой-то. Так что ты живи, а, Бельчик. Че же я одна-то без тебя делать буду? Живи, а я чем смогу-помогу. А теперь пойду я, Бельчик, прилягу малость, а ты поешь, поешь пока. Еда-то она при любой болезни - первая помощница. Поешь. А я пойду.

Прохлада в избе стояла хорошая. В самый раз. И свет был хороший, будто всю избу водой розовой наполнили, до самого потолка. Только и отдыхать!

Сняла бабка Елена с ног обувку, так сразу почувствовала сильную усталость. Словно какая пружина посередь тела расслабилась. Словно вся тяжесть лет прожитых объявилась вокруг и налегла разом на плечи.

В комнату ноги не потянули. Скатав под голову старую телогрейку, тут же, возле порога, бабка Елена прилегла на пол.

И мягонько и властно понесла тело неведомая сила. Зыбуче понесла, словно на крутых валах закачала. И лопнула паутинкой осенней последняя здравая мысль. И запрыгала, замельтешила перед глазами всякая всячина. То цветастыми лоскутами, выдранными с кровью из самой жизни, то таким диковинным и странным напахивало в глаза, что ухало сердце, изнемогая от одиночества и сладостного надрыва.

Полудрема, хоть и не совсем ладная, дала телу передых, и бабка Елена, наскоро освежив полы, слазила в подполье за картошкой.

- И че же мы с тобой, Елена Никифоровна, сегодня приготовим: в мундирах, али пюре? Конешно, не плохо было бы чего-

нибудь свеженького перекусить... Дак че ж, все время в Мухтую не наездишься и на жизнь всю не напасешься.

Ну, это ни че. И без тушонок раньше жили и без пенсиев разных. И жили не худо, не хужей, чем теперь...

Так че же приготовим?..

Недолго выбирала. Остановилась на мундирах, выбрала, что поменьше. Целая будет вариться, а крупную - на зиму долгую.

Бабка Елена готовила еду на железной печке, что стояла чуть ли не посреди ограды на корявых, отвалившихся от жара кирпичах.

Поставив кастрюлю поближе к трубе на бурое, вогнутое огнем железо, бабка Елена зажгла загодя припасенную растопку и, присев рядышком на чурбачок, принялась смотреть на огонь.

Печь ожила скоро. Загудело, рванулось из трубы посвистывающее пламя, жадно заглатывая бересту и обливая жаром коленки.

- Ну, вот и огонек развели. Все повеселей будет. А, Бельчик, как думаешь? Все молчишь, но это ни его. Жара она на всех действует. Я вот и то приустала. Но это ни че. Придет роса весь жар из земли выстудит. Это ни че.

Молчал Бельчик, не подавал голоса, и только огонь дразнился, казал длинные языки, норовил уцепить за колено, но тут же утихал и мягко и туго обкатывал бабку Елену своим неизбывным теплом.

И отстраненное чувство охватило бабку Елену. С одной стороны, ей было приятно сидеть вот так в чистой ограде и смотреть на огонь и видеть и ощущать, как медленно и красиво истекает день, как всходят сумерки и голубыми искрами обметывают траву...

И вместе с тем, что-то тревожило бабку Елену и не давало ей возможности сосредоточиться на том, что несло душе отдых и покой.

- Ты уж извини, Бельчик, что-то душу несет. И нехорошо так, будто что-то неладное сотворила...

И тихо-тихо, почти про себя, повела рвущимся голосом...

... Где ж ты греешь маленькие ножки

у огня чужого очага...

Любила петь бабка Елена. И пела всегда. И всегда начинала первой. И это было главным удовольствием - вывести первую строку, настроить лад и слышать чуть погодя, как вливаются в ее голос голоса других баб, как смешно и трогательно ухает иерихонская труба-купчиха Угониха, как путает слова и перевирает мотив вечно больная Валеева Нинка...

А когда складывается хор, тот тут бабка Елена замолкала и смотрела и с радостью отмечала, как разгибаются поющие бабы, как уходит из их глаз печаль-засуха, как розовеют щеки, выказывая собой присмиревшую до времени молодость...

Посапывая, заходила в кружке вода, готовая закипеть. А вот и закипела, пошла булькать и дичать, выхаркивая из себя тяжелые капли кипятка. Но бабка Елена, не обратив на это никакого внимания, продолжала петь. А когда заканчивалась одна песня - тут же начинала другую. И хорошо, уютно было у ней на душе, пока звучал голос и жила песня.

Но некому было подпеть бабке Елене, кроме запертого в железяке огня...

* * *

Не только цветом оградки отличалась от других могила Махмуда Хайбуллина. Почти каждый год приезжала к нему целая семья из Уфы и наводила порядок. И совсем немного оставалось сделать теперь для него бабке Елене - разве чуток холмик подправить, да полить высаженные саранки.

И она быстро управилась. И к следующей могилке было пошла, но с пол-дороги вернулась:

- Неладно получается у нас, Махмуд. У всех вон как полощет, будто пламя како, а у тебя одно голубо, как небо. А че оно, небо-то, пустота да холод. Может, конешно, по вашим поверь-

ям, и ладно, не знаю, врать не буду. Только все одно, как-то не то. Вроде по отделице получается. Только че тут нам делиться-то. Всего на всех достанет - и земли, и солнца...

Так что не пообидься на меня, Махмуд, - от души делаю...

И обмакнула кисть. И забылась за работой, и только к концу дня вспомнила, что сегодня воскресенье и надо поспешать домой.

Даже сумку оставила у Надюшки, чтобы скорее до дома дойти. И заметить не заметила, как на деревенский холм взобралась...

* * *

На этот раз бабка Елена собиралась как никогда долго. И хоть выбирать было особо не из чего, но это смотря для кого, а для бабки Елены и теперь, спустя много лет после войны, три ситцевых платья являлись большим состоянием. Надела самое лучшее, в белый горошек, купленное на бонны в лавке Торгсина уже перед самой войной. Поверх накинула легкую вязанку.

- Ну, вот, - уже окончательно собравшись, еще раз посмотрела в надтреснутое зеркало и осталась довольна, - так-то оно лучше. А то че ж замарашкой-то, чай, не бедная.

Чтобы не налетели комары, дверь в избу закрыла плотно и даже подперла метлой. В ограде ни на минуту не остановилась.

- Может, хоть седня-то сходишь со мной, а, Бельчик? А то и в то воскресенье не ходил и в это морду воротишь? Молчишь. Ы-ы бесстыдник, хоть бы нос показал! Ну, как хошь, а я пошла.

К дому Ипатьевых, а сегодня был их день, бабка Елена пошла не напрямки, как было намного ближе, а вокруг, где ходили сами хозяины.

В избу сразу не вошла. Постояла малость, глядя себе под ноги, на изъеденные жучками доски крыльца, на жирную лебеду, туго и нахально выпершую через узкие щели. А когда собралась с духом, едва сдвинула с места большую покоробившуюся дверь.

Пола в доме Ипатьева не было уже два года. Не уследила. И сожгли его поздней осенью не то сборщики картофеля, не то рыбаки-охотники. Они много чего здесь поизломали, да поиз-

гадили - и свои и чужие. И разве за всеми углядишь? Нет, - не углядишь и усовестить всех - не усовестишь.

Хорошо, хоть стены оставили, не сожгли, не пустили плотом по Лене-матушке, как Ивашкину избу...

Осторожно, чтобы не упасть в замусоренный погреб, пошла бабка Елена по грязной балке и остановилась посредине избы.

Голубоватые следы от выдранных перегородок, проломанный и провисший чуть ли не до головы потолок, клочки проводки толстые и не похожие от извести, на провода...

А вот здесь была печь. Огромная, белая русская печь с малиновым огнем посередке... Сколько давала она и тепла, и радости, когда, возвратившись из лесу в зальделых одеждах, подсаживались подруги возле нее на низенькую лавочку...

От мокрой одежды шел пар, а огонь шкворчал и ветром горячим обдавал иззябшие тела...

Давно упала печь и упала сама, и лежала теперь посреди заголенных балок ярко-красным подплавившимся мессивом. И бабка Елена отвела в сторону глаза и даже отступила маленько, будто ненароком, как дура какая, подсмотрела нехитрую семейную тайну.

И сильно, как никогда, ей захотелось сейчас увидеть что-нибудь такое, что осталось нетронутым и пусть малое по значению своему, но было полностью из того, не такого уж и далекого времени.

А кровати стояли вон там! Да-да, вон там! Бабка Елена помнила это хорошо.

Вдоль стен. А чуть правее - комод. А вон в том углу не раз и не два чаевничали они с Глафирой.

- Пей еще!

- Глянь, да ты что? У меня ведь пузо лопнет!

- Ни че, ни че. От этого не лопается.

- Глянь, ну, не наливай!

- Ох, Елька, и какая ты все-таки несобранная. И лишнюю чашечку чая боишься выпить, и за ворота выйти! Как живешь-то, понять не могу? И без клетки вроде, а как в клетке?

- Ы-ы, вот придет Федька с войны-то, как он тебе покажет!

Сказала и осеклась.

- Глань, да ты што - я же пошутила.

Почему именно этот разговор пришел в голову, а никакой другой? Ведь много было чего и поважней этого и поинтересней. А, может быть, все потому, что все главное и без того на сто раз и передумано, и омыто слезами? А может быть, потому, что на то оно и важное, чтобы вспоминать о нем не походя, как попало, а в особый, на то отведенный срок?

Не шли ответы, не складывались в голове. Да и не в них теперь лежала сердцевина и ключик ко всему сущему. Не в них.

Не заметила бабка Елена, как опустилась на балку, и теперь, встав на ноги, не подивилась своему беспамятству, а тихо, даже не отряхнув с подола пыль, пошла к двери.

- Ты че, Елька, уже домой?

- Дак у меня же корова еще не доена.

- Ну, хоть минуточку еще посиди, подруга ты моя разлюбезная...

Солнце ударило по глазам. Пестро и радостно полыхнула зелень, и птичий гам, просыпавшись откуда-то с небес, затопил бабку Елену.

И она задохнулась от всего этого изобилия, задохнулась от солнца, впустую изжигающего себя. Задохнулась от запахов, что обманно нарождаясь, текли попусту над деревней.

Задохнулась бабка Елена от всего этого, что было дадено природой целой деревне, а досталось ей одной. И воздух, отпущенный небом на десятки мощных легких, сдавил ее грудь. И зелень трав, выращенная для босых детских ног, ожгла глаза летящим пламенем.

И пошла бабка Елена, покачиваясь и выранивая из глаз тропинку. К берегу пошла, где был ветер и не кончался остров.

Набухли, потекли тени, подмачивая траву.

Последний звук сорвался с земли и улетел в небо. И только лес, слабенько отщелкивая завлажневшими листвянками, продолжал негромко звучать.

В коротких, обрезанных наподобие бот, валенках, в телогрейке, накинутой на плечи, сидела бабка Елена возле печи, то задремывая, то снова просыпаясь.

Уже давным давно кипела вода в чайнике, хлопала закоптившаяся до черноты крышка, с негромким, но злым посапыванием, но бабка Елена ничего не слышала.

- Еленька, поехали со мной?

- А дом?

- А че дом, дом уж свое отжил. А как приедет Иван с фронта, так вы тут, в Олекминске, еще не такие хоромы отгрохаете. И я пособлю, и отец поможет.

- А че, и тятя с тобой?

- Все со мной тут, в Мухтуе, и Васька твой, и Иван, и тятя.

- Дак Иван под Прагой...

Смеется мать, запрокинув голову. Шаловливо, звонко, совсем как девчонка, и вдруг страшно оскаливает зубы...

Вздрогнула бабка Елена, открыла глаза. И порадовалась за саму себя, что устояла, не поддалась ласковому зову, не пошла вслед за матерью в беспределы небесные, не пошла. Значит не срок тому.

Свежесть окатила ноги, достала исподнизу поясницу, и бабка Елена принялась растапливать печку.

- Вот ведь напасть кака, - разрывая бересту и кидая ее на жар, подивилась бабка Елена и, словно призывая кого в свидетели, посмотрела по сторонам - сплю сиднем, а в постели никак. И вертишься, как ерш на сковородке, и ночи долгие, как небо, все успеть можно, и все одно не идет сон, не берет дрема. И пошто это так? Может, че в организме разладилось, али уж старость совсем задовлят... Ох, грех-то какой!... А они че ж, лежат в Мухтуе одни, и прийти-то к ним, поди, некому и доброе слово сказать...

И зачемь возили их в эту больницу. Мучать только, да от родного дома оторвать... Съезжу, конешно, как закончу дела, так сразу. Чего тут говорить... Обязательно съезжу...

Рассуждала, как всегда, вслух, и отогревалась помаленьку и мыслями и огнем...

А вот возился в тесной одежке, пар с гудом и подвыванием через подрагивающую трубу в опустишееся небо. И щедро дарил тепло и блики золотые насыпал в протянутые ладони с горкой и не заметила бабка Елена, как прорвалась в темь.

Спала бабка Елена, неудобно подвернув левую ногу, но некому было ее разбудить.

* * *

Сразу возле Ипполита только чуточку ближе к Лене, лежала Глафира Ипатьева.

У нее не было оградки. И может быть, из-за этого могила выглядела совсем бедной и какой-то заброшенной. И холмик рассыпался, и крест, готовый упасть, наклонился в сторону гор...

Горько, не по себе стало бабке Елене, что вот только теперь дошли ее руки до могилы подруги, а не в первую очередь и даже не во вторую... Но ведь с краю шла, никого не выделяя и никого не проходя. Чтоб все по чести, чтоб все по справедливости...

- Ну, вот, Гланя, я и пришла. Теперь у нас много времени для разговоров-то. И у тебя, и у меня. И корову мне теперь не надо торопиться доить, потому что давно уже нет моей Майки... Все теперь наше, только вот разговоров-то что-то у нас не вяжется. Не складывается разговор...

Осеклась бабка Елена, будто опять что неладное сморозила. Будто опять словом каким обидела единственную подругу, и поспешно, словно винясь за сказанное, принялась за работу.

Сначала бабка Елена крест попыталась вытащить, но ничего не получилось. Шевельнулся только, но из земли не пошел. Решила откопать закопанный конец.

Долго гребла ногти позавернула. Платок откинула в сторону, чтоб не мешал, не тер горло узлом. Но и тут дело почти не двигалось. Не поддавалась утрамбованная земля, только сверху сняла чуточку, а в глубь пальцы не шли, гнулись.

Хотела было сходить к Надюшке за лопатой, но вовремя одумалась - нехорошо железом-то туда, внутрь, больно, поди, неладно.

А может, выправить так, как есть, и стянуть место излома-то.

Не вставая с колен, потянулась всем телом вверх, по кресту, подвела левое плечо под крепенький брусок и тихо, едва-едва, поползла на коленях вперед.

Заскрипело дерево, и бабка Елена, не опуская крест, чтобы не сыграл, не отошел он на старое место, изогнулась и посапывая и кряхтя, на несколько рядков перетянула место излома вывернутым из халата пояском.

Не вставая с колен, отползла в сторону, потом в другую и удовлетворенно вздохнула.

Стоит. Хоть и малость с косинкой, а все одно лучше. И, утирая со щек пот, откинулась на оградку.

А там проволочку каку найду, да и перетяну как следует.

И мысленно поклонилась Василию Плутову. Поклонилась за его честную работу. За то, что не пустил в ход для легкости дела слабую для таких вещей сосну, а из самого, что ни на есть ловкого листвяка сотворил для Глани.

А иначе было бы плохо.

Вот и самому Плутову, в домовинах которого лежала половина сельчан, как ни билась бабка Елена, а настоящий крест заместо погнившего поставить так и не смогла.

Две реечки сколотила промеж собой короткими гвоздями, да так и установила. И то радость была, что сделала-таки отметину, что не дала времени напрочь замести следы одинокого столяра. Не дала. И пусть знает каждый, где лежит красный партизан Василий Иванович Плутов. Здесь, в этой земле, а в никакой другой.

* * *

Опять сидела бабка Елена на голубой лавке. Сидела тихо, не шевелясь, чтобы не потревожить лишний раз тело, и без того уставшее до предела.

Однако сидеть без действия было невмоготу. Всего три могилы оставалось привести в порядок бабке Елене: братьев Угановых, положенных почему-то по отделице, да холмик

десятилетнего Рупосова Сани. И, может, неладно было вести счет в таком деле, но что тут поделать, если так в голове отложилось.

И чем меньше оставалось теперь времени до конца работы, тем большее беспокойство начинала испытывать бабка Елена. Успеет ли довести дело до конца? Не свалится ли раньше срока на последние травы?

А если не достанет сил и перевернется небо в глазах раньше назначенного часа? Почувствует время брешь на земле, взмахнет коршуном и обрушится на останки рук человеческих и поразит все и развеет по ветру. И ничего не останется от Половинки на земле: ни памяти, ни следа. И это неверно. Не должно быть так, чтобы прервалась последняя ниточка. Сильно долго тогда придется блуждать тем, кто идет вослед, чтобы отыскать пуповину свою и свои истоки.

И не иссохнут ли душой своей и телом, покуда они будут искать.

Нет, нельзя не успеть.

Легонько вздохнув, бабка Елена повернулась в сторону деревни и медленно, словно прицеияясь к городьбе, оглядела все тридцать домов.

"Жаль, что на это сил не выпало. Вот если бы годков двадцать назад". И снова уверилась в том, что будь у нее сила - по пояс бы ушла в чернозем, а не допустила бы деревню до такого состояния.

А как хорошо верно и безбоязненно было бы умирать, глядя на ожившие избы? И осознавать памятью последней, что исполнено главное, а может, и все, что только может вытребовать и вместить в себе одна единственная жизнь...

Но сил для этого не достало.

И словно, только теперь почувствовала всю немощь свою и бессилие, бабка Елена сжалась в комок и заелозила на лавке.

- Все так, как есть. На две части распалась жизнь, как есть на две. В Мухтуе одна часть ростки свои выкинула, другая здесь, на холме, травами обернулась.

И слава Богу, что этих вторых оказалось больше, чем тех, кто покидал узлы свои на совхозную баржу. Но, пусть так.

Пусть ладно поделила земля сельчан. За что-то мне выпала такая участь: посреди двух холмов метаться, в пустоте и одиночестве пропадать?

Пошто это так, Господи? Нет, я ни че. Я не жалуюсь, не обижаюсь. Пусть так выпало, путсь так. Но пошто так-то?

Пошто крепкие парни, забыв деревню родную, гонются по городам за теплою уборной?

Пошто, Господи, спился Гланин младшой, а старший погиб на самолете? А может, старший-то летел именно сюда? Дак разве это верно, Господи, разве это по-людски?

Дергающимся взглядом обвела всю видимую даль: раздольную, сытую, круто дичающую от переизбытка соков и сил, и горестно повела головой - и куда ж при эдаком деле во всем этим-то быть. А это-то все куда? Ведь не выроешь для всего этого могилу, не захоронишь все. Нет, не захоронишь.

Но кто же придет тогда, чтобы оживить это поле, задушенное насмерть сорняками, но на котором не так давно росла и рожь и пшеница?

Кто спустит лодку на воду, чтобы наготовить на зиму и поймать на стремнине разжиревшего тайменя под свой день рождения? Кто войдет в тайгу, чтобы сбить с кедра отяжелевший орех?

Потревоженными осами вились в голове мысли, не не отыскивались ответы, не складывались слова.

И бабка Елена потянулась вперед, подалась всем телом, пытаясь уловить запах черемухи, но запаха не ощутила. Видно, весь, без остатка, уносило его на себе разболтанное течение и хмелило и дурачило пустые от человека берега.

- Ох, мать ты моя Пресвятая Богородица, хорошо, хоть остров стоит на месте. Не увели, не уцепили за баржу, как корягу каку!_ И на том спасибо!

И резко встала на ноги и, вытянув руки, несколько раз быстро и зло, словно проверяя силу свою, сжала и разжала густо перемазанные краской и землей пальцы.

- Ни че, ни че, проживем... сами проживем. Никого нам не надо. Ни че.

А когда подошла к Гла免иной могиле, злоба прошла, и снова опустилась на бабку Елену сладостная благодать: будто не кисть взяла в руки, а поднесла к груди заждавшейся своего первенца...

Но все трудней двигалось тело. И бок скалывало все упрямей и злей. Пришлось отложить работу, но и короткий отдых ничего не дал.

И тогда бабка Елена засобиралась домой. Впервые за многие годы решила она оставить работу недоделанной.

- Пойду я, Гланя, ты уж извини, что-то прихватило малость. А завтра приду, обязательно приду и цветочков твоих любимых астров посажу. Мне ведь теперя, как в войну, не на кого понадеяться. Совсем одна осталась, даже похлеще, чем тогда. Тогда-то хоть дети были. А теперь, что же? Петька вот уже три года в Одессе живет. На большом карбасе плавает - кораблем называется. А Томка все пьет. Все пьет, голубушка ты моя, все пьет, да никак залиться до края не может. Хорошо, хоть детей Бог не дал, на мытарства, да на погибель...

Тоже вроде в Одессе у Петьки была, а теперь и след пропал. И где она, разнесчастная, обитает сейчас, на что живет? На что надеется?

А может, и нет ее уже на свете-то этом?

- О-хо-хо, кабы знать...

Несмотря на отдых, боль в груди не прошла, а только малость поослабла. Но бабка Елена не стала ждать, когда она пройдет полностью, и собралась за дровами.

- В работе - оно всегда лучше проходит. А так и залежаться недолго. Только ляжь!

В первые годы, когда опустела Половинка, бабка Елена пробовала ловить бревна на реке, как это испокон веков делали все сельчане. И бревна шли косяками - хоть целый город строй! Однако поймать лесину и к берегу приткнуть - это еще полдела. А как пилить? А как таскать на угор тяжеленные чурки?

Ну, воду это ладно. А чурки как?

Две зимы топилась валежником. А когда посожгла все, что было поблизости от дервни, принялась за корни.

Они остались от раскорчевок и лежали на межах плоскими горками.

Правда, с ними было много мороки, однако, горели корни хорошо и жару давали много. И теперь бабка Елена, чтобы хоть как-то сэкономить ценные дрова, топила печь горбылем, что лежал, словно вареная вермишель, сразу за кузней, где года два или три, уже перед самым укрупнением совхоза, стояла колхозная пилорама.

Зимой такие дрова могли пойти только на растопку, а вот летом для железки лучше дров и придумать было нельзя.

* * *

От времени и воды дерево истлело и легко лопалось в пальцах. Набрав небольшую охапку и уже разгибаясь, бабка Елена увидела на земле небольшой клок побелевшей ткани.

- Господи, да неужто не размягчится, не отстанет от меня эта боль липучая, неужто все века-годины и будет лежать подле сердца, как змея полуголодная?

Господи!

Не заметила бабка Елена, как оказалась возле хотона, просыпая из рук шуршащие куски досок. Как села на низкий чурбачек, с которого не один десяток лет доила своих коров. Как выковыряла из паза пожелтевшую пачку "Прибоя"...

- Розовая тряпочка... Она же была красной... А может, ее вода так заласкала. А может, вовсе не ее, не Глани?

Не ее, может быть... Не ее...

Но никакие слова и мысли уже не могли остановить боль, что угольком розовым заплясала на самом кончике сердца.

- О-хо-хо, мать ты моя, Пресвятая Богородица...

И снова, помимо воли своей, связывала бабка Елена в одно целое и смерть своего годовалого Васьки, и смерть лучшей подруги. А разве было не так? А разве не были смерти ее сельчан, как звенышки одной цепи. Все, как есть воедино. Все цельно. Все, как одно.

Но в чем тут моя боль? В чем вина моя перед жизнью и в чем заслуга моя перед смертью? В чем она? В чем?

Шумными были Васькины крестины. Считай, вся деревня пришла. А Глафира в центре. Белоплечая, насмешливая, в крепдешиновом платье, просвечивающем на ходу... Сидела, как всегда, возле окна, под вишнею... Мужики вьюнами вьются туда-сюда, медальками звенят...

А потом все смешалось. Шум, гам, песни, пляски. Кучками уходили, кучками приходили... И бражка лилась, и дом покачивался от переизбытка радости и здорового духа.

А потом как-то враз стало темно и тихо. И Елька, кое-как растолкав по полкам посуду, прилегла на постель.

Проснулась от сильного стука. Под утро уже. Не поняла ничего: встала пнем у двери, глаз разлепить не может.

- Все, Еленька, отыгралась...

- Гланя, да что ты, Бог с тобой?...

Ничего не ответила, а спустя пять дней, уже перед самой смертью, отшептала слипающимися губами. И уже, не видя подругу, а все пристальнее и серьезней вглядывалась в иные, только ей раскрывшиеся пределы.

Но только ли в одном этом лежала боль. Только ли в этом, если спустя два дня пришла похоронка на Федора. Пришла из госпиталя. А ведь давно ли отписывал своей рукой, что дело идет на поправку. И все сильней стала уверяться бабка Елена, что смерти за так не бывает. И смерть Васьки, и смерть Федора, и гибель братьев Углановых, что заманили тогда пьяненькую Глафиру в кузню, не просто смерть. А если и смерть, то особая, даденная природой сразу на несколько человек, а, может, и на всю деревню?

Но пошто так? Пошто деревня не заслужила иного оборота, другого конца?

Ужель раньше сроков отпущенных истончилась в ней жизнь? И не сумела деревня, как до времени опустившаяся баба, удержаться на земле, потому что потеряла свой центр?

А че же я? Я-то зачем, Господи прости, попридержалась здесь среди этих холмов. Для какого такого умысла не легла на свое место, -- а продолжаю болтаться здесь?

И где мой край, где мое звенышко. К чему прицеплено оно своим краешком, к чьей правде?

Не выпадали ответы. И путались мысли, и налетала и окатывала все тело горячая и удушливая тоска...

И бабке Елене вдруг захотелось очутиться в неведомом, но прекрасном крае. И чуден тот край беспредельно. И не умирает в нем никто, и нет в нем ни горя, ни печали, а есть только радость и великая красота дел.

И так явно, всем сердцем и душой, ощутила бабка Елена эти сказочные пределы, что тоненько завыла, не в силах пережить всем существом своим это непосильное для нее, это нечеловеческое счастье...

* * *

Огонь разгорался все сильней и сильней. Оплескивал колени, тянулся к лицу.

И надо бы отвернуться, отползти, но нет сил. Больше того, бабке Елене захотелось, чтобы огонь не спадал, а так же, нежно и ласково, продолжал касаться ее лица и рук своими шершавыми языками.

И хорошо было от этих прикосновений, настораживало только одно - это странный звук, который шел откуда-то издалека. И острыми холодными иголками прокалывал само сердце и выплескивал в голову нескончаемую тоску... И стонала, и распадалась душа от этого звука. И билась, как птица, пойманная в силок, то поднимаясь на отпущенную высоту, то вновь западая в черноте донышка...

"Звук? Зачем он здесь, возле костра?

Зачем он здесь, где тепло и сладко от страха, такой знакомый, но такой ненужный для настоящего успокоения звук?..."

И вдруг что-то прояснилось и так ярко, будто молнией падучей ослепило голову. Вздрогнула бабка Елена и приоткрыла глаза.

- Бе-ль-чи-к, ты здесь... Здесь, мой разлюбезный... здесь. Ну, не плачь, не плачь, дурашечка, - бабка Елена с трудом выпрямилась на чурбачке и повела слабой ладонью по вздрагивающему боку собаки, по редкой, свалявшейся от старости шерсти, - здесь я... Не умерла я еще, не умерла. Пойдем-ка лучше на воздух, пойдем...

Покачиваясь, бабка Елена вышла из хотона и, положив левую лруку на голову замолчавшей собаке, повернула в сторону реки.

Горел остров в лучах закатного солнца. Как в детстве , как всегда и, видимо, не было силы такой, что могла затронуть его и обратить в прах.

Жил остров, да так ярко и радосто буйствовал всеми красками посреди синей Лены, что виден был, наверное, издалека, со всех уголков небесных...

И бабка Елена опять уверилась в том, во что верила с самого детства, что придет день и появится из-за острова расписной карбас с развеселым народом на палубе. И много будет у тех людей и леденцов, и игрушек, и других разных разностей. И еще будет много белоголовых и голубоглазых, как Васятка, детей.

Верила бабка Елена: появятся, придут. И пристанут к берегу, а место для этого здесь удобное. И заселят дома, и выпустят рыжих коней на зеленые заждавшиеся луга, и смастерят лодки...

Потому что деревня не умерла. Не ушла на соседний холм. Не исчезла с лица земли. Это люди ушли. Светлой ночью, по росам ушли они, дорогие сердцу сельчане, в свою более радостную для этого времени даль.

А ее оставили нарочно, конечно, нарочно, чтобы потом, в день возвращения своего не потерять след к родным избам и выйти на блеклый огонь ее дома и учуять родной дым бабкиного костра и вновь обрести потерянное счастье.

Так. Именно так.

Придут. Обязательно придут. Пусть в сыновьях своих и дочерях, но придут.

Верила в это бабка Елена и решила пока не умирать и из-за всех своих сил остатних потянуть ниточку жизни, чтобы дождаться их, посмотреть им в глаза и поверить им и, быть может, простить.

Но бабка Елена не дождалась, потому что никто не знал, что она еще есть.

Михаил Вишняков

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ БОЛТОМОХИ

Жил-был в Чите, в главном городе Забайкалья поэт Михаил Вишняков. Умный не умник, дурной не дурак, в общем, как все поэты в России - неделю стихи пишут, в субботу в баню ходят, отмываются, в воскресенье деньги за стихи получают. Нагребут сотенных в мешок, домой несут. А в том мешке дырка есть, пока доберутся до квартиры, деньги-то пачка за пачкой порастеряются. За такое растяпство поэты своих жен ругают: почему иголку не купили, дырку не зашили? Жены поэтические встают в оборонительную позицию и возмущаются:

- Писаки! А вы на иголку заработали???

В общем, дожил тот поэт Вишняков до сорока лет. Стихов много написал, семь штук книжек издал, а на иголку так и не заработал. Загорюнился, очкастый, голову повесил. Да нет, не в петлю веревочную, а на плечо жены. Та и говорит:

- Герой ты мой лирический! Не кручинься, не помирай раньше времени, а купи себе ружье да поезжай в тайгу. Добудь соболя да волка, да рысь - вот и разбогатеем.

- Ага? - не соглашается поэт, - волк мне друг и товарищ, а рысь царапается.

- Ничего, - вдохновляет жена, - тебя кошка-критикесса вон как разделала, но ведь зажило все.

Недаром же в польском народе говорят: "На красивую жену смотреть хорошо, с доброй жить хорошо". Послушался наш Михаил Вишняков доброго совета. Купил ружье и поехал на промысел в свою родную деревню Сухайку.

Только добрался - маленьким сделался. Идет по улице мимо одной неказистой избушки, видит: сидит у раскрытого окна шорник и сапожник дед Миша Заусан, знаменитый болтомошник и балагур.

- Дед, а дед? - спрашивает малый.

- На кол одет, пенькой подвязан, Богу обязан, - отвечает старик, глаз щурит, солнце ресницами защемил и нитку тянет из луча - золотая нитка сама на клубок наматывается.

Присел малец на завалинку, рот раскрыл, смотрит как зачарованный. Перестал Миша Заусан нитку тянуть, взял сапог, забивает в подошву гвоздики березовые, из чурочки колотые, да поет:

Эх, Семеновна,
с горы катилася.
Юбка в клеточку
заворотилася!

Тут давай подходить к Мише Заусану деревенские старики: Илья-кузнец да Меркуха-конюх, Миша-Палка да Дарион-уставщик, да Корней Большой, самый столетний-престолетний дед в Сухайке. Пришли-расселись. Давай загибать про конскую масть да нонешнюю власть, про четверть вина да зачем мужику жена? Загнут в Сухайке - в Шилке распрямить не могут, а в Чите примутся, только поломают. Пустят завиральню - в Сретенске паром всколыхнется, трос лопнет. А уж болтомоху придумают, так в Нерчинске крыша на райисполкоме набекрень станет.

Чего-чего только не наслушался наш поэт от народных сказителей, от природных златоустов и памятчиков. Выбрался из деревни, зашел в Шилке на вокзал, а там сидят на лавках не то лекторы-ученые, не то урки заключеные: языки вытянуты и за карман привязаны. Еще в тридцать седьмом году привязали им, чтоб лишнего не говорили. С той поры мужики молчат, только руками маячат, мол, люди добрые, развяжите.

Развязал поэт языки этим молчунам - десять дней и ночей рассказывали они оч-чень разные истории...

Так и пошло: куда не поедет Вишняков, везде встретится ему смехотворец да шутник, балясник да зубоскал, да свистун, да ошаульник добрый. В охотничьих зимовьях на Чикое и Газимуре, по Нерче и Онону, Хилке и Ингоде стал собирать поэт блестки словесные, болтомохи интересные. Записал на бумагу, фамилию свою сбоку пристроил, печатать в газетах стал.

Народ читает - на ус мотает.

Слава о забайкальских болтомохах пошла по всей Сибири, а после того как один кооператор продал их за восемьсот рублей в Париж - по всему миру разнеслась. Вот американский президент на днях звонит через спутник японскому императору-Микадо:

- Дорогой, - говорит, - Микадо Микадилович, ну хоть убей меня, не могу выступать в сенате, пока ради настроения не прочитаю новую забайкальскую болтомоху. Помоги, - говорит, - паря!

- Сложное дело, - отвечает император Японии, - ну, уж ладно, ради дружбы попробую позвонить на читинское радио, попрошу поменять новую запись болтомох на семнадцать японских компьютеров. Может, согласятся эти гураны.

Вот какова цена узорчатому да переливчатому слову забайкальцев, истинных авторов вишняковских болтомох.

А еще говорят, на днях видели в магазине жену поэта - купила, купила-таки иголку! Слаба тебе, Господь наш милостивый, хоть один поэт в России может, будет, жить по-человечески.

ВОЛЬНО ВЬЕТСЯ ВИТИМ

Иван Голобоков и Аркадий Тузик - товарищи с детства, друзья не разлей вода, два ствола пара! Вместе на промысел ходят, один по левую сторону Кадым-россыпи, другой - по правую. Вместе возвращаются: один сдает тридцать соболей и другой тридцать, Иван четыре рысьих шкуры, Аркадий - три да одну волчью. Ни в чем не уступят, во всякой оказии оглядываются и ставят планку не ниже товарища.

Сегодня у друзей праздничный день. Пошли на двух моторках в соседний промхозовский поселок за водкой. Один купил целую сумку и другой сумку с опупком нагреб. Иван на сдачу взял банку кильки, Аркадий банку тюльки. Хорошо бегут моторки, пыль водяная завихряется, кажется, солнце серебро сеет.

Открылся впереди зеленый остров, на нем гривка сосновая, лужайка по низу зеленеет, ветер-дуван вербы раскачивает.

Иван приткнулся своей лодкой со стороны протоки, глядит на друга. Аркадий переложил руль налево, выкрутасу сделал и рядом причалил.

Вышли мужики на берег, открыли банки да одну стеклянку горькую, сели на лужайку по-эвенкийски - ноги под себя, как подушечки подобрали, руками уперлись в боки, сидят. У обоих в родне эвенкийская кровь: у Ивана отец эвенк, у Аркадия мать эвенка.

Посидели, помолчали по таежному обычаю, потом по чеплажке налили, чокнулись.

- Однако, хорошая охота зимой была, - разговорился Иван.

- Хорошая, - подтвердил Аркадий.

Выпили, посмотрели на реку, на горы синие.

- Однако, нынче лучше будет, - предположил Иван.

- Будет лучше, - согласился Аркадий.

Еще посидели, плеск реки послушали.

- Я мог тридцать одного соболя взять, - размечтался Иван. - На путике у седловины он шел прямо в мой капкан, да кто-то испугал, по следу видно: бросился в сторону. Ты не стрелял напротив седловины, не помнишь?

- Однако, стрелял, - раздумчиво протянул Аркадий.

- Ты испугал!

- Может, я, - кивнул Аркадий.

Поглядели друг на друга, выпили, помолчали.

- Однако, я тебя ударить должен за это, - предложил Иван.

- Если считаешь так, то ударь, - не перечит Аркадий.

Размахнулся Аркадий, треснул друга в лоб, два кубаря сделал Иван. Поднялся, пощупал шишку на лбу, посмотрел на моторку, сел на свое место. Выпили еще, помолчали, думая о своем.

- Однако, ты больше добавил, чем должен был, - высчитал Иван.

- Однако, больше...

- Теперь я сровняю настолько, насколько ты переударил.

- Если так считаешь, то давай, сровняй.

Два часа качались на волнах моторки, постукивая друг друга рыжими боками. Все это время с берега доносилось: ты меня пере-пере-переударил, я сровнять должен..., а теперь ты пере..., я сровнять должен. Напучкались друзья-не разлей вода досыта, сидят на берегу, мирно смотрят на Витим, на ласковое небо над вечным покоем тайги.

А тут гонит свою моторку участковый Ильин. Увидел друзей, их лица разукрашенные, кричит:

- Что случилось, Голобоков?

- Ничего не случилось, начальник.

- А четыре фонаря на лице откуда?

- Траву винтом косили, водоросли для изюбра готовили.

- А-а, - протянул Ильин, прибавил газу и помчался себе, думая: "Вот ушлые, эти местные охотники, надо попробовать - как это винтом водоросли косят?"

Сидят Иван с Аркадием, головы мочат, о жизни размышляют. Вольно вьется Витим среди зеленых островов, хребтов высоких, берегов обрывистых и длинных отмелей. На перекатах пыль водяная завивается, кажется солнце серебро сеет.

ЗОЛОТОЙ СЛЕД

Конно-азиатская дивизия барона Унгерна переправлялась через реку Газимур. Может быть, пьяный сотник, может, баргут-стрелок утопили у кромки омута седельную суму с награбленным добром. Переправа была спешной, дикая дивизия преследовала партизан, уходящих в низовья Аргуни, и никто бы не осмелился отстать от своей сотни, чтоб нырять за утопленной сумой.

Вначале кожаный мешок покоился на дне, вдавленный копытами в мягкий грунт. Позже бурные паводки унесли его в глубокий омут, накрыли метровым слоем ила. В наши дни мощное наводнение взрыло и вычистило омут от старых залежей, и на отмель, называемую рыбаками Рябая, выбросило золотую пластину. Была это обивка шкатулки или оклад иконы, или что-то другое, кто знает, но пластинка, выглаженная водой, отполированная мелким илом, еще издали золотила

воду, освещая ее розовым сиянием. Это "подводное солнышко" заметил газимуровский рыбак Гриха Сачков.

Вторые сутки горюн дневал и ночевал на берегу, питаясь печеной картошкой да сигареткой, да приканчивая трехлитровую банку браги. От Сачкова ушла жена, а что делать мужику в пустой избе? Нет, не так уж сильно запил Гриха в этом месяце, всего-то три дня, можно бы и терпеть жене, как терпят другие женщины. Но Вера Сачкова закусила удила, собрала дочку и сына, хлопнула дверью и уметелила к своим родителям на верхнюю улицу.

Плохо мужику одному на осенней реке. Некого порадовать удачным уловом, некуда придти с гордым видом усталого кормильца. Вот и пластинку золотую нашел, а радости никакой. Загнать находку за пять бутылок сельповской Полине - какой толк в этих бутылках? В школьный музей отдать, так надо тащиться на тот конец села к учителю Аксенову. На контакты в мотоцикле приспособить, говорят, золото хороший проводник тока? Но... поедешь в райцентр, еще сопрут вместе с мотоциклом или милиция привяжется. Нет мужику разумения без жены.

Собрал Гриха удочки, погасил костерок и пошлепал домой по вечерней грязи. Зашел в ограду и обратил внимание на следы у крыльца, наполненные прозрачной дождевой водой. За день муть отстоялась и влага стала живой, ясной, как роса в лопухе. Видимо, Вера перед уходом, досматривала свои грядки с несобранными помидорами. А в огород она всегда ходила босиком, надавливая в земле маленькие изящные следы. Бывает, роса августовская жжется, а ей радостно, как ребенку. Пробежит босиком меж грядок, нарвет свежих огурчиков, лучку-укропчику, морковку выдернет для ребятишек, горошинных стручков прихватит в подол и прыг на крыльцо. Окунет ноги в таз с водой и влетает в дом - румяная, в росе и брызце дождевой, сверкая загорелыми свежими ногами. Хорошее, самое счастливое время было...

Гриха машинально отпер дверь, зашел в избу. Потоптался у порога, снял мокрую одежду и решил затопить печь: сыро и неуютно в избе да и похлебку надо какую-нито сварить.

Вышел на крыльцо и снова поразили его следы, дрожащие, как слезы от светлого дождика... Совсем загрустил мужик. Принес дрова, затопил печку. Посидел, покурил. Вытащил из кармана дождевика золотую пластинку. Повертел в руках, ловя глазами теплые золотые блики, вспыхивающие на пластинке от оконного света. Зачем-то побрел в кладовку, достал наковаленку, молоток, зубильце. Выправил чуть загнутый уголок, задумался. Неожиданно лицо его озарилось и прояснилось.

Гриха полез в ящик со старой обувью, отыскал там старые туфли Веры, стоптанные, но еще милые и изящные лодочки. Аккуратно подрезая ножом, отклеил и вытянул тонкую кожаную стельку. Расправил ее и приложил к пластинке. Повернул туда-сюда - как раз два золотых следочка можно вырезать в золоте.

Вообще-то, Гриха Сачков - мужик увесистый на руку, с тяжелым телом и походкой. Пятнадцать лет на тракторе пашет, сколь-чего перегорбатил, одному трактору известно. А тут легкость в пальцах появилась, гибкость и чувствительность. Обчертил зубильцем след по стельке, вырубил на наковальне да по кромке зубчики острые загнул, напильником заточил. Устроил изделие на ладони - лежит Верин след на руке, как живой, покалывает кожу золотыми зубчиками, как будто китайская медицина по телу ходит.

Перевернул левый след на оборотную сторону - правый получается. Как раз уместился на второй половине пластины. Вырубил Гриха второй след, даже чай пить не стал, просто отодвинул чайник в сторону. Включил свет и уже с электричеством продолжил затеянное. Острым ножом натыкал в полу гнезда-щелки для зубчиков, золото же мягкое, приложил и тяжелыми ладонями ровно-ровно вдавил вырезку в крашеную половицу. Носком к порогу. Примерил на глаз ширину Вериного шага - точно на порог пришелся носочек правого следа.

В избе, озаренной светом трех лампочек, неожиданно ярко и празднично засверкали на полу уходящие из дома золотые следы. Гриха усмехнулся, задумался, печально закурил.

Хлопнула дверь в сенцах и, постучав кулачком в дверь, на пороге объявилась соседская Валентина Беломестнова.

- Можно к тебе, Григорий?

- Заходи, - кивнул Гриха.

- Девки да вдовы, поди, боятся, сердешные, к тебе заглянуть,а мне что? Я жена мужняя, сплетню на забор не повесишь. Я и корову два раза доила, молоко в сенях стоит. Да и Петр мой говорит, чтоб тебя позвала на ужин.

- Спасибо, Валя, - растерянно промолвил Гриха.

- Какое тут спасибо? - махнула рукой Валентина. - Это баба может уйти, а корова в свой двор тянет. Корову обиходить надо.

Она собралась выйти и только тут заметила золотые следы. Попятилась, чуть в дверь не вывалилась.

- Ой, чо это такое,а?

- Веркины следы - как уходила...

- Они чо так блестят?

- Из чистого золота, вот и блестят.

- Правда?

- Конечно, - отрезал Гриха.

Валентина совсем растерялась, надавила дверь локтем и уже из-за порога пролепетала:

- Я пошла, пошла... Бывай, бывай здоров.

Гриха посидел еще, повспоминал дела на завтрашний день, поужинал и лег спать. Снилось ему прозрачное и золотое свечение.

Назавтра, пока заводил трактор да заправлялся, да к бригадиру завернул, повинился за прогул, время подошло к девяти часам. Самая пора, когда конторские бабы собираются у правления, стоят, зубы природные да вставные скалят. Тут и Валентина, востроносиха Беломестновская, кассирша, давай рассказывать.

- Да, ну? - удивились женщины. - Прямо уж золотые? Держи кассу шире, водилось когда золото у Сачкова?

- Вот крест вам! - побожилась Валентина. - Он, может, кольца обручальные расплющил да раскатал.

Пошла молва по деревне с утра, еще Гриха ехал в поле, а уж бабы любопытничать стали, глазками стрелять по кабине: диво какое, а? Что это, Верка, такая-растакая принцесса, следы ее золотом выстилать? Такой любви не бывает, только в книгах пишут. А жена бригадира, экономистка Нелли, так вообще своего Василия обозвала: пентюх, мол, нечувствительный.

- Вот, - закричала на мужа, - кто любит свою дуру, так любит!

Золота не пожалел, настоящий мужчина!

- Дуры вы и есть! - зло отпарировал бригадир, плюнул и с испорченным настроением укатил на зерноток.

Вечером, не успел Гриха заявиться домой, ввалились в избу девчонки, подружки его дочки-семиклассницы. Спрашивают про дочку, мол, какую-то тетрадку обещала, а сами - зырк-зырк на золотые зайчики на полу. Конечно, бабы навострили, разведку доподлинную через детей устроили. Греха со злости присел на корточки, чистым платком протер следы и приложил платок к щеке.

В тот же вечер на верхней улице заохала мать Веры:

- Верка, а Верка? Ты что делать-то будешь? Где он, милый, золото нашел? До милиции донесется - посадят мужика.

- Вот-вот, пусть посидит, может, пить бросит.

- Ты о детях подумала? Тюремщиками звать будут!

- Мама! Лучше замолчи, а то я не знаю что над собой наделаю, - закричала Вера. Такой уж характер у нее: как поступила, так и ладно, так будет на своем стоять.

Да ведь народ в деревне на Веру не станет равняться. На все лады перебирают новость. Пошла Вера в магазин, там женщины переговариваются, словно не замечают ее.

- Каждое утро, говорят, целует следы и плачет.

- Золотые руки у мужика. Следочки-то, как у артистки сделал, такие изящные, культурные.

- Недаром Валька Беломестнова каждый день бегает.

- Да она корову доит.

- Ко-о-орову, ага? У него, может, золота целый пуд?

Крепилась Вера несколько дней. Потом плакала полдня. Потом услышала как мать жалуется соседской Таисии:

- Не пьет, не ест, говорят, все на следы золотые смотрит, видно, прощается...

Эх и встрепенулось женское сердце! Без памяти прилетела Вера в свой дом. Открыла дверь, а Гришенька ее сидит на стуле и, правда, гладит рукой золотые следочки.

- Гриша, ты чо задумал, а? - заплакала Вера и пошла к мужу. Уткнулась в его непутевую головушку да так и замерла.

Счастье людское, счастье людское! Ты, как те следы золотые, сиять начинаешь, когда на уход направлено. А так, бывает, и не видно, где лежишь, как золотая пластина, в омуте сокрытая. Я не знаю, что тут нужно, везение, случай ли какой. А может, вера нужна? Вера, что и тебя озарит однажды своим сиянием.

Край родной

Юрий Душкин

А.А.БАРАНОВ В ИРКУТСКЕ (1780-1790 гг.)

В старинном американском городе Ситке, расположенном на острове Баранова, близ полуострова Аляска, открыт памятник его основателю, талантливому предпринимателю, дипломату, главному правителю русских поселений в Америке Александру Андреевичу Баранову (1748-1819). Не все знают, что его путь в Русскую Америку шел из города Иркутска, где он прожил с 1780 по 1790 г.

А.А.Баранов родился в городе Каргополе, Олонецкой губернии в семье небогатого купца. С отцом торговал в Западном Поморье, Петербурге и Москве. В Иркутск он прибыл для ведения торга, познакомился с городом, застроенным, в основном, деревянными домами. Городская застройка правого берега Ангары начиналась с деревянного больничного дома на десять покоев, построенного в китайском стиле. Ниже по течению Ангары из жилых построек выделялся деревянный дом московского первой гильдии купца коронного поверенного, содержателя стекольной фабрики Ивана Григорьевича Савельева. В его усадьбе находились передний и задний дворы, надворные постройки со службами, оранжерея, белая баня, огород и сад. Недалеко от него, в густой Крестовоздвиженской сосновой роще, располагался деревянный дом, где жил иркутский губернатор Франц Николаевич Кличка с женой, слугами Григорием Ивановичем Будных, Александром Ивановым, секретарем домовой канцелярии Иосифом Пончинским и др. На углу односторонней Набережной улицы и Преспективой, получивший название от Благовещенской церкви - Благовещенский преспект, соединивший берега Ангары и Ушаковки, размещалась усадьба с деревянным домом, надворными постройкамми иркутского купца Никифора Денисовича Лопатина, купленная позднее иркутским именитым гражданином купцом Михаилом Васильевичем Сибиряковым. На углу Харлампиевской улицы стоял деревянный дом отставного подполковника Матвея Матвеевича Деанскарпа, затем купленный Петром Дмитриевичем Трапезниковым у Екатеринбургского батальона капитана Ивана Деанскарпа [1].

На углу Набережной и улицы, названной позднее Баснинской, возвышался двухэтажный каменный дом иркутского купца Михаила Афанасьевича Сибирякова, содержателя Воздвиженского сереброплавильного завода и рудников в Нерчинском округе. По указанию иркутского губернатора Ф.Н. Клички дом был занят под банковую контору. В нем жил директор конторы колежский советник Александр Матвеевич Карамышев с семьей: матерью Евдокией Лукьяновной, женой Анной Евдокимовной, теткой Екатериной Яковлевной Тетеневой, дворовыми людьми: Иваном Понкратьевым с женой и четырьмя детьми, Герасимом Васильевым с женой и дочерью, Антипом Ивановым с женой и двумя детьми, Марфой Гавриловой и двумя девицами служанками.

---

(1) ГАИО, фонд 70, опись 10, дело 31, л.234.

Около Чудотворской каменной церкви располагался большой двухэтажный каменный дом, построенный иркутским купцом Михаилом Ивановичем Глазуновым. Через несколько лет в нем разместили городскую думу. На выгоревшем месте восточнее Спасской церкви запланировали воздвигнуть двухэтажный каменный купеческий гостиный двор. За церковью, в купленной усадьбе, иркутский купец Яков Яковлевич Протасов готовился построить двухэтажный каменный дом. Помимо указанных каменных построек на берегу Ангары стояло двухэтажное каменное здание иркутской провинциальной канцелярии, а восточнее Спасской церкви здание для административных служб. На бывшей Поповской улице находилось каменное здание иркутского купца Михаила Федоровича Душакова, который приобрела на аукционном торге дворянка Е.С.Коковинская, продавшая 8 декабря 1797 г. иркутскому мещанину Тимофею Ивановичу Харинских за 163 руб. На месте Торгового комплекса находился палисад, внутри которого размещались каменные здания артиллерийского арсенала и порохового погреба. Семья каргопольского купца Александра Андреевича Баранова проживала в Иркутске по временным одногодичным паспортам. Перед началом каждого нового года А.А.Баранов объявил капитал по второй гильдии 5100 руб. Из этой сумы от платил 1% гильдейских, за пользование торговым местом в городе сто рублей, рекрутские, сенные 50 рублей, на содержание иркутского городового магистрата 137 руб.36 коп. (1)

В отличие от иркутских, иногородние купцы не несли служб, вещественных тягостей, поэтому представители иркутской власти требовали от них уплаты денег на эти цели, ограничивали торговлю иногороднему купцу до одного торга. В Иркутске А.А.Баранова записали в обывательскую книгу, как имеющего в городе дом (2).

В октябре 1788 года он подал прошение в иркутскую городскую думу о предоставлении ему гильдейского места в Иркутске, указав, что "родственники в Каргополе платят подати за торг, там нет у меня никакого торга, кроме что имею дом" (3).

Каргопольский купец А.А.Баранов, великоустюжские П.Басин, М.Федосеев, тотемские О.Нератов, А.Нератов, В.Наквасин, Д.Токарев, Г.Холодилов, В.Касьянов, Ф.Протопов, соливычегодские Я.Неволин, Н.Муксунов и д. написали письмо в иркутский губернский магистрат, в котором согласились "взамен служеб и вещественных тягостей наложить на иногороних купцов плату по 160 рублей в год на каждого" (4).

В городе Иркутске каргопольский второй гильдии купец А.А.Баранов встретил своего земляка коронного поверенного архангелгородского купца Федора Ивановича Лобанова, имевшего усадьбу, деревянный дом и дворовые постройки на Морской улице в приходе Тихвинской церкви. Он вошел к нему "хозяину" в питейное дело и после отъезда Ф.И.Лобанова купец А.А.Баранов значился коронным поверенным, занимался продажей вина в Якутии, куда оно ежегодно доставлялось из казенных Александровского, Николаевского и Илгинского винокуренных заводов до восемнадцати тысяч ведер. Вино продавали тридцать два сидельца в шестнадцати питейных домах. Через Якутск везли казенное вино в Олекму, Жиганск, Зашиверск, Гижигинск, Охотск.

---

(1) ГАИО, фонд 70, опись 21, дело 1087, л.32, дело 1126, л.3.
(2) ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 1087, л.42, л.108.
(3) ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 1087, л.48.
(4) ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 1126, л.36.

Предприимчивый А.А.Баранов бывал в отдаленных сибирских и северных местах. С целью развития своего торгового дела он организовал на реке Анадырь промыслово-торговое заведение по обмену российских, китайских товаров на драгоценные меха. Движение товаров каргопольского купца Баранова наблюдалось по всей Сибири.

В 1786 году в Баргузинском округе он торговал разными товарами и обменивал их на драгоценные шкурки соболей. 4 февраля т.г. им описаны товары в торговой лавке Ангарска, которые передал приказчику иркутскому мещанину Калинину на общую сумму 349 руб. 81 коп. Среди товаров имелось 307 пудов ржаного хлеба по провозной цене 40 копеек пуд, девять пудов полосового железа, чаю кирпичного три места с провозом на 42 руб. 50 коп. (11).

Чтобы иметь иркутский торг, А.А.Баранов купил ветхий деревянный дом с постройками в первой части города в приходе Харлампиевской церкви и на этом месте построил новый деревянный дом, надворные службы, свечное и салотопенное заведения, держал лошадей, скот.

Сенные покосы имел по обе стороны р.Талцы на лугу до Большого болота и при Молодовом зимовье. (1)

В его доме проживали: он, его младший брат Петр Андреевич Баранов и жена Матрена Александровна Баранова. В семью Барановых подкидывали младенцев. По неполным данным семья приняла пятерых младенцев:

Пелагею, умершею 28 мая 1783 года (2), Павла рожденного 27 августа 1783 года, у которого крестной матерью была Екатерина Алексеевна, жена екатеринбургского купца Ивана Ивановича Голенищева (3), Афанасию, рожденную в 1784 году, Апполония, о нем записано: "1 декабря 1787 года подкинутый младенец Аполоний в дом города Каргополя купца Александра Андреева Баранова, у коего отцом Нерчинской горной команды сержант Иван Родионов, матерью жена Баранова Матрона Александрова"(4), Анну подкинутую 6 января 1789 года (5).

В семье А.А.Баранова жила девица Евдокия Иванова, приехавшая из города Суздаля, она исполняла домашние работы.

В домашние слуги Александр Андреевич брал детей из семей иркутских цеховых и мещан. 28 июля 1786 года иркутский цеховой Григорий Тимофеев сын Воинов дал договорное письмо каргопольскому купцу А.А.Баранову о том, что обязался быть у него в услужении сроком на один год за плату 13 рублей на готовом хозяйском питании, платье и обуви. (6)

Интересен ниже приведенный контракт:

"... 1788 г. ноября 1 дня иркутский мещанин Федор Трофимов Калмынин с женою Меланьею Яковлевой дали договорное письмо иркутскому купцу Александру Андреевичу господину Баранову в том, что отдали ему родного своего сына Ивана Калмынина во услужение от сего числа впредь на два года с таким условием находиться ему добропорядочно не красть не пьянствовать, в карты не играть и с подозрительными людьми не знаться и возложенную на него должность исправлять так как доброму и честному человеку долг

(11) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2, л.103.
(1) ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 35, л.28.
(2) ГАИО, фронд 50, опись 7, дело 5, л. 262 оборот.
(3) ГАИО, фонд 50, опись 7, дело 5, л. 269 обор.
(4) ГАИО, фонд 590, опись 3, дело 37.
(5) ГАИО, фонд 50, опись 7, дело 33, л. 54 оборот.
(6) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2, л. 105 оборот.

позволяет, также и нам ему в дурных поведениях не потакать, а если окажется в чем-нибудь неисправность волен вы господин Баранов ево преступления и наказывать, платы получать в год по шесть рублей, платье, обувь и провизию иметь хозяйскую... А в случае непорядочного его поведения волен она Баранов и отказаться. В чем и подписуемся и к сему договорному письму велением родителей своих Федора Трофимова сына Калмынина и матери Своей Мелании Яковлевой дочери подписал сын их иркуцкой мещанин Иван Калмынин руку приложил". (1)

Дом Баранова посещали выдающиеся люди восемнадцатого века, жившие в Иркутске: академик Кирилл Евстафьевич Лаксман, рыльский первой гильдии купец Григорий Иванович Шелихов, курский купец Алексей Евсеевич Полевой, великоустюжский купец Михаил Матвеевич Булдаков. Среди иркутского и иногороднего купечества А.А. Баранов был влиятельной личностью, активно участвовал в торговой и общественной жизни города Иркутска. Его приглашали быть крестным отцом в купеческие, мещанские, цеховые и дворовые семьи.

В метрической книге за 1783 год записано:

"3 сентября города Ржева у купца Михаила Федорова сына Немилова родился сын Александр у коего восприемниками были отцом каргопольский купец Александр Андреев Баранов"... (2)

За 1789 год мы встретили запись:

"31 октября у коллежского ассесора Александра Яковлева Алексеева у дворовой его девки Евдокии родилась дочь Параскева у коей восприемники были отцем курской купец Александр Андреевич Баранов, матерью вышеписанного ассесора Алексеева жена Евдокия Иванова". (3)

Следует пояснить, что А.Я.Алексеев был иркутским губернским архитектором, прибывшим в город Иркутск в 1779 году вместе с генерал-губернатором Ф.Н.Кличкой. Здесь священник церкви ошибся, назвав каргопольского купца курским. В те годы было принято ходить в церкви семьями на исповедь. За 1786-1789 годы встречаются записи членов семьи А.А.Баранова с припиской: "На исповеди никогда не были". (4)

Из детей остались живыми Афанасий и Апполоний. Шестилетняя Афанасия уехала с Матреной Александровной Барановой в город Каргополь, а трехлетний сын Апполоний остался в Якутске, ввиду болезни.

С первого года пребывания в Иркутске А.А.Баранов заявлял, что проживает здесь временно, как гость, и поэтому объявлял себя иркутским гостем каргопольским второй гильдии купцом. Среди группы иногородних купцов выделялся смелостью, решительностью, находчивостью, масштабностью, простотой обращения, честностью, редким трудолюбием, твердым, самобытным характером. Поэтому в списках иногородних купцов его фамилия обычно стояла первой.

В Иркутске Баранов встретил известных людей того времени: губернатора Ф.Н.Кличку, члена-корреспондента Академии наук А.М.Карамышева, купца П.С.Лебедева-Ласточкина. Под влиянием К.Е. Лаксмана он обогатился опытом, знаниями в земледелии, полезных ископаемых, экономике. В 1787 году Баранов стал членом Вольного экономического обще-

---

(1) ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 1087, л. 49.
(2) ГАИО, фонд 50, опись 3, дело 31, л.9 оборот.
(3) ГАИО, фонд 50, опись 3, дело 1.
(4) ГАИО, фонд 50, опись 7, дело 11, л.л.267 об., 282 об., 302.

ства в Санкт-Петербурге, вел с ним переписку.

Особый интерес представляет его деятельность с ученым, надворным советником, Кириллом Евстафьевичем Лаксманом, в основании стекольного завода у речки Талцы, правого притока реки Ангары, на 42-й версте выше города Иркутска. Оказав материальную помощь "минералогическому путешественнику" императорского двора, подполковнику К.Е. Лаксману, каргопольский второй гильдии купец А.А. Баранов стал совладельцем будущего стекольного завода, он предложил основать завод у речки Талцы, по берегам которой имел покосы, по соседству находилось Молодовское зимовье. Компаньоны написали прошение губернатору Иркутского и Колыванского наместничества И.В. Якобию о предоставлении им в аренду земельной дачи под устройство стекольного завода. Рассмотрев прошение, Якоби обязал иркутскую казенную палату заключить контракт с просителями на аренду земли с выгодными условиями для казны. К речке Талце направили геодезиста Худякова, отмежевавшего под фабрику девять десятин десять квадратных сажен и триста десятин земли для поселения двадцати ссыльных работных из расчета пятнадцать десятин каждому.(1)

Согласно составленного плана заводской дачи и условий контракта, будущие заводчики обязались ежегодно платить в казну по 70 копеек за каждую десятину земли, бывшей под тайгой, и по 25 рублей за работного, а также вносить налог по одной копейке за разный стекольный товар при продажной цене от десяти до двадцати копеек.

Осенью 1784 года под наблюдением К.Е. Лаксмана двадцать ссыльных работных начали строительство заводских и жилых построек в полуверсте от реки Ангары. Работные построили заводскую лабораторию производственный корпус в виде сарая с стеклоплавильной печью на середине размером одна на две сажени, гончарную, амбары, пекарню, баню. На речке Талце устроили деревянную плотину с водяным колесом. Заводская площадь застройки занимала квадрат размером 200 на 200 сажен. После получения К.Е. Лаксманом стекла из глауберовой соли в лабораторных условиях, перед ним и А.А. Барановым встала задача организовать выпуск стеклянных изделий в заводских условиях, для чего требовались мастера, владевшие технологией варки стекла. Заводчики просили горных начальников казенных Колывано-Воскресенских заводов, находившихся на Алтае, направить на новозаводимый ими стекольный завод подмастерье или мастера с условием двойной платы за труд. В Тальцинск прибыл подмастерье Барнаульского стеклоделательного завода Яков Иванович Макаров, заключивший 8 августа 1785 года контракт с заводчиками сроком на один год. Контракт состоял из нескольких пунктов, которыми определялось жалованье 120 руб. в год при своем платье, обуви, питании, усердная работа, если нужно в субботние и воскресные дни, обучение учеников стеклянному мастерству, предупреждение хищений, наблюдение за работными: не допускать лености и празности, в запасе иметь горшки для варки стекла, белую огнеупорную глину, огнеупорные кирпичи, заслонки, хомутины и формы.

Под наблюдением Я.И.Макарова было устроено стекольное производство, опробированы составные части сырых материалов, предназначенных для изготовления стекла, изготовлены формы,

---

(1). ГАИО, фонд 39, опись 1, дело 84, л.88, дело 142, л. 3.

согласно предполагаемого ассортимента выпускаемых изделий.

Для перенятия опыта стеклянного мастерства заводчики приняли по контракту на один год с 6 января 1786 года учеником иркутского цехового Николая Семеновича Осколкова.

"1786 г. августа.. Я нижеподписавшийся иркутский цеховой Николай Семенов сын Осколков с позволения отца своего которой под сим подписывается порукой дал сие обязательство новозаведенной стеклянной фабрике содержателю господину надворному советнику Кириллу Густафьевичу Лаксману иркутскому купцу Александру Андреевичу Баранову в том, что обязался я у них быть при стеклянной фабрике в научению стеклянному мастерству с 6 января 1786 г. один год в которое время получить от них готовую провизию, обувь и рубашки хозяйское, а более ничего не требовать по прошествии года какая плата положена от них будет в число оной забрал наперед ныне на крайние мои и отца моего нужды яко то на платеж государственных податей и на городские службы денег 18 руб. 50 копеек, которые деньги заслуживать впредь должен или возвратить оные наличными с указными процентами во всем. Сие обязательство дал и подписуюсь. К сему обязательному письму просьбою иркутского цехового Николая Осколкова руку приложил города Устюга мещанин Стефан Сычев" (1)

В Тальцинске освоение стекольного производства шло медленно.

22 апреля 1786 года о своем успехе Лаксман сообщил:

"Тальцинск теперь с третьего апреля является тем местом, где добывается первое стекло из сибирской горькой соли... оно очень хорошо и значительно превосходит все те стекла, которые добываются из щелочных солей растительного царства. Всех фабрикантов, которые в России делают стекло из поташа, я считаю только врагами природы, ибо они истребляют наши леса". (2) Стекло было получено ученым в лабораторных условиях, а промышленное производство еще не было освоено, несмотря на то, что в августе 1786 г. окончился годичный срок работы у подмастерья Я.И. Макарова, которого уволили.

27 августа 1786 года А.А. Баранов объявил расписку, данную горной команды стеклянного искусства подмастерьем Яковом Ивановым Макаровым. "Я нижеподписавшийся барнаульской горной команды стеклянного искусства подмастерье Яков Иванов сын Макаров дал сию подписку иркутской стеклянной фабрики содержателям господину надворному советнику Лаксману и купцу Александру Баранову в том, что находился я у них при заведении новой Тальцинской стеклянной фабрики по 8 на 10 число августа сего 1786 года один год, за которое время получил я по ращету в разные числа против положенного мне бывшего по 60 руб. казенного жалованья дойное от них за год 120 руб., а с того 8 на 10 числа августа отлучась от фабрики их нахожуся свободным и оный ничего уже требовать не должен в том при засвидетельствовании иркутских маклерских дел вместо себя под сею подписку доверил...

К сей подписке просьбою подмастерья Якова Иванова Макарова города Лалска мещанин Петр Александров Муранский руку приложил". (3)

---

(1) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2, л.107.
(2) Там же.
(3) Лагус В.Э.Лаксман

Через три дня заводчики предложили Я.И. Макарову продолжить работу.

Был заключен контракт:

"... В Иркутске 1786 года сентября с первого дня я нижеподписавшийся Колывано-Воскресенского горного начальства бывшей стеклянного мастерства подмастерье Яков Иванов сын Макаров даю сей контракт иркутской стеклянной фабрики содержателям господину надворному советнику Кириле Густафьевичу Лаксману и купцу Александру Баранову в нижеследующем:

первое - послан я был по требованию показанных содержателей от горного начальства для установления их новозаводимой здесь фабрики при чем находясь по 8 на 10 число августа сего года на один год, за которое время против производимого мне по Барнаульскому горному начальству оклада по 60 рублей в год получил от них в разные числа двойное 120 рублей и разочтясь по то число находясь поныне свободным, а как стеклянный их завод в бытие мое в течение года в надлежащий порядок еще приведен не был, а для того я искусства своего в работе еще не показал и потому

второе - сего сентября с 1 дня договорился я у них содержателей быть еще в производстве мастером при стеклянной их фабрике от показанного числа один год на двойном жалованье за 120 рублей и сверх того естли я усердие мое в работе искуство покажу прибавить еще сверх того 10 рублей, деньги же получать в число сей платы по третям года с роспискою.

третье - Состоять мне на коем собственном во всем содержании яко то провизию платье и обувь и условился все чтоб не было иметь своего собственного кошту из показанной платы и более ничего не требовать.

четвертое - В мастерстве стеклянного дела и в работе показывать всевозможное искусство и усердие напрасно времени не терять, хотя б то в воскресные и праздничные дни случилось что материи к деланию стеклянной посуды поспеет оную вырабатывать не отказываясь ничем и тем всячески отвращать могущие быть чрез недосмотренность нерадивость убытки.

пятое - Данных к обучению учеников все возможно должен стараться обучать по самой истинной и чистосердечием как честному человеку надлежит всему мною ведомому стеклянному мастерству и ничего от них не скрывать сколько есть моего в том искуства на доныне и чтоб как в фабрике стекла и стеклянной посуды так и по всему заводу никакого хищения не происходило от того хозяйской капитал предостерегать во всяких случаях и буде где дознано объявлять самим или прикащику их немеделенно также чтоб и напрасно времени не теряли в праздности и лености не находились"ученики и работные наблюдать мне с усердием рачением как честному человеку надлежит и при добром хозяйстве прилично

шестое - Ежели же по нешастливым каковым стечениям приключится в действии фабрики остановка стекла и посуды в работе естли меня не будет в таковое время должен я непременно пещись о благовременном в заготовлении и действию всего нужного: яко то горшков, надобных кирпичей, белой глины для починки печей, заслонок, хомутин и разных для посуды форм прочных и хрустальных: горшков же и словом о всем иметь благовременное попечение и в ту остановку напрасно время на свои прихоти и надобности никак не тратить по елику на заводское производство оной фабрики требуется великого капитала и иждивения, а от нерачения нас мастеров недосмотрения праздности и лености приключится могут хозяевам чувствительные убытки и разорения што отвращать я обязуюсь со

всевозможным усердием и рачением.

седьмое - Во всей ево силе сохранить и выполнять обязуюсь ненарушимо в чем при засвидетельствовании у иркутских маклерских дел...

За Макарова города Лалска

Петр Александров Муранской руку приложил." [1]

12 августа 1786 года К.Е. Лаксман писал:

"Дела моего стекольного завода идут хорошо, два стеклодува постоянно имеют работу, и изделия находят широкий сбыт." [2]

Осенью 1786 года он направил образцы стеклянных изделий в Императорскую академию наук и путешественнику Палласу.

Под наблюдением подмастерья Я.И.Макарова работные изготовляли листовое стекло, лампады, бусы разных форм, чашки с крышками, рюмки и другую посуду. Стеклянные изделия продавались в Иркутске, Иркутской губернии и за Байкалом. Семьи мастеровых, работных жили в деревянных домах. В дворах с хозяйственными постройками держали лошадей, коров, свиней, птицу, в огородах выращивали овощи. Жители имели покосы, лес, пашенными землями не располагали, употреблялип покупной хлеб.

Некоторые из них кормились диким мясом, ангарской рыбой. Маленький стекольный завод приносил заводчикам мизерные прибыли.

В летнее время А.А.Баранов совершал поездки по местам своих торговых заведений. После десятилетнего проживания в Сибири он решил вернуться на родину. На запрос иркутской городской думы и городского магистрата он писал:

31 декабря 1789 года: "В Иркутске имею собственный дом, стеклянную фабрику вместе с господином надворным советником Кириллом Евстафьевичем Лаксманом." И 5 февраля 1790 года:

"... жил в Иркутске как иногородний купец по одногодичным паспортам.. ныне жену мою отправляю я в свое отечество город Каргополь, а сам должен в мае месяце непременно обратиться к задержанию питейных сборов по всей Якутской области... а обстоятельствам моим и в Охотской области обращаться для коммерции и устроения компании... мною заведенной по реке Анадырю для промыслов и торговли с чукоцкими народами, то посему и необходимо нужно иметь оные листы 1-й за прошедшее бытие мое отслать с женою к доказательству в своем отечестве чтобы.. взыскания податей не было". [11]

А.А.Баранов знал нужды своих современников, помогал им своими капиталами. Он давал деньги взаймы 1 марта и 8 июля 1784 года коллежскому советнику Федору Путятину на общую сумму 1900 рублей, на что получил два векселя. [22]
1 декабря 1784 года вдове Варваре Бейтоновой, о чем узнаем из контракта:

"1789 года мерта 6 дня. Я нижеподписавшийся коллежский ассесор Константин Матфеев сын Бейтонов иногороднему гостю иркутскому купцу Александру Баранову дал сие обязательство в следующем.

Мать моя родная вдова Варвара Бейтонова.. вам Баранову должна по векселю, писанному декабря 1 дня 1784 года настоящей 250 руб-

---

[1] ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2, л. 108.
[2] Н.М. Раскин, И.И.Шафрановский. Эрик Густавович Лаксман. стр.261. Я.К.Грот. Эрик Лаксман, стр. 147.

[11] ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 1126, л. 36.
[22] ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 1, л.л.82, 82 оборот.

лей которой протестован 1785 года июня 10 дня, а подан от вас по взысканию в Иркутское наместническое правление, а из оного препровожден для законного исполнения в нижнюю расправу по которому векселю платеж принадлежащей суммы весь сполна я приемлю на себя с тем, чтоб платить вам Баранову в каждую идущую треть от моего получаемого жалованья по 50 руб. до времени покуда принадлежащей мне паи в судне якутского купца Павла Лебедева Ласточкина именуемом святом Георгии из морского вояжа выйдет и с которого удовольствовать вас Баранова всем принадлежащем по тому векселю платежом обязываюсь и тот пай посему в заклад вам представляю. К сему обязательству коллежский ассесор Константин Бейтон подписуюсь."(1)

16 мая 1787 года Баранов занял господину Кравцову 2441 рублей, за что забрал в залог меховым товаром.(2)

15 декабря 1789 года А.А.Баранов занял под вексель на один год 89 рублей иркутскому третьей гильдии купцу Максиму Алексеевичу Сибирякову, бывшему содержателю Тельминской суконной фабрики, перешедшей за долги фабриканта в казну. В том же году М.А.Сибиряков выехал в город Москву на постоянное жительство, так и не расплатившись с А.А.Барановым. 2 января 1790 года московский купец Николай Иванович Рыбинский занял у Баранова под вексель 1136 рублей 61 коп. медной монетой. (3)

В последние годы жительства в городе Иркутске Баранов вынужден был сам занимать деньги.

17 марта 1787 года он забрал товаром на 2897 рублей 70 копеек у иркутского мещанина Михаила Васильевича Красногорова сроком на один год.

На 17 января 1788 года Баранов уплатил только 700 рублей долга и ввиду этого обязывался выплачивать по 700 рублей в месяц из получаемых прибылей после продажи питей. Для выполнения данных обязательств по контракту Баранов написал своему якутскому приказчику тобольскому мещанину Василию Игнатьевичу Попову: "по векселю моему, данному иркутскому мещанину Михайле Васильевичу Красногорову, платежем п выявлению в Якутске в месяц 700 рублей из вырученных за питьи денег заплати непременно оную сумму при первом обьявлении векселя или по крайней мере в продолжении месяца, а ежели не достанет вдруг всех наличных (чего быть никак не полагаю) продать из оставшихся питей на ту сумму почему б то ни было, несмотря на цены или отдать тейше Гомукову от господина Красногорова вексель поверен будет какие цены он не поставит не возвращая никак того векселя обратно в чем и благонадежность непременно полагаю пребывая впрочем доброжелательным твоим слугою Александр Баранов.

При сем свидетельствую Алексей Полевой купец Курской.

Числа 18 января 1788 г. Иркутск".(4)

Иркутский мещанин М.В.Красногоров, служивший приказчиком у московского купца В.Я.Жигарева, до мая 1790 года не получил долговые деньги с каргопольского купца А.А.Баранова, поэтому должник оставил кредитору свой жилой дом и другие постройки. В документе

(1). ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2, л. 187.
(2). ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2, л. 143.
(3) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 3, л.л.91, 92 оборот.
(4) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2, 2 оборот.
ГАИО, фонд 447, опись 16 дело 3, л.л. 27, 28.

за 1801 год записано: "Жилой дом, салотопенная и свечная фабрика каргопольского купца Александра Баранова, построенные по плану, при отлучке оставлены на усмотрение иркутскому мещанину Михаилу Васильевичу Красногорову в первой части города в приходе Архангельском № 29. Хозяин в отлучке в Америке". (1).

Не состоя в купеческих компаниях, А.А.Баранов брал на себя обязанности по заключению коммерческих сделок, поручался за приезжих иногородних купцов. Он был знаком с капитаном Михаилом Сергеевичем Голиковым, племянником курского купца Ивана Ларионовича Голикова, организатора Северо-восточной американской компании. По просьбе коронного поверенного М.С.Голикова коронный поверенный каргопольский купец А.А.Баранов составил 30 июня 1783 года контракт, объявив его иркутянам:

"Я, нижеподписавшийся, Кабанского острогу крестьянин Кирило Иванов сын Плесовский дал сей контракт Иркутской губернии винокуренных заводов господам содержателям коллежскому ассесору Козме Афанасьевичу Медведеву и капитану Михайле Сергеевичу Голикову в том, что обязался я доставлять вино и водку из нижеписанных мест в Читинский острог и город Нерчинск через год с таковым условием:

первое возить летом с мая до 1 октября от Чертовкиной деревни или от Прорвы на своих лошадях и своими работными людьми ценою до Читы по 10 рублей и до Нерчинска по 11 рублей и зимой до Читы по 9, до Нерчинска 12 рублей с каждой бочки"... (2).

По контракту, составленному 16 февраля 1785 года, за поставку одной бочки вина от завода за озеро Байкал в Прорву платили 3 рубл.40 по., от Кабанского острога до Читы - 13 руб., а до Нерчинска 16 руб." (3).

23 мая 1787 года Баранов поручился за боровского купца Ивана Петровича Томилина, пожелавшего в Иркутске вести торг. (4)

20 февраля 1788 года каргопольский купец А.А.Баранов занял три тысячи рублей у якутского первой гильдии купца Павла Сергеевича Лебедева-Ласточника, которому вернул долг 3 марта 1788 года. (5)

В 1789 году тобольский мещанин Петр Щукин решил записаться в иркутские мещане для ведения торга и в связи с этим объявил своим поручителем каргопольского купца Александра Баранова "по то то время, покуда здесь ево пребывание". (6)

1 мая 1790 года иркутский гость каргопольский купец А.А.Баранов поручился за "верховажеского купца Никифора Федорова Зенкова", взявшего товары у именитого рыльского гражданина Северо-восточной компании компаньона Григория Ивановича Шелихова на сумму 11500 рублей на один год. Н.Ф.Зенков обязался продать товары в Москве. (7).

Баранову доверяли продажу домов.

К примеру приводим контракт:

---

(1) ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 11, л.23.
ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 1329, л.84.
ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 1, л.77.
(2) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 104, л. 89.
(3) Там же.
(4) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 104, л.166 оборот.
(5) ГАИО, фонд 446, опись 1, дело 3 , л.л.34, 34 оборот.
(6) ГАИО, фонд 70, опись 1, дело 412, л.57.
(7) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 3, л.103.

"1785 года мая 18 дня учинен договор при маклере городе Иркутске иркутского нижнего надворного суда второго департамента надворной судьей коллежским ассесором Александром Ивановым сыном Парфеньевым и каргопольский купец Александр Андреев сын Баранов между собою словесно в том, что сторговались ассесор Парфеньев у оного Баранова хозяина от онаго ему Баранову, состоящей в городе Иркутске на Морской улице в приходе пресвятой Богоматери Тихвинской, а когда от Баранов на зделанное от него о сей продаже хозяину своему господину Лобанову уведомление получит от него о совершении Парфеньевым того дома за условленную между нами цену оставлением доверенности тогда на тот дом и подлежащую на законном основании купчую крепости с указными пошлинами ему Баранову на имя онаго Парфеньева совершить, а до оного с сего времяни приняв ему ассесору Парфеньеву показанный дом или уже как хозяину в чем сие условие учиненное между ими утверждается...

Каргопольский купец

Александр Баранов

коллежский ассесор

Александр Парфеньев

Маклер Андрей Тиунцев".(2)

Усадьба с постройками, площадью 33 квадратных сажен, уже умершего купца Ф.И.Лобанова, была продана в 1804 году нежинскому купцу греку Дементию Оснашину.

Из иногородних купцов А.А.Баранов хорошо знал рылского купца Григория Ивановича Шелихова, его родного брата Василия, родственников, курского купца Алексея Евсеевича Полевого, доверенного племянника курского купца Ивана Ларионовича Голикова.

Баранов познакомился с Г.И.Шелиховым в 1780 году. У его приемных детей была крестной матерью вдова Екатерина Алексеевна Голенищева, бывшая жена екатеринбургского купца Ивана Ивановича Голенищева, вероятно сестра Наталии Алексеевны Шелиховой. После возвращения из морского вояжа Г.И.Шелихов вовлек Баранова в коммерческие сделки.

"30 июня 1787 года объявлен контракт для записи в маклерскую книгу иркутским записавшимся вновь купцом Александром Андреевым сыном Барановым данного сего 1787 года июня для рылским купцом и морским компанейщиком Григорьем Ивановым Шелиховым ниже следующего содержания.

Город Иркутск 1787 году июня дня рылской купец и морской компанион Григорей Иванов Шелихов дал сей контракт каргопольскому купцу Александру Андрееву Баранову в следующем обстоятельстве: первое прошлого 1786 года сентября в первых числах в Камчатке в Петропавловской гаване Ост-Индской компании капитан Велиям Петерс хотя маловажную суммою имел со мною торг: сверх того на великотысячную сумму даны от меня Шелихова тому господину Питерсу разных китайских и прочих товаров реестры по которым хотя и не обделано в договоре без воли правительства совершенного окончательного договора однако на слове между нами положено с тем, чтоб им агличанам сего 1787 года в мае или в июне месяце в Камчатку в ту же Петропавловскую гавань приитить, а с моей стороны естли самому мне зачем либо приехать к помянутому стоку не удасца то быть акредитованному прикащику от меня с которым уже те господа агличани з дозволения нашего

(2) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 2.

правительства должны делать как и выше сказано против данных или от меня реестров сверх словестного бывшего положения окончательное решение, а затем агличане взяв с нашей стороны сколько получится пышных товаров или на всю сумму векселя платежем деньги в Москве издав все противо реестров прикащику моему свои товары я же со своей стороны в рассуждении выполнения условия с данным наставлением и кредитам прикащика своего потребны числом людей предписанием с нижняго камчатского города к термину сей весны противу положения с агличанами к маию месяцу да еще и ранее в Петропавловскую гавань для наблюдения и выполнения с нашей стороны верного условия быть приказал:

вторoе: а как правительство уважая целость общего торгу на сей раз нам с агличанами впреть до указу разрешила почему и надеятца я должен что те выписаные товары от агличан когда камчатские начальники или что другое не воспрепятствуют кроме каких подлогов должны быть в моих руках в рассуждении сего:

третье: приемлю в третью часть я Шелихов вас господина Баранова в товарищи и складства для сего торгу с вашей стороны поступает сумма имеющаяся ваши денги состоящие в векселе данном от меня известная вам за мною сумма, которая и должна быть на прозводство сего с агличанами торгового обращения до сего время с тем что Бог пожалует от того с агличанами торгу чрес один или два года прибыли представя вам совершенный щот... оказавшего за расходами по купецкому обряду прибыль разделить по частям с вами тое есть мне Шелихову получить ис той прибыли к себе две части, а вам господину Баранову одну часть прибыли, а затем сей контракт имеете вы мне возвратить и более положенного третьи части прибыли ниже потому вышеписанному векселю вы от меня ничего требовать не должны в том сим контрактом и утверждая свято: и обязуюсь в равной же силе за вашим подписанием с сего контракта и от вас господина Баранова я Шелихов точную копию получил. На подлинном контракте и подписал компанион рылский купец Григорей Иванов сын Шелихов соверучно подписуюсь". (1)

"1 декабря 1787 года

Объявлен контракт для записи в маклерскую книгу иркутским второй гильдии купцом Васильем Васильевым сыном Шарыповым и рылским купцом Григорьем Ивановым сыном Шелиховым в продаже состоящего в Охотском порте морского судна именуемого человека божия Алексея кое судно было куплено означенным Шарыповым Тотемского первой гильдии купца Алексея Григорьева сына Панова у кредитованного ево прикащика тотемского ж купца Михаила Ивановича Протасова.

А ныне по договору продал он ему Шелихову за шесть тысяч рублей и на данной от Протасова контракте учинена в перепродаже теми Шарыповым надпись а означенный контракт в сей маклерской книге сего 1787 года апреля 27 дня был записан под N 5 надписано же на том контракте о продаже Шарыповым Шелихову судна и прочего учинена за подписанием свидетелей купцов иркутского Александра Андреева Баранова и курского Ивана Иванова Скорнякова во уверение в сей маклерской книге и подписался

Василий Шарыпов.

подлинный контракт рыльский купец Григорий Шелихов получил". (2)

---

(1). ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 104: л.л.170 оборот, 171.
(2) ГАИО, фонд 447, опись 1, дело 104, л.172 оборот.

В начале мая 1970 года Александр Баранов прошел по улицам Иркутска, и вспоминая свой год приезда, заметил значительные перемены в облике города, который начал застраиваться согласно утвержденного плана. От Спасской до Тихвинской церкви возник торгово-административный центр. Между будущими Мыльниковской и Дехтевской улицами построили двухэтажный каменный купеческий гостиный двор и двухэтажный Мещанский торговый ряд. У Спасской церкви поставили двухэтажное каменное здание публичной библиотеки, а у Тихвинской церкви одноэтажную каменную гражданскую школу с высокой деревянной крышей. Иркутские купцы, разбогатев на казенных поставках, торговали китайскими, сибирскими и американскими товарами, скупали ветхие деревянные постройки и на их месте строили каменные и деревянные дома с торговыми лавками.

На глазах преобразовывалась Морская улица.

На углу будущей Мыльниковской и Морской улиц, в бывшей усадьбе купцов Ворошиловых, построил двухэтажный каменный жилой дом с торговыми лавками, флигелем иркутский купец Василий Иванович Ситников, разбогатевший на продаже казенного вина.

Иркутский купец Петр Яковлевич Солдатов купил две усадьбы с ветхими постройками и на их месте возвел новые двухэтажные каменные здания с флигелями и торговыми лавками.

В одном из них жил генерал-губернатор Восточной Сибири, после пожара 1879 года в нем разместили городскую думу.

Напротив, через улицу, иркутский купец Михаил Алексеевич Рязанцев построил двухэтажный каменный дом с торговыми лавками.

Двухэтажные каменные жилые дома построили иркутские купцы:

Григорий Андриянович Кисилев в Троицком приходе.

Семен Михайлович Опрелков в Спасском приходе.

Яков Яковлевич Протасов в Владимирском приходе.

На месте купленных ветхих деревянных построек соорудили деревянные жилые дома:

рыльский купец Григорий Иванович Шелихов, каргопольский купец Александр Андреевич Баранов, нежинский купец грек Петр Васильевич Артенов, имевший во дворе завод сладких вин и многие другие.

На правом берегу реки Ушаковки, выше мельничной плотины, построил большой деревянный дом на десять покоев чиновник Депин, рядом поставили казенный вице-губернаторский дом, в котором позже проживал генерал-майор Иосиф Иванович Новицкий, управляющий иркутскими казенными фабриками.

Слева мельничной плотины поставили деревянные здания тюремного острога, смирительного дома, солдатской калегардии и жилые дома в линию по Монастырской улице, названной позже Знаменской. Началась застройка Якутской улицы, среди первых деревянных построек был дом иркутского мещанина Ивана Коротаева.

У Знаменского девичьего монастыря поставила деревянный жилой дом игуменья этого же монастыря, продавшая дом мещанину Старцеву.

Произошли изменения и в административном управлении. Согласно царских указов, иркутское губернское правление заменили наместническим. Здесь жили правители или губернаторы Иркутского и Колыванского наместничеств.

Во вновь открытую иркутскую городскую думу избрали городской головой купца Михаила Васильевича Сибирякова, будущего иркутского именитого гражданина, поставщика казенных товаров, компаньона морских промысловых компаний якутского купца Павла Сергеевича Лебедева-Ласточкина, курского купца Ивана Ларионовича Голикова, капитана Михаила Сергеевича Голикова, рыльского купца Григория Ивановича Шелихова.

9 мая 1790 года рыльский именитый гражданин рыльский первой гильдии купец Григорий Иванович Шелихов пригласил каргопольского купца Александра Андреевича Баранова быть свидетелем при покупке паев в морском судне.

"1790 года мая 9 дня в Иркутске вологодских первой гильдии купца Василья Шапкина второй гильдии купецкой жены Аграфены Поповой прикащик их вологодской третьей гильдии купец Захар Васильев сын Кочергин рыльскому именитому гражданину Григорию Иванову сыну Шелихову дал сей контракт в нижеследующем имеющие означенных хозяев моих в судне св.великомученника и победоносца Георгия 8 паев которое судно по выходе из морского вояжа состоит ныне в Охотске собственные хозяев моих в досках и такелажах старых восемь паев продал я Кочергин вам господину Шелихову в вечное ваше и потомственное владение и вольны вы оныя паи продать и заложить, а рядил за каждый пай по 16 рублей и деньги по договору при даче сего контракта все 480 рублей получил... "

К сему контракту вологодский купец Захар Васильев сын Кочергин утвердя подписуюсь.

При даче сего контракта и взятье денег каргопольский купец иркутский гость Александр Андреев сын Баранов свидетелем был и руку приложил".(1)

В мае 1790 года Александр Баранов выехал из Иркутска в Якутск, там нашел свои торговые дела в расстройстве, надеялся поправить выгодами от анадырской торговли, но и в этом месте его поджидала беда. Выяснилось, что барановское заселение в Анадырске истреблено чукчами, приказчик и работные люди убиты, товары разграблены. В Охотске он искал выхода из создавшегося положения, поделился своей бедой с Григорием Ивановичем Шелиховым, который уговорил Баранова ехать правителем в Америку.

15 августа 1790 года они составили договор:

"Лета 1790 года августа в пятый на десять день в областном портовом городе Охотске мы, нижеподписавшиеся, рыльской именитой гражданин Григорий Иванов сын Шелихов, каргопольский купец иркутский гость Александр Андреев сын Баранов, условясь, постановили сей договор о бытии мне, Баранову, на берегах и заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-восточною компаниею, тамо расположенную и вновь учреждаемою на основании валового контракта здесь же, в Охотске, постановленного главным правителем и, сверх того, на нижеписанных кондициях.

I. Согласился я, Баранов, быть компании Шелихова, из 210 паев состоящей, по американской матерой земле и островам расположенной, в коей людей, кроме мореходов и протчих, составляет ныне комплект и всегда быть должно 192 человека. И на приготовленном ныне в Америку компанейском судне, приняв то со всем грузом, припасами, товарами и такелажами по описи и фактурам, также и со

(1) ГАИО, фондл 447, опись 1, дело 104, л.198 оборот.

всеми на то том отправляющимися людьми в полную свою зависимость, заведывание и распоряжение кроме мореходства (для чего особый мореход есть), следовать в заселения компаниею на американских берегах места, в главную гавань близ матерой земли, на остров Кыктак состоящую, где главное обзаведение и магазины состоит. Стараясь, елико можно, доитить туда нынешним осенним временем, не касаясь камчатской нигде земли и других гаваней и островов, кроме цепи Курильских островов, разве к тому крайностию понуждены, к чему и порехода с матрозами усильное настояннеие будет, тогда вытите и в другую, какую случай откроет, гавань, где и поставлютца правила: первым, зберегать судно, а ежели чего, но не дай, Боже, повредится, починить.

второе - о сбережении припасов и немеленной добыче рыбы и зверей.

третье - людей содержать в труде, доставлять свежую здоровую пищу, удерживать от лени, слабостей и сна.

II. При прибытии на место заняться хозяйственной деятельностью: описать заселения по артелям и промыслам. Старый промысел вещи и товары принять по описи от грека Деларова, отчитаться, разделить товары, оставить на волю работных, отправить желающих домой, а добровольцев оставить. Все товары, привезенные из Охотска принять по описи, заведовать им, распоряжаться и производить.

III. Завести книгу прихода и расхода товаров, книгу выдачи работным на вымен и покупку американских товаров, расчетов с ними, дабы каждого ращет виден был. В две журнальные книги в первой записывать происшествия и случаи, а в другой поведение каждого из подчиненных людей, дабы добронравие и развратность и в предыдущие времена видимы были.

IY. Баранов обязывался разумно распоряжаться, добиваться выгоды Северо-восточной компании присматривать за работными, добиваться человеколюбия, предохранять от ссор, драк, раздоров, обид, изыскивать средства к взаимному доброму согласию.

Y. Исполнять волю компании при свободе личных действий.

YI. Баранову разрешалось иметь двух помощников, обеспечивать из своих средств. В Охотске он пригласил тотемского мещанина Ивана Кускова, а другого должен был избрать на месте из усердных, расторопных людей.

YII. Срок пребывания Баранова определялся на его усмотрение, при необходимости известить Шелихова.

YIII. Мягкие товары делить на 210 паев, из них 15 суховых паев Баранову, работные поулчали тридцать полупаев. При производстве коммерческих сделок с другими европейскими государствами оставлять одну десятую в Америке. При открытии новых езмель, народов, удачных новых промыслов просилл себе в награждение одной четвертой части от прибыли и наследникам Баранова.

IX. "Ежели, паче чаение (от чего боже да сохрани), в следовании из Охотска, судно разобьет иль иным каким случаем предел течению дней и нить жизни моей пересечется, то заплатить компаньону Шелихову, жене и двум малолетним детям природы, а моим воспитанникам усыновленным, сыну Аполону, в Якутске ныне за болезнию оставленному, и дочери Афон

асье, з женою в город Каргопол отправленной, на пропитание и воспитание тысячу рублей единожды и со мною идущее собственное имущество мое, ежели не погибнет от каких случаев, возвратить. Буде же судно разобьет и я выброшен буду на какой-нибудь необитаемый остров иль матерую дикую землю и возвратитца вскоре

никуда не буду иметь возможности иль когда взят буду в плен какими неприязненными европейскими иль дикими народами, то за все то время, покуда я от кораблекрушения на диких местах без производства дел или в плене буду, заплатить по 2000 рублей на год, в число коих, ежели сведомо о том будет, и выдавать показанным же жене и едтям моим по триста рублей в год до возврату моего".

... "Первое на десять. Все сии вышеписанные термины, в договоре сем постановленныя, следуя прямой силе разума оных, со обоих сторон обязуемся сохранять навсегда без малейшего нарушения, свято и ненарушимо. В чем и утверждаясь, призвав к заключению имя всемогущаго бога в помощь, дабы всесильная ево десница руководствовала благонамерениям нашим во всех сего начертания содействиях, в чем и подписуемся, два таких написав, в равной силе разменялись, оставя здесь, в Охотске, в губернском магистрате под делом копию. Города Рыльска именитой гражданин Григорий Иванов сын Шелихов, Северо-восточной американской компании Компанион, каргопольский купец иркутской гость Александр Андреев сын Баранов.

Сей договор Охотского магистрата по 2-м департаменте явлен и, что оной подлинно руками города Рыльска именитым гражданином и Северо-восточной американской компании компанионом Григорьем Ивановым сыном Шелиховым и каргопольским купцом и иркутским гостем Александром Андреевым сыном Барановым подписан, по сим тамоеженного устава состоявщагося 1755 года декабря 1 дня 2 главы 12-го пункта свидетельствован. Для чего и в книгу под № 2-м записан и сего магистрата печать приложена. Августа 17-го дня 1790-го года.

Колллежский ассесор Иван Кох

В должности секретаря канцелярист Прокопей Сыромятников

Канцелярист

Андрей Прибылов".(1)

19 августа 1790 года А.А.Баранов отплыл на парусном судне "Три Святителя" на алеутский остров Кадьяк, в пути испытал массу трудностей и только 27 июля 1791 года достиг острова с шелиховским поселением. Климат на острове был неблагоприятным с постоянными туманами, дождями со средней температурой года плюс 5,7, января минус 1 и июля плюс 12,5 градусов. По указанию Баранова были спешно возведены жилые, служебные постройки, основаны и развиты кирпичный, железный, медный, известковый и другие промыслы.

По просьбе Баранова на остров завезли коров, овец, свиней, кур, хлебные и овощные семена. На разработанных огородах росли: безвилковая капуста, картофель, редька, хрен, имевшие водяной вкус.

Жители поселения питались океанской и речной рыбой, мясом сивучей, нерп, диких уток, гусей, диким луком.

После смерти Г.И.Шелихова в руководстве компанией возникла неразбериха, что явилось поводом неподчинения некоторых артелей Баранову. Промышленные люди компании Павла Сергеевича Лебедева-Ласточкина захватывали пушные промыслы в Кенайском заливе, разоряли и у уничтожали поселения Северо-восточной американской компании.

---

(1) Русские экспедиции по изучению северной части Тихого Океана во второй половине XYIII века, Москва, "Наука". Главная редакция Восточной литературы, 1989 г., стр. 277-280.

Противоречиями русских ловко пользовались иностранцы и местные туземцы, уничтожали промышленников как той, так и другой компаний. Для закрепления промысловых мест за Российско-Американской компанией, образованной 8 июля 1799 года, Баранов построил небольшие деревянные поселения на Алеутских островах:

на Уналашке 14, на Стукином или Седанке 1, на Умнаке 4, на Самоке 1, на Унальге, на Кигалке 2, на Укатане 5, на Акуне 7, на Унимаке 3, на Саннахе 1, на мысе Аляске 1, на Угалике 1, на Атхе 1, на Амле 2, на Чугулла 1, на Адахе 2, на Каняге 2, на Тахаге 4, на Иллаке 1. В 1804 году на 21 острове находилось 51 поселение.

А.Баранов выходил в плавание на байдаре, исследовал близ лежащие островные и материковые американские земли. Плавая по Тихому океану и его заливам, правитель постоянно нуждался в надежных кораблях, и вскоре начал строить своими силами в Воскресенской гавани на берегу Чугацкого залива. Построенное там морское судно "Феникс", имело длину 23,94, ширину 7,04 и глубину 4,42 метра. Для сравнения укажем, что судно иркутского купца М.В.Сибирякова, построенное для хода по озеру Байкал, имело длину 23,74, ширину 4,79 и глубину 2,5 м. Оно уступало "Фениксу" в ширине, глубине, а следовательно в грузоподъемности и мореходных качествах. На построенных и купленных кораблях Баранов выявлял новые рынки, места, пригодные для хлебопашества. Он организовывал морские экспедиции на Сандвические, Филиппинские острова и в Калифорнию.

Русские, обживавшие острова и Аляску, испытывали голод из-за частой гибели судов с продуктами, пушным товаром, подвергались лишениям, набегам туземцев. В 1802 году главное правление Российско-Американской компании уполномочило А.Баранова быть главным правителем колониальных владений в Америке, соединить все артели в одну главную контору, упорядочить добычу морского зверя, оплату промышленникам за добытую пушнину, продолжить исследование американского материка, дать предложения по развитию промыслов, школьного образования туземцев, по завозу ремесленников и т.д.

Англия и другие государства противились пребыванию русских в американских землях и поэтому снабжали племена калош огнестрельным оружием. Калоши, жившие на острове Ситхе, самом большом острове из Ванкуверовых островов, пришли с берегов Америки с востока, что против Шарлотских островов. Очевидцы рассказывали, что калоши имели черные открытые глаза, правильное нескуловатое лицо, средний и даже высокий рост, важную осанку, гордую поступь. По характеру они были независимы, храбры, вероломны и недоверчивы, в битвах с противником отличались редкой жестокостью. Несмотря на сложность отношений с калошами, А.Баранову удалось в 1799 году основать на острове Ситхе русское поселение. В 1802 году массы калош напали на поселение, убили 150 русских и алеутов, разграбили весь добытый пушной товар. С рейда за битвой спокойно наблюдал капитан ангийского корабля, который после трагедии принял на борт оставшихся в живых 32 жителя, доставил на остров Кадьяк и передал их Баранову за крупную сумму денег. Два года главный правитель готовился к битве с калошами. В 1804 году он высадился со своими людьми на остров Ситха и с помощью военного корабля "Нева" ринулся в бой, в котором был ранен пулей в руку. Битва продолжалась шесть суток и окончилась победой русских, калоши отступили. На западном берегу острова Ситха Баранов основал новое поселение - незамерзающий порт Ново-Архан

гельск. В случае надобности в порту вместиться целый флот.

На гористой местности, одетой хвойным лесом, были заложены деревянные и служебные постройки, окруженные крепостной стеной. Ново-Архангельск стал центром русских колоний в Америке и местопребыванием главного правителя А.А.Баранова, поднявшего 8 октября 1804 года флаг Российской Империи.

В 1805 году американские земли посетил действительный камергер, обер-прокурор, утвержденный царем корреспондент Российско-Американской компании Николай Петрович Резанов, ознакомился на месте с условиями пушного промысла, бытом русских промышленников. После встречи с главным правителем он записал: "... Баранов есть весьма оригинальное и притом счастливое произведение природы... истинный патриот с большим навыком среди кучи буйных голов..."

Резанов оказал помощь Баранову во многих вопросах жизни. Он предложил увеличить годовое жалованье промышленникам с 140 до 317 руб. каждому, организовать из алеутов учебные группы мальчиков и девочек, лучших отправлять в Санкт-Петербург для обучения морским и хозяйственным промыслам, завести суд, закупать иностранные суда, оружие, направить дополнительно в Америку двести работных разных ремесел, мастеровых награждать премиями, служащим платить деньгами, а не паями, основать больницу. Для пресечения злоупотреблений проверять ценники на товары, идущие в Америку.

Резанов стал свидетелем полуголодной жизни русских на американских землях. На неделю промышленнику выдавалось не более фунта (409 грамм) хлеба. Он предлагал снабжаться хлебом из восточных стран и Калифорнии, куда и отправился в феврале 1806 года и благодаря исключительной изобретательности и таланту дипломата, загрузился хлебом и в июне т.г. доставил хлеб в Ново-Архангельск. Вскоре Резанов отплыл в Охотск, откуда 24 сентября выехал в Якутск, в дороге простыл, заболел простудной горячкой, 30 октября приехал в Иркутск, где жил до 13 февраля 1807 года. 26 февраля Н.П.Резанов достиг Красноярска, где 1 марта т.г. скончался.

После отъезда Резанова из Америки жизнь А.Баранова продолжалась в тяжелой борьбе с туземцами и заговорщиками. Осенью 1805 года калоши разграбили Якутское поселение, убили триста человек, удалось спастись в лесу только тринадцати жителям. С большой трудностью он раскрыл два больших заговора непримиримых калош. Среди русских промышленников организовалась группа заговорщиков, решивших убить Баранова, захватить женщин, товары, корабль, уплыть в южную страну, где пожить райской жизнью. И этот заговор был раскрыт, пятерых заговорщиков арестовали, заковали в железо и отправили в Камчатку для предания суду. Люди, преданные Баранову, занимались хозяйственным освоением не только островов, но и материка. Русский промысловый корабль достиг Калифорнии, где высадился отряд промышленников во главе с тотемским мещанином Иваном Кусковым, основавшим поселение Росс. Здесь из красной сосны выстроили верфь, жилища со службами, занимались хлебопашеством, овощеводством и скотоводством.

Благоприятный климат способствовал снятию богатых урожаев в сравнении с семенами - хлеба в пять, шесть раз, картофеля в двенадцать раз. Скот кормился на пастбищах круглый год.

В Калифорнии русские применяли в пищу мясо зубров, диких коз, баранов, нерп, сивучей, птиц и рыбу.

В развитии пушного морского промысла большую помощь оказа-

ло местное население алеутских и других островов. Путем крещения островитяне вовлекались в промысловые артели по добыче морского зверя.

Еще во время пребывания Г.И.Шелихова на острове Кадьяке около сорока алеутов изъявили желание принять православную веру, но из-за отсутствия священников и церкви их просьба не была удовлетворена. Баранов просил Шелихова прислать священников на остров Кадьяк. О решении этого вопроса нам сообщает следующий документ:

"Указ Императорского Величества. Из Иркутского городового магистрата и Иркутским цеховым делам Иркутское наместническое правление 30 сентября 1792 года своим указом писало, что по просьбе именитых граждан курского Ивана Голикова и рыльского Григорья Шелихова в Правительствующий Сенат о том, что в найденной для Северной части Америки основать и умножать христианский закон определить для крещения и научения по российски читать и писать людей иеромонаха и по последовавшему на то всемилостивейшему Ея Императорского Величества 20 октября 1793 года копии указа разосланы по местам.

Бургомистр Дмитрий Мыльников"...(1)

Святейший Синод назначил главой духовной миссии в Америку архимандрита Иоасафа - Иоанна Ильича Болотова (1761-1799). После окончания Ярославской духовной семинарии он служил учителем в духовном училище, затем в Ярославском и последнее время в Валаамском монастыре, расположенном на острове Ладожского озера. В помощь Болотову назначили трех иноков. Перед отъездом в Сибирь он навестил родителей и сестру в г.Кашине Тверской губернии. 24 марта 1794 года духовная миссия прибыла в Иркутск, 2 мая т.г. выехала в Охотск, а оттуда на остров Кадьяк, где 4 сентября т.г. Баранов встретил миссию и помог им построить деревянную церковь. Нередко за один день священники совершали крещение сотен коренных жителей, при церкви открыли духовное училище для обучения церковнослужителей из новокрещенных.

Иоасаф направлял своих служителей и на другие острова. Из архивного документа узнаем, что иеромонах Макарий находился на Алеутских островах с 25 мая 1795 по 23 июня 1796 года "для проповеди слова Божьего, для увещания островных людей к восприятию святого крещения". Прибыв в Иркутск, он 5 декабря 1797 года рапортовал епископу Вениамину: "Сколько по желанию оных окрещено мною и кто именно и кто из оных сочетан законным браком также и русских людей сколько числом и которой компании с новопросвещенными алеутами венчаны обо всем присем Вашему Высокому преосвященству на благорассмотрение прилагаю имянную ведомость".. (В деле ведомости не оказалось).

В 1796 году архимандрит Иоасаф был введен в должность епископа Кадьякского и для рукоположения в сан епископа приглашен в Иркутск, где жил с декабря 1798 по апрель 1799 г. в доме рыльского купца Василия Ивановича Шелихова, младшего брата Г.И.Шелихова.

Кадьякский епископ оставил в Иркутске свою рукопись: "Топографическое, климатическое, статистическое и нравственное описание острова Кадьяка". Это первое русское описание американских земель. Труд был представлен в Святейший Синод и напечатан в журнале "Друг просве-

---

(1) Редкий фонд Научной библиотеки Иркутского госуниверситета, рукопись под N 337.

щения" в 1805 году. Из Иркутска в Охотск епископ выехал в апреле и 10 мая 1799 года отплыл на корабле "Феникс", который пропал без вести. О катастрофе иркутяне узнали 24 апреля 1802 года. Из духовной миссии в американских землях оставалось три духовных лица. В Ново-Архангельске в деревянной церквушке обязанности священника исполнял служитель компании Беляев. В 1815 году его сменил священник А.Соколов, перестроивший часовню в деревянную церковь, а Соколова заменил священник И.Вениаминов, изучивший язык алеутов. С помощью толмача он перевел Катехизис и Евангелие на алеутско-лисьевский язык.

По ходатайству главного правления Российско-Американской компании были направлены в 1824 году на остров Уналашку священник Иоанн Вениаминов, на остров Кадьяк Фрументий Мордовский. В 1827 году православных на американских землях достигало 10,5 тыс.человек. Молитвы проходили в четырех деревянных церквах, состоящих в ведении иркутского епархиального ведомства. В 1832 году директор главного правления компании просил архиепископа Иркутского, Якутского и Нерчинского перевести священника Иоанна Вениаминова в Ново-Архангельск, священника А.Соколова на остров Кадьяк, а священника Ф.Мордовского вернуть в епархию по состоянию здоровья.

Священник И.Вениаминов объяснялся с алеутами на их родном языке. В 1839 году И.Вениаминов приехал в Санкт-Петербург, где представил Святейшему Синоду обозрение и состояние православной церкви на Алеутских, Курильских островах и в Северо-западной Америке.

Баранов с церковно-служителями сумел привлечь на службу России тысячи островитян. Целые племена Аляски добровольно переходили в российское подданство, приобщались к русской культуре.

В русских колониях проживало 9019 человек, из них 391 русских, 244 креолов и 8394 туземцев, принявших православную веру (1).

Баранов жил интересами компании и России, начав американские дела с артелью промышленников, способствовал увеличению оборотного капитала с 724 до 4800 тысяч рублей. (2)

За заслуги перед Россией, Баранова наградили золотой медалью на владимирской ленте и орденом Святой Анны второй степени, в 1804 году ему пожаловали гражданский чин коллежского советника. Баранов носил мундир, в котором его изобразил художник Тихонов, участник экспедиции В.М.Головнина. Для боя он имел боевую одежду. В свободное время Баранов читал книги из собранной им библиотеки, любил играть на бильярде, не терпел азартные игры, карты считал заразой. Современники подтверждали, что А.А.Баранов был умным, решительным человеком, говорил не торопясь, ровно, без восклицаний и жестов. Многих удивляла его разносторонняя деятельность, способность свыкнуться с невероятными трудностями и многолетними лишениями колониальной жизни. Живя в Америке, он женился на американской женщине, от нее имел дочерей Ирину,

(1) П.А.Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании.. часть 1, СПБ. 1861 г., стр. 252, 253

(2) К.Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПБ. в морской типографии, 1835 года, л. 3.

Екатерину и сына Антипатра, которых вывезли в Россию, но они не могли акклиматизироваться и вскоре умерли. Потомство главного правителя продолжила дочь Афанасия, жившая в городе Каргополе.

Александр Баранов обогатил компанейщиков, а сам остался без состояния, окончательно подорвал здоровье, болел и поэтому просил замены. На смену ему направляли компанейщики двух чиновников, но они из-за смерти не прибыли.

Только в 1818 году в Ново-Архангельск приплыл Гагемейстер, объявивший Баранову о своем вступлении в должность главного правителя колоний. 27 ноября 1818 года почти все население городка провожало бывшего главного правителя. В Каргополь Баранов возвращался на корабле через южные моря, в пути заболел и 16 апреля 1819 года скончался. По морскому обычаю его тело было опущено в воды Зондского пролива. Хорошо знавший А.А.Баранова, Кирилл Хлебников, писал: "... Баранов удержал и упрочил завладения Шелихова... сам сделал дальнейшие и важнейшие заселения, о коих Шелихов и не помышлял..." "... Да будет сие слабое жизнеописание достопочтенного Баранова хотя кратковременным ему памятником... Жизнь Баранова достопамятна и занимательна и поучительна для тех, кои безпристрастно ценят людей действительно полезных Отечеству по заслугам, не взирая на их происхождение..."

Любопытны дальнейшие судьбы детищ А.А.Баранова - Тальцинского стекольного завода под Иркутском и Ново-Архангельска в Америке. Тальцинским стекольным заводом владели его компаньон Кирилл Евстафьевич Лаксман и его жена Екатерина Ивановна Лаксман.

Она продала завод в 1812 году иркутскому купцу Якову Петровичу Солдатову. После его смерти заводом владели иркутские купцы. В советское время завод назывался "Покровским", действовал до середины 1950-х годов. При постройке Иркутской ГЭС попал в зону затопления, поэтому оборудование было демонтировано и передано в Тулунский стекольный завод, расположенный в Иркутской области. Это был самый старый стекольный завод, просуществовавший 170 лет.

В Ново-Архангельском порту построили: собор, две церкви, духовную семинарию, магазины, казармы для солдат и незатейливые жилые домики. Дом губернатора поставили на холме у Крестовой горы со снежной вершиной, вечно покрытой облаками. Все постройки были обнесены крепостной стеной, имеющей двое ворот, запираемых на ночь. За крепостной стеной жило около четырех тысяч человек: российские чиновники, офицеры, солдаты, ремесленники и туземцы.

О драматических событиях последних месяцев российского владычества Е.И.Слинкова, уроженка Ново-Архангельска.

"... Что земля алеутская и остров Ситха проданы российским правительством Америке за 7200 тысяч долларов (около 11 миллионов рублей) узнали русские колонисты в конце августа 1867 года...

Прибыли американские суда, явились в светлосиних шинелях американские солдаты... Как грибы, стали вырастать легкие перевозные американские дома... В день передачи русских владений новым хозяевам-американцам 7 октября 1867 года, погода стояла ясная.

Весь наличный состав населения высыпал наблюдать зрелище передачи. Наш и американский гарнизон стояли в строю.

... Тихо спустился русский флаг, взвился звездный флаг республики, грянули американские пушки и русская жизнь и власть навсегда кончилась в Северной Америке.

Среди присутствовавших жителей одна глубокая старушка очень

удивилась и говорила, что она видела как поднимали русский флаг и теперь ей пришлось быть свидетельницей, как его опускали.

Как оказалось, она была крестницей самого Баранова... (1)

Жителям предоставлено было право или выехать в Россию или принять американское гражданство. Всего жителей на островах насчитывалось 18 тысяч человек, из них русских около тысячи человек. Некоторые изменили свою национальность и остались в Новой Америке, часть переселилась в Восточную Сибирь, часть возвратилась на родину в Россию".

Еще при его жизни именем Баранова называли российские и иностранные корабли.

Остров Ситха, расположенный на 57 градусе северной широты и 135 градусов 18 минут западной долготы, переименован в остров Баранова.

Ныне общественность нашей страны отметила 250-летие Русской Америки, их которых 126 лет выпало на российское владение, из них 27 лет на долю главного правителя, легендарного Александра Андреевича Баранова, вошедшего в мировую историю.

Иркутяне помнят и чтят А.А.Баранова, бывшего иркутского гостя.

1977-1991 г.г.

(1) "Сибирский Архив". XII 1915 г., N 12, стр. 562.

"ОТЕЧЕСТВО ДЛЯ СОЦИАЛИСТА ПУСТОЙ ЗВУК"

Воспоминания В.И.Анучина о М.В.Фрунзе

Имя Василия Ивановича Анучина на долгие годы было вычеркнуто из истории Сибири (1). Почему? Слишком своеобразно мыслил. Еще в 1901 году находим у него такое рассуждение: "Диктатуру буржуазии сменит диктатура пролетариата, - превосходно ! Но исчезнут ли при этом пороки буржуазного строя, обусловленные свойствами человека? Например, исчезнет ли или хотя бы уменьшится преступность? Неизвестно ! (...) Если преступность не исчезнет, если при диктатуре пролетариата останутся: охранное отделение, суды, тюрьмы, ссылки и казни, то по этому страшному провалу на носу общества можно составить суждение: до социализма еще очень далеко. Простая смена классовых диктатур еще не открывает дверей в социализм". (2) Уже после 1917 года, прочитав в рукописи одну из работ В.И.Анучина, Горький ответил автору так: "... не думаю, что она может быть издана в виду ее разногласия с философией, - так сказать - официально признанной". (3)

Что же за человек был В.И.Анучин? Он родился 2(14) апреля 1875 года в селе Базаиха Красноярского округа Енисейской губернии в семье рабочего-золотодобытчика. Первоначальное образование получил в церковно-приходской школе и Красноярском духовном училище (на обучение в гимназии у семьи не было средств). "Получив свидетельство об окончании училища, - пишет Василий Иванович в своей автобиографии, - был отправлен в Томскую духовную семинарию, при материальной поддержке минусинских старообрядцев, пожелавших иметь образованного попа. В первом же классе открылся голос

---

(1) В.И.Анучин не упоминается в библиографическом указателе "Русская литература Сибири. Т.1. XYII в.-1970 г." (Новосибирск, 1976) и в претендующих на фундаментальность "Очерках русской литературы Сибири" (Т.1. Дореволюционный период. Новосибирск, 1982).

(2) Письмо Г.Н.Потанину от 2 декабря 1901 года. - ЦГАЛИ, ф.381, оп.1, д.2а, л.21 об.

(3) Письмо Горького В.И.Анучину от 5 марта 1928 года. - АГ. ПГ-рл-2-4-8.

(октава), что дало заработок и почти независимое материальное положение на много лет. В Томске знакомство со ссыльными, со студентами, (...) учреждение кружков в духовной семинарии и на этой почве первый арест и тюрьма - зимою 1896-1897 гг. (...) После ареста о продолжении учения в семинарии уже невозможно было думать. (...) Осенью 1897 г. переехал на жительство в Петербург". (1)

В столице молодой человек продолжил образование в Археологическом институте.

С 1896 года В.И.Анучин выступает в периодической печати. Вскоре его беллетристические произведения начинают выходить отдельными изданиями. В своем творчестве Василий Иванович широко использует сибирский фольклор. Больше всего его интересуют легенды, в которых, по мнению литератора, "больше сливок отстоявшейся мудрости". (2)

По окончании института В.И.Анучин был приглашен на работу в Музей антропологии и этнографии. Вскоре (осенью 1904 года) Василий Иванович получает предложенеи от Академии наук поехать в Туруханский край для изучения культуры и быта енисейцев (остяков). Весной 1905 года экспедиция отправилась в путь. Эта трудная работа продолжалась несколько лет. (3)

Во время первой русской революции В.И.Анучин принимает активное участие в работе руководящих органов так называемой "Красноярской республики". Позднее он так писла об этом времени: "Я был близким участником пресловутой "Красноярской Республики", нередко заседания Рев. Комитета про-

---

(1) ЦГА Узбекистана, ф.Р-1726, оп.1, д.1, л.26-27

(2) Письмо Г.Н.Потанину от 19 октября 1899 года. - ЦГАЛИ, ф.381, оп.1, д.2а, л.17 об.

(3) В экспедициях В.И.Анучин не раз подвергался смертельной опасности. В июле 1910 года газета "Утро России" сообщила своим читателям: "Во время шторма (на Енисее - Е.Н.), разыгравшегося 9 июля, погибла крытая шлюпка этнографа В.И.Анучина. Пока рекою выброшено тело одного инородца, постоянного спутника экспедиции: тела остальных и самого Анучина еще не найдены. Василий Иванович погиб еще молодым человеком, из которого обещала выйти крупная величина. Большой знаток Сибири и, в частности, Туруханского края, В.И.Ануучин был командирован сюда Академией наук и работал уже пять лет".

исходили (при участии Урицкого [4]) в моей квартире. Теперь я прихожу в ужас от тех невероятных "воспоминаний" неведомых лиц, которые были помещены в сибирских газетах (в 1925-1926 годах - Е.Н.), но я догадываюсь, что эта крайняя бесцеремонность в отношении фактов прошлого... не случайна".[5]

С 1911 года В.И.Анучин живет в Томске, часто выезжая в другие сибирские города с лекциями.

В 1918 года увидели свет две работы сибирского литератора "Социальный закон. Закон периодичности в народных движениях" и "Твори радость. Моя религия". [6] Этот год стал пиковым в общественной деятельности Василия Ивановича. Он избирается сначáла председателем проходившего в Улале учредительного Горно-алтайского краевого съезда инородческих и крестьянских депутатов, а затем - каганом (особо уполномоченным) по делам республики Ойрот (об ее образовании было заявлено на съезде).

Резиденция кагана временно должна была располагаться в Томске. В этом городе Василий Иванович проживал относительно безбедно до тех пор, пока во время дискуссии на тему "Наши достижения и ошибки", организованной Губпрофсоветом в марте 1922 года, не сообщил собравшейся публике (свыше 2 тысяч человек) о том, как во время Гражданской войны начальник секретной части Губчека продал белогвардейцам за золото несколько вагонов военного снаряжения.

(4) Урицкий Моисей Соломонович (1873-1918), впоследствии председатель петроградской ЧК.

(5) ОР ГБЛ, ф.542, картон 57, д.51, л.1 (письмо М.К.Азадовскому от 12 ноября 1927 года). В нежелании В.И.Анучина подыгрывать тем, кто переписывал отечественную историю, кроется, на мой взгляд, еще одна причина замалчивания имени Василия Ивановича.

(6) В.Я.Шишков 20 марта 1918 года писал В.И.Анучину: "Спасибо за мудрую твою книжку "Твори радость" (ЦГАЛИ, ф.14, оп.1, д.35, л.12). Во 2-м томе "Очерков русской литературы Сибири" (Новосибирск, 1982. С.37) находим другую оценку: "В.Анучин, автор брошюр "Твори радость. Моя религия" (1918) и "Песнь о Красном Демоне" (1919), изданных в Томске. Отрицая царизм и капитализм, автор вместе с тем выступал и против социализма, "поскольку в основе его была положена борьба, а не творчество". В.Анучин утверждал, что человечество едино в своей сущности и "едино желание радости во всех сердцах". Однако за этими словами скрывалась не любовь к человечеству, но глубокая ненависть к тем, кто с оружием в руках сражался за свободу и социальную справедливость".

Предприимчивого чекиста спешно перевели в другое место, а правдоискатель оказался в тюремной камере, где к нему применили различные "воспитательные" меры. "Меня, - вспоминал В.И.Анучин, - вызывали к следователю только для того, чтобы ложно сообщить, что моя жена "уже вышла замуж". Или под вечер ко мне являлся кто-нибудь из Чека и сообщал, что согласно приговора, утвержденного Москвой, я сегодня в ночь буду расстрелян... Меня несколько раз били. Мне рукоятью нагана вышибли шесть зубов. В декабре при сорокоградусном морозе вынули на всю ночю рамы из окна камеры, утром полумертвого отнесли в больницу (я затем 2,5 года ходил на костылях)". (1) "Лечиться" сибиряка отправили на три года в Казань.

По окончании срока ссылки Василий Иванович перебралсся в Самарканд (как говорится, от греха подальше), где преподавал в местном пединституте.

Умер В.И.Анучин 4 ноября 1941 года.

За свою долгую жизнь сибирский литератор и ученый встречался со многими выдающимися людьми (среди них Л.Н.Андреев, Горький, И.Е.Репин, А.Н.Скрябин, Ф.Э.Дзержинский, Ленин), но на воспоминания был скуп.(2)

Впервые публикуемая заметка о М.В.Фрунзе интересна тем, что она обнажает психологию фанатика-большевика, для которого мировая революция дороже Родины. Большевистский образ мышления еще далеко не изжит. Его носители под именем "демократов" пытаютсяс сегодня сложные территориальные вопросы решить одним махом. И снова не в пользу России.

Воспоминания написаны в 1928 году. Рукопись хранится в ЦГАЛИ (ф.14, оп.1, д.4).

---

(2) ЦГАЛИ, ф.14, оп.2, д.1, л.5.

(1) До настоящего времени были известны лишь воспоминания В.И.Анучина о Ленине (Литературный современник. 1940. N 1, С.5-10). В письме к С.Е.Кожевникову от 20 декабря 1940 года В.И.Аунчин дал объяснение своей нелюбви к мемуарному жанру: "Всегда получается так, что воспоминатель, нередко третьестепенная величина во всех отношениях, оказывается обязательно в центре, а вокруг него начинают вращаться, как планеты вокруг солнца, таланты (...) Получается

М.Фрунзе (1904 г.)

(Из воспоминаний)

В последних числах августа 1904 г. в конспиративной квартире (12 линия, Васильевск.остров) происходило заседание Комитета Объединенных Сибирских землячеств, первое после летних каникул. Время было тревожное, члены Комитета подходили поодиночке, с предосторожностями. В числе последних, пришедших на заседание, был "новичок" - представитель Семиреченского землячества - Миша Фрунзе. Свою явку он предъявил мне, как председателю Комитета, еще накануне, причем заявил, что по требованию партии (С.-Д.) поручения нашего комитета для него обязательны, но желательны поручения, касающиеся рабочих, или рабочих районов. На мое замечание, что, приехав из нерабочего района и, следовательно, не будучи знаком с обстановкой работы, он может наделать промахов, Фрунзе скромно ответил: "То же самое сказали мне в партии, но я надеюсь скоро освоиться. В Питер я приехал для стажа и работать буду посильно".

Фрунзе был самым молодым из членов Сибирского комитета; с первого раза производил впечатление флегматичного человека; собираясь говорить, краснел и очень смущался. Говорил короткими, отрывистыми фразами, но всегда по существу и проявлял при этом очень значительную общественную поготовку.

Комитет объединенных землячеств был беспартийною организацией, но почти все его члены персонально или были партийцами, или стажировали, а потому заседания нередко превращались в дискуссии между эсерами, которые количественно преобладали, эсдеками.

В данное время было не до дискуссий. На повестке стояли большие вопросы: о предстоящей (в ноябре) демонстрации и о выборе представителей в Комитет Нарвского района, в тот самый, который через четыре месяца закончился 9-м января и впоследствии назывался гапоновским.

Вопрос о демонстрации не вызвал разногласий, активных ролей не предполагалось, нужно было только как можно шире

мобилизовать студенчество. Фрунзе получил руководство выступлением одной из высших школ.

Что касается Нарвского района, то тут было не все благополучно. Уже были подозрения, что Гапон (1) является провокатором, партия (с.р.) определенно ему не доверяла, в особенности после доклада Рутенберга. (2)

Прения приняли страстный характер. Одни говорили, что все это начинание нужно ликвидировать, другие настаивали на необходимости "использовать попа" даже и в том случае, если он на самом деле провокатор. В числе вторых был и Фрунзе, сказавший выпуклую, четкую речь.

Конечно, нет возможности восстановить ее содержание. Речь была удивительной в устах молодого юноши. Рубя рукой по спинке стула, за которым он стоял, Фрунзе тоном солидного революционера говорил о том, что в нашу эпоху глухого безвременья нужно использовать как можно глубже все возможности, чтоб открыть рабочим истину. "Не только с попом, а хоть с чертом, но вперед", - закончил он.

"Старик" меньшевик Романов (3) в ответ на эту речь ехидно заметил: "Ну, что ж! Большому кораблю большое плаванье", - но все же не стал голосовать за ликвидацию.

В этот же вечер. М.Фрунзе получил маленькое и забавное поручение. Нужно было, приняв "приличный" вид студента из "порядочного" круга, сделать визит либеральной аристократке графине Сечени (4) и получить у нее деньги (около тысячи рублей), пожертвованные на подпольный красный крест. По-видимому, роль буржуйчика Фрунзе не удалась, так как Сечени потом спрашивала: "Что это за переодетый карбонарий ко мне приходил?"

На одном из последующих заседаний был заслушан доклад, название которого память не сохранила, а говорилось в нем о том, как должны будут реагировать социалисты на захват Сибири японцами.

Доклад был жиденький, студенческий, но положение спасла сама тема. В дебатах принимал участие и Фрунзе и на этот раз поразил всех ножиданным оборотом мысли. Он, солидарно с другими, находил, что для данного времени угроза японского захвата слишком преувеличивается. Не отрицая того, что вож-

деления японского империализма есть сила, с которою необходимо считаться, Фрунзе сказал, что в случае если угроза станет реальной, лучше всего будет продать Сибирь американцам: мы получим огромную сумму, а драться будут японцы с американцами.

Эффект получился поразительный. Собрание моментально вышло из берегов. Меньшевики, горячо поддерживаемые некоторыми из эсеров областнического толка, яростно обрушились на Фрунзе. Говорили, что это политический цинизм, анархизм, антигосударственность, не стеснялись и в более бранных выражениях. Когда порядок относительно установился и высказались все желающие, Фрунзе, заметно взволнованный, стал отвечать.

Смысл его речи был таков. Государство, отечество, родина - жупельные слова, а для социалиста пустой звук. Мировая революция - идеал, во имя которого можно все принести в жертву. Если продажа Сибири в какой-либо мере, хотя бы косвенно, посодействует делу поддержания революции - нужно Сибирь продать. Если для дела революции придется уничтожить два-три государства - не беда, нужно их уничтожить. Для социалистов родина и государство - интернационал.

Речь по тогдашнему времени необычная, волнующая. Острота постановки вопроса набатная. Перед многими впервые открылись неожиданные перспективы их работы.

Примечания

1. Гапон Георгий Апполлонович (1870-1906), священник, руководитель Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга. О нем см.: Кавторин Вл. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992.

2. Рутенберг Петр Моисеевич (1878-1942), эсер, с Гапоном сблизился незадолго до 9 января 1905 года, впоследствии один из организаторов убийства священника.

3. Романов Федор Иванович, журналист, сотрудничал в "Журнале для всех", в газетах "Восточное обозрение" и "Голос Сибири". В.И.Анучин дал ему такую характеристику в письме к Г.Н.Потанину от 10 апреля 1901 года: "Ф.Романов? Да, он сибирянин, из Красноярска. Пишет очерки и рассказы из сибирской жизни. Социал-демократ" (ЦГАЛИ, ф.381, оп.1, д.2а, л.20 об.).

4. Сечени (урожд. Коростовцова) Елена Яковлевна. В 1904 году проживала в Петербурге по адресу: Фонтанка, 109. Занималась пением (колоратурное сопрано). Участвовала в благотворительных концертах. Один из них состоялся в зале Кредитного общества 27 апреля 1895 года (в пользу нуждающихся студентов). О другом 16 августа 1895 года писала газета "Новое время": "Певицей, в строгом смысле слова, явилась только графиня Сечени, в передаче которой заметна хорошая школа и музыкальный вкус. Небольшой голос артистки звучал приятно и без малейших погрешностей в интонации; (...) ария из "Травиаты" исполнена была осмысленно и вызвала одобрение публики".

65-00

ЖУРНАЛ СИБИРЬ

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции :
66400, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40
Союз писателей,
тел. 24-56-76, 24-53-73

СИБИРЬ

3'93

